

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»

На правах рукописи

Кирсова Наталья Васильевна

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КАДРЫ КОМИ АВТОНОМИИ
В 1920–1930-е гг.: ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Минеева Елена Константиновна

Чебоксары – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	3
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В 20–30-е гг. XX ВЕКА.	43
§ 1.1. Административно-территориальное деление, автономизация в Советском государстве и Коми автономии.	43
§ 1.2. Кадровая политика как направление партийно- государственного строительства.	59
§ 1.3. Коренизация как тактическая задача национально- государственного строительства.	87
Глава 2. МЕСТО И РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ КОМИ АВТОНОМИИ.	106
§ 2.1. Областные партийные конференции как высший орган партийно- государственного управления.	106
§ 2.2. Коми областная парторганизация и социальный портрет партийного актива.	127
§ 2.3. Чистки в качестве инструмента регулирования кадрового состава.	141
Глава 3. СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В КОМИ АВТОНОМИИ.	165
§ 3.1. Формирование кадрового состава государственных органов и их аппаратов.	165
§ 3.2. Социальные характеристики руководящих кадров органов государственной власти.	180
§ 3.3. Проверки и чистки как методы реорганизации государственного аппарата.	198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	216
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.	223
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.	226
ПРИЛОЖЕНИЯ.	279

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Система государственного управления, регулируемая различными принципами и нормами, которые способствуют достижению целей и задач, зависит от множества факторов. Прежде всего, её эффективное функционирование требует подготовки и переподготовки кадров, наличия резерва государственных и муниципальных служащих, оценки их социально-профессиональных характеристик. Важным условием формирования кадрового потенциала является анализ принципов, механизмов, способов, заложенных в самой системе социальных отношений. Кадровая политика, осуществляемая на различных уровнях государственного управления, невозможна без глубокого осмысления исторического прошлого. Комплексный подход к изучению данного вопроса позволяет оценить результаты государственного строительства и выстроить современные направления развития как государства в целом, так и отдельных его регионов. Управленческие кадры, как действующие субъекты государственного управления, могут оказывать влияние на принятие стратегических решений, что позволяет им становиться элитарным слоем общества. Во многом благодаря эффективному функционированию региональных управленческих аппаратов зависит государственное управление в целом. Местное население всегда оценивало результаты деятельности своих руководителей и ассоциировало их с центральной властью, а управленческие способности являлись одним из факторов повышения их авторитета.

В основе строительства Советского государства в 1920–1930-е гг. также находилось формирование системы управленческих кадров. Главенствующая роль в этом процессе принадлежала правящей партии. Кадровая политика РКП(б)–ВКП(б) была обусловлена важностью управленческой деятельности и подразумевала осуществление ряда мероприятий с использованием различных принципов и механизмов. Одним из них являлось выдвижение и назначение, нормативное оформление которого привело к формированию номенклатурной

системы. Подбор управленцев на соответствующие партийные и государственные должности осуществлялся в основном из числа партийных резервистов. К руководящим кадрам предъявлялись определённые личностные и профессиональные требования; важную роль играли социальные характеристики, в т. ч. принадлежность к правящей партии. К самой многочисленной группе управленцев относились представители нижнего и среднего уровней: секретари партийных комитетов, председатели исполнительных комитетов и советов депутатов, руководители правоохранительных органов, директора заводов, МТС, председатели колхозов и др. Кадровая элита формировалась как на высшем, региональном и местном уровнях, так и разделялась на партийную, советскую (административную), хозяйственную и др. Безусловно руководители партийных и государственных структур как политических институтов, обладали большим властным ресурсом во всей системе государственного управления, чем например хозяйственная элита.

В первые десятилетия советская власть одной из главных ставила задачу демократизации государственного аппарата, построенную на принципах разделения властей. Так формировались её законодательные и исполнительные органы, проходили выборные процедуры на различные должности. Вместе с тем подбор и расстановка кадров осуществлялась на принципах классовости, что обеспечивало доступ к государственному управлению не только рабочих, но и беднейшего крестьянства. Установление единой системы учёта кадров, построенной на должностном принципе, позволила сформировать систему номенклатурных работников, которая просуществовала многие десятилетия.

Особенности формирования системы управленческих кадров в регионах были связаны с изменениями в административно-территориальном устройстве. Они также зависели от реализации директивных установок по приближению партийно-государственного аппарата к местному населению. В исследуемый период оформление автономий сопровождала так называемая «коренизация» аппаратов, т. е. введение родного языка в делопроизводство и вовлечение

националов в управленческие процессы. Особое место в совершенствовании кадрового состава занимали чистки партийного и государственного аппарата.

В становлении и развитии государственности Коми автономии также важнейшую роль сыграла областная партийная организация и её высший орган управления – Коми областная партийная конференция, обладавшая политическими полномочиями в определении структуры и состава региональных управленческих кадров, способов его формирования. В составе делегатского корпуса партфорумов находились представители различных управленческих структур региона. Совокупность необходимых качеств позволяла им приобщаться к элитарным слоям и принимать участие в разработке стратегических решений.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена рядом факторов. *Во-первых*, объективное научное осмысление исторических событий поможет всесторонне изучить опыт регионального управления в формировании управленческого состава. *Во-вторых*, не в полной мере исследованы механизмы и инструменты кадровой политики, что нередко приводит к субъективной оценке деятельности партийно-государственных структур в первые десятилетия советской власти. *В-третьих*, неизученными остаются различные комплексы документов, отложившиеся в фондах региональных архивов, в связи с чем актуальным становится введение в научный оборот ранее не использованных источников. С точки зрения заявленной темы, такими источниками могут являться анкеты и регистрационные списки делегатов Коми областных партийных конференций, которые содержат уникальную информацию о местных управленческих кадрах. *В-четвёртых*, исследование региональных управленцев позволяет выявить как общие черты и закономерности в их составе и структуре, так и отличительные особенности, свойственные конкретным регионам. Кроме того, у исследователя появляется возможность проследить зависимость (независимость) региональных партийно-государственных органов в принятии кадровых решений от директивных установок высших органов.

Объектом диссертационного исследования являются управленческие кадры Коми автономной области–Коми АССР 1920–1930-х гг.; **предмет исследования** состоит в изучении исторических условий, инструментов, механизмов и методов формирования и развития системы управленческих кадров и анализе социальных характеристик руководителей партийных и государственных структур.

Хронологические рамки исследования. Границы диссертации охватывают первые два десятилетия становления государственности Коми автономии. *Нижняя граница* связана с началом национально-государственного строительства в Коми автономной области и временем созыва I Всезырянского съезда коммунистов (8–13 января 1921 г.), вошедшего в историю региона как отправная точка правового оформления автономии, формирования областной партийной организации и органов государственного управления. *Верхнюю хронологическую границу* определяет проведение последнего в довоенный период истории Коми автономии партийного форума (10–14 марта 1940 г.). В течение этого времени осуществлял свою деятельность и высший представительный орган власти – Коми областной съезд Советов, одним из важнейших решений которого стало принятие на XI чрезвычайном съезде (20–24 июня 1937 г.) Конституции Коми АССР. Всего за исследуемый период состоялось 17 Коми областных партийных конференций (прил. 1) и 11 Коми областных съездов Советов (прил. 2). Кроме того, хронологические рамки обусловлены важнейшей группой источников, таких как анкеты и регистрационные списки участников областных партийных форумов, позволяющие проанализировать социальные характеристики регионального руководящего состава – представителей различных элитарных групп.

Территориальные рамки диссертационного исследования обусловлены административно-территориальным делением Коми региона, которое на протяжении исследуемого периода неоднократно изменялось. За основу взято административно-территориальное деление на момент создания Коми автономной области, закреплённое Декретом ВЦИК от 02 мая 1922 г. В неё входили Усть-

Сысольский уезд, Усть-Вымский уезд, Усть-Куломский уезд, Печорский уезд, с центром области – г. Усть-Сысольск. Границы области изменялись в 1922 г. и в 1924 г., что было связано с укрупнением волостей и присоединением к ней отдельных территорий. В связи с образованием в 1929 г. Северного края и вхождением в его состав области было проведено очередное административно-территориальное устройство, в результате которого область была разделена на девять районов. В 1930 г. по постановлению Президиума ЦИК СССР г. Усть-Сысольск был переименован в г. Сыктывкар. Дальнейшие территориальные изменения были связаны с образованием новых районов, число которых постоянно менялось. В 1936 г. в составе области был выделен Печорский округ. Коми автономная область в соответствии с принятой в 1936 г. новой Конституции СССР была переименована в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику, которая к концу 1930-х гг. состояла из пятнадцати районов.

Степень научной разработанности проблемы. В историографии проблемы можно выделить несколько периодов: *первый* – 1920-е гг.; *второй* – 1930-е – 1950-е гг.; *третий* – 1960-е – 1980-е гг.; *четвёртый (постсоветский)* – 1990-е гг. – по настоящее время. Данная периодизация обусловлена проблематикой, концептуальными подходами к её анализу и обобщению, а также комплексами источников, используемых для её раскрытия.

Первый историографический период (1920-е гг.) можно охарактеризовать как время, когда публикация изданий имела непосредственную практическую значимость. Несмотря на то, что нами не были выявлены научные работы, важную методологическую роль для раскрытия темы играют такие источники, как публикации видных деятелей партии и государства. Накопление и изучение материала по отдельным историко-партийным проблемам позволило подготовить целый ряд крупных работ. Например, к их числу можно отнести обобщающие издания по истории РКП(б) В. И. Невского, вышедшие в период с 1923 г. по

1926 г.¹ Впервые на основе большого количества источников он проанализировал становление и организационное оформление социал-демократии в России в дооктябрьский период. Обобщением материала по истории большевистской партии также занимались А. С. Бубнов², Е. М. Ярославский³ и другие партийные деятели, которые уделяли внимание в первую очередь организационным вопросам партийного строительства, стратегическим задачам партийного руководства, практическому осуществлению решений съездов и конференций и ряду других проблем. Следует отметить изданные в 1923–1924 гг. лекции по истории партии большевиков Г. Е. Зиновьева – одного из видных лидеров партии. Как заявлял сам автор, они были изданы «по настоянию товарищей и только потому, что литература по истории Р.К.П. пока ещё очень бедна»⁴.

Обобщение материала по истории партии позволяло их авторам анализировать и раскрывать некоторые аспекты партийного строительства. В основном в этих работах давалась оценка проводимых под руководством партийных органов мероприятий, а также звучали предложения по улучшению деятельности партийных организаций. Среди публикаций анализируемого периода можно отметить некоторые издания по проблемам кадровой политики, например, по учёту и распределению руководящих кадров⁵, анализу социального состава парторганизации⁶, проведению чисток партийных и советских структур⁷,

¹ Невский В. И. Очерки по истории Российской коммунистической партии. М., 1923; То же. Т.1. 2-е изд. М., 1925; Его же. История РКП(б). Краткий очерк. М., 1926; и др.

² Бубнов А. С. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России. М., 1924; Его же. Основные вопросы истории РКП(б). М., 1924; и др.

³ Ярославский Е. М. Краткие очерки по истории ВКП(б). Ч.1. От народничества до периода ликвидаторства. 3-е изд. М.; Л., 1928; Его же. Краткие очерки по истории ВКП(б). Ч.2. От периода ликвидаторства до XV съезда ВКП(б). М.; Л., 1928; и др.

⁴ Зиновьев Г. Е. Лекции по истории Российской коммунистической партии (большевиков) // Режим доступа : www.agitclub.ru/center/comm/zin/zin1.html.

⁵ См., напр.: Руководящие кадры Р.К.П.(большевиков) и их распределение. М.; Л., 1925.

⁶ См., напр.: Бубнов А. С. Социальный и национальный состав ВКП(б). М.; Л., 1928.

⁷ См., напр.: Лебедь Д. З. Укрепление аппарата пролетарской диктатуры : Проверка и чистка состава советских служащих. М.; Л., 1929; Митрофанов А. Х. О чистке и проверке рядов ВКП(б). М.; Л., 1929; Ярославский Е. М. О чистке и проверке членов и кандидатов ВКП(б). М.; Л., 1929 и др.

организации советского аппарата⁸. Отдельные аспекты формирования кадрового состава находили отражение в статьях, опубликованных на страницах периодических изданий и в сборниках⁹.

Интерес для диссертационного исследования представляют статьи первых секретарей Коми обкома М. П. Минина и Я. Ф. Потапова, в которых они поясняют причины образования партийной организации¹⁰. В середине 1920-х гг. вышел в свет цикл статей краеведа, члена исторической секции Общества по изучению Коми края А. А. Цембера, посвящённый изучению и обобщению материала о революционных событиях в уездных центрах – Усть-Сысольске и Яренске. Они носили ярко публицистический характер и были написаны на большом фактическом материале¹¹. Кроме того, в 1928 г. в журнале «Коми му» вышла статья, в которой А. А. Цембер обобщил деятельность Коми областной партийной организации за десятилетний период¹².

Таким образом, отличительной особенностью первого историографического периода является то, что уже в 1920-е гг. предпринимались первые попытки обобщения и систематизации фактологического материала по истории РКП(б)–ВКП(б), деятельности партийных органов по реализации различных направлений партийно-государственного строительства, функционированию региональных парторганизаций и др. Но эти работы в большей степени носили информационно-справочный и агитационно-пропагандистский характер. Их авторами, как

⁸ См., напр.: Лужин А. В. Низовой советский аппарат. М., 1929; и др.

⁹ См., напр.: Алиханов Г. Против старых методов подбора людей // Партийное строительство. 1929. № 2. С. 27–31; Мартынов А. Кадры и аппарат // Большевик. 1924. № 3–4. С. 1–6; Межоль К. Недочёты и промахи проверок и чисток в прошлом // Как проводить чистку партии: сб. директивных статей и материалов / под ред. Е. М. Ярославского. М.; Л., 1929; Сырцов С. Ближайшие задачи в области учёта и распределения // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 49. С. 11–14; и др.

¹⁰ Минин М. П. К шестой годовщине Коми автономии // Коми му. 1927. № 4–5. С. 6; Потапов Я. Основные мотивы организации РКП(б) в Коми области // Югид туй. 1923. 14 марта.

¹¹ Цембер А. А. 1917 год в г. Усть-Сысольске // Известия Коми ОК РКП(б). 1923. № 7–8; Его же. Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске // Коми му. 1927. № 10–11; Его же. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы // Коми му. 1926–1928; и др.

¹² Цембер А. А. Первое десятилетие Коми организации ВКП(б) : (16 июня 1918–16 июня 1928) // Коми му. 1928. № 7.

правило, являлись представители высшего партийного руководства, вследствие чего говорить о научном подходе в этих работах не приходится.

Второй период отечественной историографии (1930–1950-е гг.) в целом можно назвать периодом стагнации. Репрессивная политика государства привела к тому, что в исторической науке под запретом оказались некоторые темы, прекратились научные разработки, стали недоступными многие источники. Издания этого периода носили ярко выраженный идеологический оттенок.

В начале 1930-х гг. продолжали издаваться обобщающие труды по истории РКП(б)–ВКП(б). Их авторами по-прежнему являлись партийные функционеры, большевики А. С. Бубнов, В. Кнорин, Е. М. Ярославский и другие партийные и государственные деятели¹³. В 1938 г. специальная комиссия ЦК ВКП(б) одобрила к изданию новый труд – «История ВКП(б). Краткий курс»¹⁴, вслед за которым для усвоения изложенного материала стали публиковаться различные пособия методического характера: сборники документов, руководства по самостоятельному изучению конкретных глав, лекционные материалы и др.¹⁵

Наряду с обобщающими трудами по истории партии издавались работы, освещавшие те или иные аспекты партийно-государственного строительства. Но все они были написаны через призму обоснования руководящей роли партии. Например, проходившие в 1938 г. по всей стране выборы в Верховный Совет СССР, а затем и выборы в региональные органы власти и местные советы депутатов трудящихся сопровождались проведением массовых агитационных кампаний. Эти мероприятия способствовали появлению изданий, в которых

¹³ Бубнов А. С. История ВКП(б). М., 1931; Кнорин В. Краткая история ВКП(б). М., 1936; Ярославский Е. М. История ВКП(б). 2-е изд. М., 1935; и др.

¹⁴ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.

¹⁵ См., напр.: Пospelов П. Н. История ВКП(б) – марксизм-ленинизм в действии : стенограмма публичной лекции. М., 1949; Сборник материалов в помощь изучающим историю ВКП(б): консультации к II главе «Краткого курса истории ВКП(б). Минск, 1939; Чему учит история ВКП(б): консультации к XV теме учебного плана кружков по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)». М., 1950; и др.

обобщался опыт агитационно-пропагандистской работы¹⁶. Продолжали изучаться различные направления кадровой политики ВКП(б). Так, рассматривались вопросы организации и проведения «ленинского призыва»¹⁷, роли «двадцатипятидесятников» в реализации идеи об укреплении связи города с деревней¹⁸. Дальнейшее развитие получили темы подбора, выдвижения и расстановки партийных кадров¹⁹, регулирования социального состава²⁰, чисток и реорганизаций госаппарата²¹ и др. Актуальным для данного периода являлось осуществление языкового строительства, в частности проведение латинизации национальных алфавитов²². Однако в большинстве изданий анализу подвергались проблемы партийного строительства периода 1920-х гг., поскольку для исследователей были доступны источники этого времени.

Для публикаций данного историографического периода характерным оставалось изучение истории становления региональных партийных организаций в контексте общей истории установления советской власти на конкретной территории²³. Прежде всего обобщался и систематизировался накопленный

¹⁶ См., напр.: Агитаторы : опыт и задачи агитаторов избирательных кампании по выборам в районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся Мордовской АССР. Саранск, 1939; Алексеев М. Ф. Большевистские агитаторы : Опыт агитационно-массовой работы в Ленинградской области. Л., 1938; Протасов Н. И. Большевистские агитаторы на избирательном участке : Опыт агитационно-массовой работы в период избирательной кампании в Верховный Совет СССР в Ленинском районе г. Москвы. М., 1938; и др.

¹⁷ См., напр.: Костыгова З. П. Ленинский призыв в партию (1924 год). М., 1949; Пешников В. В. Ленинский призыв в партию и идейно-политическое воспитание коммунистов. М., 1954; и др.

¹⁸ См., напр.: Зомбе Е. Двадцатипятидесятники // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 3–22; Розенфельд В. Я. Двадцатипятидесятники. М., 1957; и др.

¹⁹ См., напр.: Слепов Л. А. Приём в партию и воспитание молодых коммунистов. М., 1943; Его же. Подбор кадров, их выдвижение и расстановка. М., 1953; Фомин И. А. Подбор, расстановка и воспитание кадров. М., 1953; и др.

²⁰ См., напр.: Глазырин И. Г. Регулирование состава КПСС в период строительства социализма. М., 1957; Головняк А. Ф. Прием в большевистскую партию и регулирование ее социального состава в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925). М., 1950; и др.

²¹ См., напр.: Шкловский Г. Чистка госаппарата и выдвижение. М., 1930; и др.

²² См., напр.: Яковлев Н. Ф. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 25–36; и др.

²³ См., напр.: Кирюхина Е. И. Установление Советской власти в Вятской губернии. Киров, 1955; Рябухин Е. И. Большевики Удмуртии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (1917–1918 гг.) // Учёные записки Глазовского гос. пед. ин-та. Вып. II. Ижевск, 1955; и др.

фактологический материал; например, в 1930-е гг. историей Коми автономной области–Коми АССР занимались В. М. Подоров и Н. И. Ульянов. В их исследованиях уделялось внимание организации на территории Коми края первых ячеек РКП(б), что являлось одной из важнейших проблем историко-партийной науки того времени²⁴. Продолжали издаваться обобщающие работы по истории Коми национально-государственного строительства²⁵, а также работы, посвящённые роли областной партийной организации в руководстве различными сферами государственного управления²⁶.

В послевоенные годы появились научные работы по проблемам национально-государственного строительства, но они в основном были приурочены к празднованию образования СССР. Среди них следует выделить монографии Н. И. Матюшкина²⁷. Первое диссертационное исследование по выявлению особенностей, проходивших на территории Коми автономии политических, экономических, культурных и общественно значимых процессов, было выполнено В. Н. Давыдовым²⁸.

В конце 1950-х гг. в историко-партийной науке были пересмотрены прежние положения, связанные с периодизацией истории партии. Результатом дискуссий стало появление новой «Истории КПСС» под редакцией Б. Н. Пономарёва²⁹. Этот учебник выдержал несколько переизданий и оставался самым

²⁴ Подоров В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков): в 2 т. Сыктывкар, 1933; Ульянов Н. И. Очерки истории коми-зырян. М.; Л., 1932; Его же. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1932; и др.

²⁵ См., напр.: Ветошкин М. К. Образование Коми автономной области. Л., 1950; Десять лет социалистического строительства автономной области Коми: с 1921 по 1931 гг. Сыктывкар, 1931; 25 лет Коми АССР. 1921–1945 гг. Сыктывкар, 1946; Старцев Г. А. Пятнадцать лет Коми областной организации ВКП(б) // За новый Север. 1933. 24, 27 авг.; и др.

²⁶ См., напр.: Иванов В., Конторин Д. За перестройку партийно-массовой работы. Сыктывкар, 1932; Коми парторганизация – организатор побед // За новый Север. 1935. 6 марта; Культурное строительство в Коми АССР (материалы для агитаторов). Сыктывкар, 1939; и др.

²⁷ См., напр.: Матюшкин Н. И. Дружба народов СССР – источник силы Советского государства. М., 1947; Его же. СССР – страна великого содружества народов. М., 1953; и др.

²⁸ Давыдов В. Н. Коми автономная область в период восстановления народного хозяйства СССР (1921–1925 гг.) : Хозяйственное и культурное строительство: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1955.

²⁹ История Коммунистической партии Советского Союза / под ред. Б. Н. Пономарёва. М., 1959.

распространённым в последующие годы. Кроме того, во второй половине 1950-х гг. впервые были изданы фундаментальные работы по истории региональных парторганизаций в виде «Очерков»³⁰. Источниковой базой для систематизации материала послужили обширные документальные фонды центральных и региональных партийных архивов, воспоминания руководителей и рядовых членов партии, материалы периодической печати и др. «Очерки» представляли собой обобщение фактического материала по партийно-государственному строительству: организационной работе, кадровой и идеологической политике, формах и методах партийного руководства государственными органами и общественными организациями и др. Материал в них располагался в соответствии с принятой в то время периодизацией истории СССР.

Анализируя работы второго историографического периода, следует подчеркнуть, что в целом им была присуща популяризация и пропаганда деятельности как высших, так и региональных парторганов. Как справедливо заметил М. В. Таскаев, в изданиях 1930-х гг. любые действия большевиков были оправданы и считались необходимыми для укрепления советской власти³¹. В работах обобщающего характера по истории партийных организаций по-прежнему не был представлен систематизированный с научной точки зрения материал по формированию корпуса управленческих кадров. В первых научных исследованиях раскрывались только позитивные сюжеты политической истории страны, укладывающиеся в рамки историко-партийной науки.

Третий период в отечественной историографии (1960–1980-е гг.) обусловлен проявлением некоторой информационной открытости, чему способствовали решения XX съезда КПСС. Но смена общественно-политической обстановки практически никак не отражалась на научных исследованиях 1960 –

³⁰ См., напр.: Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. 1. Ярославль, 1963; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 1. Л., 1962; Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. 1. Саратов, 1957; То же. Ч. 2. 1965; и др.

³¹ Таскаев М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург, 2011. С. 12.

первой половины 1980-х гг.: они не выходили за рамки традиционной трактовки политической истории, в них присутствовали идеологические ограничения, заданные установками партии. При оценке социально-политических и социально-экономических процессов в работах по-прежнему превалировала роль РКП(б)–ВКП(б), что не способствовало объективной и всесторонней оценке исторических событий. Вместе с тем во второй половине 1980-х гг., в «перестроечный период», появились публикации, в которых стали расставляться новые акценты в изучении политической истории страны. Как заметили О. В. Волобуев и С. В. Кулешов, историческое сознание долгие годы формировалось на основе «Краткого курса истории ВКП(б)», куда была «вмонтирована соответствующая версия прочтения процессов партийной жизни, жёстко вошедшая в набор исторических стереотипов последующих поколений»³².

В этот период продолжались издаваться обобщающие труды по истории партийного строительства. В начале 1960-х гг. перед историками была поставлена очередная задача – написать многотомную «Историю КПСС»³³. В ней на основе введения в научный оборот новых источников была всесторонне показана деятельность региональных (областных, губернских, краевых) партийных организаций, а также отражена специфика работы заводских и сельских ячеек. По всей стране выходили «Очерки» по истории региональных партийных организаций³⁴, а некоторые ранние работы были дополнены и переизданы³⁵. Так, в 1964 г. научными сотрудниками Коми филиала Академии наук СССР и преподавателями Коми государственного педагогического института были подготовлены «Очерки истории Коми партийной организации», в которых

³² Волобуев О. В., Кулешов С. В. История по-сталински // Суровая драма народа. М., 1989. С. 332.

³³ См., напр.: История КПСС: в 6 т. М., 1964–1980; КПСС. Справочник. М., 1978; и др.

³⁴ См., напр.: Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971; Очерки истории Чувашской организации КПСС. Чебоксары, 1974; и др.

³⁵ См., напр.: Очерки истории Владимирской организации КПСС. 2-е изд. Ярославль, 1972; Очерки истории партийной организации Дона. 2-е изд. Ростов-н/Д, 1973; Очерки истории партийной организации Татарии. 1883–1972. 2-е изд. Казань, 1973; и др.

представлены общие тенденции развития облпарторганизации³⁶. В конце 1980-х гг. они вышли во втором издании, но, несмотря на переработку материала, раздел, охватывающий период 1920–1930-х гг., существенно не изменился³⁷.

Введение в оборот новых материалов партийных архивов позволило опубликовать, а в некоторых случаях дополнить, целый ряд важнейших источников в виде таких изданий, как «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Справочник партийного работника» и др. Например, в сборниках «КПСС в цифрах», содержащих статистические данные и дающих наглядное представление о региональных партийных организациях, приводились сведения о количестве и структуре первичных партийных организаций, расстановке коммунистов по роду занятий, по отраслям народного хозяйства и др.³⁸ Материалы о развитии Коми областной партийной организации также были отражены в соответствующем сборнике³⁹. Они позволяют выявить динамические изменения численности организации, в том числе в 1920–1930-е гг., изучить её социальный состав, определить образовательный уровень коммунистов, дать характеристику членам организации по партийному стажу, национальности, полу и др.

Из характерных для данного историографического периода изданий следует отметить «Хроники» деятельности региональных партийных организаций⁴⁰. В отличие от «Очерков», они представляли собой краткое изложение событий в хронологической последовательности с указанием источника, на основании которого был установлен тот или иной факт. Документально подтверждённые

³⁶ Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1964.

³⁷ Очерки истории Коми областной организации КПСС. 2-е изд., доп. и перераб. Сыктывкар, 1987.

³⁸ См., напр.: Пермская областная организация КПСС в цифрах (1917–1973) : стат. сб. Пермь, 1974; Удмуртская областная организация КПСС в цифрах. 1921–1985 : стат. сб. Устинов, 1986; и др.

³⁹ Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976. Сыктывкар, 1977.

⁴⁰ См., напр.: Пермская областная организация КПСС : Хроника. Пермь, 1983; Путь борьбы и созидания : Хроника Марийской областной партийной организации КПСС. Йошкар-Ола, 1988; Чувашская областная организация КПСС. Хроника. Кн. 1. 1898–1955. Чебоксары, 1989; и др.

факты давали возможность проследить деятельность парторганизаций с момента образования первых ячеек до времени выхода в свет «Хроник»⁴¹. Например, в статьях-фактах, посвящённых работе Коми облпартконференций, перечислялись вопросы, включённые в повестку дня, и давалась общая характеристика принятым решениям. Книга способствует проведению комплексного анализа проблем партийно-государственного строительства в регионе.

Отдельного внимания заслуживает двухтомник «История национально-государственного строительства в СССР», первое издание которого вышло в свет в 1968–1970 гг. В книге исследуются этапы истории национально-государственного строительства, рассматривается не только история создания и развития СССР, но и его республик, национальных областей и округов, раскрываются закономерности формирования административно-территориальных делений, уделяется внимание процессам создания и функционирования государственных органов⁴². В этот период проблемами развития автономий, совершенствования их государственного аппарата, вовлечения местного населения в общественную жизнь регионов занимались не только историки, например, С. И. Якубовская⁴³, но и специалисты в области юриспруденции Д. Л. Златопольский, О. И. Чистяков, М. А. Шафир, которые изучали правовые аспекты осуществления национально-государственного строительства⁴⁴.

Кроме обобщающих работ издавались и отдельные монографии. Интерес исследователей был сосредоточен на изучении различных направлений кадровой

⁴¹ Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной организации КПСС. 1917–1981. Сыктывкар, 1982.

⁴² История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978 : в 2-х т. 2-е изд. М., 1979.

⁴³ См., напр.: Якубовская С. И. Строительство Союзного Советского социалистического государства. 1922–1925 гг. М., 1960; Её же. Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936. М., 1972; и др.

⁴⁴ См., напр.: Златопольский Д. Л. Национальная государственность союзных республик. М., 1968; Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1980; Шафир М. А. Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1983; и др.

политики РКП(б) – ВКП(б), механизмах и инструментах их реализации⁴⁵. В работах анализировались поднятые ранее темы, такие как подбор и расстановка руководящих кадров, «ленинский призыв», партийные чистки и др.⁴⁶ Внимание уделялось вопросам функционирования госаппарата⁴⁷. Исследовались процессы становления национальной письменности и её латинизации⁴⁸.

Проблемы национально-государственного строительства, автономизации территорий продолжали оставаться предметом научных исследований и публикаций материалов в периодических изданиях Н. И. Матюшкина, О. И. Чистякова, С. И. Якубовской⁴⁹. В статьях А. И. Чугунова и И. Н. Юдина анализировалась социальная структура партии и участие органов контроля в осуществлении кадровой политики⁵⁰. Социальные характеристики служащих советских органов управления изучали В. З. Дробижев, Е. И. Пивовар⁵¹. Проблемы регионального языкового строительства и латинизации алфавитов

⁴⁵ См., напр.: Разумов Е. А. Проблемы кадровой политики КПСС. М., 1983; Сажин А. И. Кадровая политика КПСС : история и современность. М., 1989; и др.

⁴⁶ См., напр.: Горлов П. М. Ленинский призыв. М., 1962; Иконников С. Н. Создание и деятельность объединённых органов ЦКК-РКИ в 1923–1934 гг. М., 1971; Москаленко И. М. ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. М., 1973; Пронин И. И. Руководящие кадры : подбор, расстановка и воспитание. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981; Чугунов А. И. Органы социалистического контроля РСФСР 1923–1934 гг. М., 1972; и др.

⁴⁷ См., напр.: Государственный аппарат : Историко-правовые исследования / ред. кол. : А. В. Игнатенко и др. Свердловск, 1975; Лесной В. М. Социалистическая революция и государственный аппарат. М., 1968; Смиртюков М. С. Советский государственный аппарат управления. Вопросы организации и деятельности центральных органов. М., 1982; и др.

⁴⁸ См., напр.: Исаев М. И. О языках народов СССР. М., 1978; Его же. Языковое строительство в СССР: процессы создания письменности народов СССР. М., 1979; и др.

⁴⁹ Матюшкин Н. И. Разрешение национального вопроса в СССР // Вопросы истории. 1967. № 12. С. 3–20; Чистяков О. И. Правовой статус автономных республик в период завершения становления Российской Федерации (1921–1922 гг.) // Вест. МГУ. Сер. Право. 1964. № 4; Его же. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы Советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) // Изв. вузов. Правоведение. 1965. № 1. С. 164–168; Его же. Формирование РСФСР как федеративного государства (1917–1922 гг.) // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 3–17; Якубовская С. И. Роль Союза ССР в развитии советских наций и народностей (1921–1928 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 3–17; и др.

⁵⁰ Чугунов А. И. Контроль в социалистическом государстве (1920 – начало 1930-х годов) // Вопросы истории. 1985. № 10. С. 95–107; Юдин И. Н. Социально-классовая природа КПСС и закономерности роста её рядов // Вопросы истории КПСС. 1964. № 4. С. 97–113; и др.

⁵¹ Дробижев В. З., Пивовар Е. И. Коммунисты в центральных органах управления РСФСР // Вопросы истории КПСС. 1985. № 4. С. 105–117.

исследовали Л. М. Зак, И. М. Исаев⁵². Ряд статей был посвящён проведению партийных мероприятий на высшем уровне⁵³. Однако в них не рассматривались вопросы организации и проведения партфорумов, не анализировались повестки дня, не изучался делегатский корпус и др. Авторы не ставили целью изучить конференции как систему и с точки зрения эффективности принятых государственных управленческих решений.

Детальным исследованием становления Коми государственности в этот период занимались М. П. Дмитриков, А. А. Попов, А. Ф. Сметанин и др.⁵⁴ Результатом научных изысканий в области функционирования местных представительных органов власти стала диссертация В. В. Шаньгиной⁵⁵. Вместе с тем не было научных работ, в комплексе рассматривающих различные направления кадровой политики, осуществляемой в Коми автономной области—Коми АССР. Также не анализировались механизмы формирования, структура и состав управленческих кадров. В этот период продолжали публиковаться статьи об отдельных событиях партийной жизни в Коми регионе, тематика которых по сути не изменилась с 1920-х гг. Это, например, вопросы организации и проведения «ленинского призыва», внимание которым уделял Р. Ф. Королько⁵⁶, вопросы руководства Коми областной парторганизации различными социально-

⁵² Зак Л. М., Исаев М. И. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 3–20; и др.

⁵³ См., напр.: Виноградов Н. Н., Иванов В. М. К истории общепартийных конференций // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 3–13; Всероссийские, всесоюзные : хроника партийных конференций // Политическое образование. 1988. № 9. С. 37–40; Соловьёв А. А. Общепартийные конференции в жизни и деятельности КПСС // Вопросы истории КПСС. 1988. № 6. С. 79–92; и др.

⁵⁴ См., напр.: Дмитриков М. П. Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20–30-е годы // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 30–42; Попов А. А. Из истории становления советской коми национальной школы (30-е годы) // Там же. С. 51–61; Сметанин А. Ф. Проблемы развития национальной государственности народа коми в 1920–1930-х годах в исторической литературе // Там же. С. 14–22; и др.

⁵⁵ Шаньгина В.В. Деятельность местных Советов Коми автономной области по созданию основ социалистической экономики в годы первой пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1975.

⁵⁶ Королько Р. Ф. Ленинский призыв // Красное знамя. 1979. 3 янв.; Его же. По ленинскому призыву // Красное знамя. 1984. 1 февр.; и др.

экономическими процессами, которые проходили в 1920–1930-е гг.⁵⁷, или обобщающие статьи В. Давыдова, В. Зыкина, П. Куклева по её истории⁵⁸.

Во второй половине 1980-х гг. активно проводились различные научные мероприятия: конференции, «круглые столы» и др., по итогам которых издавались сборники научных трудов⁵⁹. Значительно расширился спектр тем диссертационных исследований. Актуальной оставалась тема кадровой политики партии⁶⁰. Ряд диссертаций был посвящён изучению методов контроля за «чистоту» партийных рядов⁶¹, формированию системы номенклатурных кадров⁶², подготовке партийных работников⁶³ и др.

Таким образом, данный историографический период можно охарактеризовать как первоначальный этап переосмысления советской истории и, в частности, истории партийно-государственного строительства в стране и в регионах. Кроме того, публикации были представлены различными видами

⁵⁷ См., напр.: Бетехтина М. И. Борьба Коми партийной организации за проведение коллективизации сельского хозяйства // Учёные записки Коми гос. пед. ин-та. Вып. 9. Сыктывкар, 1960; Ташлыков М. А. Коми партийная организация в борьбе за выполнение второй пятилетки // Там же. Вып. 11. Сыктывкар, 1963; и др.

⁵⁸ Давыдов В. Первый съезд коми коммунистов // Красное знамя. 1963. 11 июля; Куклев П., Зыкин В. Начало могучего движения // Красное знамя. 1958. 6 июня; Зыкин В. Путеводная звезда : Из истории Коми парторганизации // Заполярье. 1960. 28 фев.; Его же. Странички истории // Молодёжь Севера. 1963. 28 июля; и др.

⁵⁹ См., напр.: Кадровая политика КПСС : сб. науч. тр. Тюмень, 1989; Исторический опыт КПСС по формированию идеологических кадров и повышению их роли в социалистическом и коммунистическом строительстве в СССР : сб. тр. Ярославль, 1985; и др.

⁶⁰ См., напр.: Семчук И. М. Регулирование роста и социальный состав Московской партийной организации в восстановительный период (1921–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; Яцков В. А. Кадровая политика КПСС : опыт и проблемы : автореф. дис. ... д. ист. наук. М., 1988; и др.

⁶¹ См., напр.: Бурганова Ф. А. Деятельность органов ОКК–РКИ Татарии в период создания фундаментов социалистической экономики (1927–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1965; Гатауллин Р. В. Воплощение ленинских принципов контроля в деятельности ОКК–РКИ Татарии в восстановительный период (1921–1926 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966; Донин А. Н. Роль местных контрольных комиссий ВКП(б) в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. 1926 – 1934 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1987; и др.

⁶² См., напр.: Шепелев В. Н. Становление и развитие централизованного учёта членов партии и руководящих партийных кадров. 1917–1927 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; и др.

⁶³ См., напр.: Ходенков О. А. Деятельность Коммунистической партии по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях (1926–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; и др.

научных работ: монографиями, статьями, диссертационными исследованиями, тематика которых значительно расширилась.

Четвёртый историографический период (1990-е гг. – по настоящее время) обусловлен существенными изменениями в изучении социальной истории. Расширение спектра изучаемых проблем за счёт введения в научный оборот ранее не известных и не доступных архивных документов повлияло на выход различных по виду научных исследований. Для отечественной историографии характерным становится появление большого количества монографических изданий и отдельных статей по истории национально-государственного и партийного строительства, реализации различных направлений кадровой политики, в том числе истории формирования системы региональных управленческих кадров. Значительный вклад в исследование проблематики внесли Е. Г. Гимпельсон, Т. П. Коржихина, Г. Л. Олех, В. П. Мохов, С. А. Павлюченков, В. П. Пашин, Ю. П. Свириденко, О. В. Хлевнюк и др.

Так, вопросы организации государственного аппарата управления на начальном этапе установления Советской власти детально проанализировал Е. Г. Гимпельсон⁶⁴. Предметом его научных изысканий стали процессы подбора, выдвижения руководящих кадров, их социальная характеристика по различным признакам, формирование советской бюрократии и др. Изучением истории государственных учреждений и становлением советской системы управления занималась Т. П. Коржихина⁶⁵. Организационное устройство и функционирование

⁶⁴ Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; Его же. Советские управленцы. 20-е годы : (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001; Его же. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930. М., 2003; и др.

⁶⁵ Административно-командная система управления. Проблемы и факты : межвуз. сб. науч. работ / отв. ред. Т. П. Коржихина. М., 1992; Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. П. Коржихиной. М., 1991; Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения : ноябрь 1917 г.–декабрь 1991 г. М., 1995; и др.

партийного аппарата, внутрипартийные процессы рассматривал Г. Л. Олех⁶⁶. Он ввёл термин «партийное чиновничество» и предложил употреблять его в широком и узком смысле: в широком смысле сотрудниками партийного аппарата являлись все, кто получал жалованье и назначение (смещение) в обычном порядке, а в узком – те, кто выполнял административно-распорядительные функции. К последним Г. Л. Олех отнёс ответственных работников, или так называемых «партийных функционеров». Одним из инструментов регулирования кадрового состава была организация и проведение чисток в рядах РКП(б)–ВКП(б), что являлось предметом исследований А. С. Павлюченкова⁶⁷. Механизмы и критерии проведения кадровой политики РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е гг. изучали В. П. Пашин и Ю. П. Свириденко⁶⁸. Их монографии, построенные на разнообразных архивных источниках, отличались от публикаций предыдущих периодов, которым была присуща некоторая обобщённость проблематики. Авторы проанализировали механизмы формирования управленческих кадров и заострили внимание на роли номенклатурных работников. Предметом специального исследования О. В. Хлевнюка стала деятельность высшего органа партийно-государственного управления – Политбюро⁶⁹. Он рассмотрел организационную сторону функционирования Политбюро в 1930-е гг., а также проанализировал механизмы принятия политических решений.

В начале 1990-х гг. исследованием номенклатурных кадров занимались М. С. Восленский, О. Т. Джавланов, В. А. Михеев и др.⁷⁰ Авторы комплексно подходили к изучению важнейших проблем партийно-государственного

⁶⁶ Олех Г. Л. Поворот, которого не было : Борьба за внутрипартийную демократию. 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992; Его же. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х годов : устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.

⁶⁷ Павлюченков А. С. «Орден меченосцев» : Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2002; и др.

⁶⁸ Пашин В. П., Свириденко Ю. П. Кадры коммунистической номенклатуры : методы подбора и воспитания. М., 1998; Свириденко Ю. П., Пашин В. П. Коммунистическая номенклатура : истоки, сущность, содержание. М., 1995.

⁶⁹ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

⁷⁰ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Л., 1990; Джавланов О. Т., Михеев В. А. Номенклатура : эволюция отбора. М., 1993; и др.

строительства в 1920–1930-е гг. В настоящее время актуальным является рассмотрение региональных особенностей, отдельных инструментов и механизмов формирования системы управленческих кадров. Например, значительное внимание вопросам организации номенклатурной системы и формирования партийно-политической элиты Пермского региона уделяет В. П. Мохов⁷¹. Структуру партийно-советского аппарата Северо-Запада в период НЭПа, формы и методы его работы, вопросы учёта и распределения партийных кадров, деятельность ответственных работников исследует А. Н. Чистиков⁷². В работах В. В. Базаровой новый научный импульс получила такая тема, как языковое строительство и латинизация национальных алфавитов⁷³.

В ряде работ нашли отражение вопросы этнической истории финно-угорских народов (коми, мари, мордвы, удмуртов и др.). Так, процессы районирования и коренизации государственных аппаратов этих автономий рассматривал К. И. Куликов⁷⁴. Значительный вклад в изучение становления государственности народностей Поволжского региона внесли такие исследователи, как Е. К. Минеева⁷⁵, К. Н. Сануков⁷⁶. Проблемы национально-

⁷¹ Мохов В. П. Элитизм и история : Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Его же. Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры. 1921–1991 гг. : на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Пермь, 2008; и др.

⁷² Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2008.

⁷³ Базарова В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930-е гг. Улан-Удэ, 2006.

⁷⁴ Куликов К. И. Национально-государственное строительство финно-угорских народов в 1917–1937 гг. Ижевск, 1993; Его же. Удмуртская автономия : этапы борьбы, свершений и побед. Ижевск, 1990; Его же. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997; и др.

⁷⁵ См., напр.: Минеева Е. К. Органы управления в условиях формирования автономии народов Среднего Поволжья в 1917–1936 годах // Вест. Чувашского ун-та. 2007. № 1. С. 27–40; Её же. Федеративное устройство республики Советов и определение территориальных границ автономных образований в 20–30-е годы XX века (на материалах мари, мордвы, чувашей) // Вест. Чувашского ун-та. 2007. № 3. С. 30–44; Её же. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). Чебоксары, 2009; и др.

⁷⁶ См., напр.: Сануков К. Н. Из истории образования Марийской автономной области : сб. док. Йошкар-Ола, 2000; Его же. Финно-угорские народы России : прошлое и настоящее. Йошкар-Ола, 2011; Его же. Финно-угры и финно-угроведение : сб. статей. Йошкар-Ола, 2012; и др.

государственного строительства на территории Северного края стали предметом научных изысканий С. И. Шубина⁷⁷.

Региональные партийные и непартийные структуры составляли единую систему государственного управления, что требовало «наведения порядка» на местах. Вопросам перестройки органов ВКП(б) на Европейском Севере в связи с образованием в 1929 г. Северного края уделяет внимание А. П. Воробей. Он анализирует процессы формирования в крае властных структур, который проходил на фоне «генеральной чистки», и реорганизации партийно-советского аппарата, изменение административно-территориального деления северного региона и др. Автор приходит к выводу, что все эти мероприятия были нацелены на реализацию интересов высшего руководства страны и привели к тому, что в всего за год на территории Европейского Севера России были практически полностью заменены кадры руководителей⁷⁸. Структура и кадровый состав партийно-советских органов Архангельской и Вологодской областей Северного края, их эволюционные изменения также стали предметом изучения Ю. А. Перебинос. По её мнению, на рубеже 1920–1930-х гг. руководством страны была решена важная политическая задача по устранению от власти региональных лидеров – «противников сворачивания нэпа и курса на форсирование индустриализации и коллективизации»⁷⁹.

⁷⁷ Шубин С. И. Архангельские оппортунисты : (Развитие Поморья в 20–30-е гг. XX в.) // Отечественная история. 1999. № 1. С. 151–154; Его же. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск, 2000; и др.

⁷⁸ Воробей А. П. «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1929–1930 гг.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 67–73; Его же. Основные тенденции формирования системы номенклатурных кадров в 1920-е годы / А. П. Воробей // Вест. Северного (Арктического) федерал. ун-та. Сер. : Гуманитар. и социальные науки. 2012. № 2. С. 5–11; и др.

⁷⁹ См., напр.: Перебинос Ю. А. Эволюция регионального партийного аппарата в 1930-е гг. (на материалах Европейского Севера) // Институциональные реформы : история и современность : материалы науч. конф. (г. Вологда, 6–7 апр. 2007 г.). Вологда, 2007. С. 184–192; Её же. Региональный партийно-советский аппарат в условиях форсированной социалистической модернизации 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы: материалы научно-практ. конф. (г. Вологда, 3 апр. 2014 г.). Вологда, 2014. С. 103–115; Её же. Структура и штаты аппаратов исполнительных комитетов Советов в период форсированной

В ряду современных научных исследований определённое место занимают труды учёных Коми научного центра Уральского отделения РАН. За последние годы вышло несколько обобщающих работ по истории Коми, в которых на основе ранее не использованных архивных документов раскрываются вопросы становления государственности Коми, реализации национальной политики, в т. ч. вовлечение местного населения в общественно-политическую деятельность, осуществления репрессивной политики в отношении руководящего состава и др.⁸⁰ Среди прочих следует выделить научный доклад, сделанный на Учёном совете КНЦ УрО РАН и посвящённый изучению социального состава Коми областной партийной организации, организации мероприятий по проверке и чистке партийных рядов и другим кадровым проблемам⁸¹.

Данный историографический период можно охарактеризовать и как время появления диссертаций, основанных на материалах региональных архивов. Учёные продолжают проводить исследования в области становления и развития системы номенклатурных кадров⁸², их интересует роль органов партийно-государственного контроля⁸³, социальная структура партийных организаций⁸⁴,

социалистической модернизации (на материалах Европейского Севера России) // История государства и права. 2015. № 22. С. 22–26; и др.

⁸⁰ См., напр.: Кузиванова О. Ю., Попов А. А., Сметанин А. Ф. В начале пути. (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996; История Коми с древнейших времён до конца XX века : в 2 т. Сыктывкар, 2004; Таскаев М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург, 2011; и др.

⁸¹ Напалков А. Д., Сметанин А. Ф. Место и роль КПСС в советской политической системе (1918–1991 гг.) : (на материалах Коми областной коммунистической организации). Сыктывкар, 2011.

⁸² Пашин В. П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР : (Становление, развитие, упрочение в 20-х – 1930 гг.) : автореф. дис. ... д. ист. наук. М., 1993.

⁸³ Сибирияков И. В. Роль органов партийного контроля в нравственном воспитании коммунистов в 1921–1925 гг. (На материалах Уральской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Сорокин О. Н. Деятельность объединённых органов партийного и государственного контроля (ОБЛКК–РКИ) на Урале (1923–1934) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск., 1991; и др.

⁸⁴ Тяжелникова В. С. Социальная структура ВКП(б) во второй половине 20-х годов : (Опыт количественного анализа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; и др.

профессиональная подготовка управленческих кадров⁸⁵ и др. С начала 2000-х гг. усиливается научный интерес исследователей к анализу особенностей формирования региональных управленческих кадров. В частности вопросам становления номенклатурной системы, партийно-государственной элите уделяют внимание М. В. Богословская, Ю. В. Головинова, А. А. Колдушко, З. И. Хасанова и др.⁸⁶ Кадровый состав органов власти стал предметом научных изысканий Ю. А. Борисовой, Н. И. Бубличенко, С. Л. Логинова, А. В. Юдина и др.⁸⁷ Историей выдвиженчества, подбора и расстановки кадров на руководящие должности занимались Е. В. Долженкова, Т. И. Новосельцева и др.⁸⁸ Интерес Т. Т. Бичегкуева, И. В. Кузнецова, И. М. Фёдорова и др. сосредоточен на создании социального облика работников партийно-советского аппарата⁸⁹. Особенности

⁸⁵ Нижник Н. С. Подготовка на Урале советских и партийных кадров в учебных заведениях РКП(б)–ВКП(б) (1921–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск., 1993; и др.

⁸⁶ Богословская М. В. Советская государственная элита 1920-х гг. : механизм формирования и система назначений : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Головинова Ю. В. Партийная элита Алтайского края в 1938–1955 гг. : социально-историческое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013; Колдушко А. А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006; Хасанова З. И. Становление партийной номенклатуры в БАССР : 1917–1937 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009; и др.

⁸⁷ Борисова Ю. А. Областные партийные комитеты как органы политической власти на местах в 1918–1937 гг. : на примере Западного региона РСФСР : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Бубличенко Н. И. Формирование партийного аппарата Башкирской АССР периода НЭПа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012; Логинов С. Л. Кадровый состав выборных партийных и советских органов региональной власти второй половины 1920-х годов : На материалах Нижегородской губернии и Вотской автономной области : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002; Юдин А. В. Кадровая работа Нижегородской губернской партийной организации в 1921–1926 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2012; и др.

⁸⁸ Долженкова Е. В. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы : на материалах Курского края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012; Новосельцева Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920–1930-е годы : На материалах Смоленской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2004; и др.

⁸⁹ Бичегкуев Т. Т. Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008; Кузнецов И. В. Социальный облик коммунистов 20-х годов в Центрально-промышленном районе : По материалам всесоюзной партийной переписи 1927 года : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Фёдорова И. М. Местный партийно-советский аппарат в первой половине 20-х годов : формирование, социальный облик : По материалам Калужской, Тульской, Смоленской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001; и др.

функционирования советских органов власти в национальных районах изучали О. К. Кайкова, Р. Г. Каримова, А. Р. Ратникова и др.⁹⁰ Актуальными продолжают оставаться вопросы осуществления партийного и государственного контроля, организации и проведения чисток⁹¹.

Введение в научный оборот новых документов позволяет организовывать конференции, семинары, «круглые столы», а некоторые из них проводить в сети Интернет⁹². Основными остаются темы формирования номенклатуры⁹³, регулирования социального состава партийных организаций и социального облика членов РКП(б)–ВКП(б)⁹⁴.

На научных форумах также поднимаются проблемы, связанные с изучением социально-политических и социально-экономических процессов, проходивших в

⁹⁰ Кайкова О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР : исторический опыт Советского государства в решении проблем национальных меньшинств в 1920–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Каримова Г. Р. Национальная политика РКП(б) в Татарской АССР в 1920-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013; Ратникова А. Р. Деятельность волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг. : исторический опыт и уроки : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011; и др.

⁹¹ Барунов В. Ю. Рабоче-крестьянская интеллигенция и формирование партийно-советских кадров в 1921–1925 гг. : на материалах Иваново-Вознесенский, Костромской и Ярославской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2011; Иванцов И. Г. Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920–1929 гг. : На материалах Кубани : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005; Мясников А. А. Партийная чистка 1921 года : по материалам Калужской и Тульской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2011; и др.

⁹² См., напр.: Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века : материалы интернет-конф. Пермь, 2004; КПСС и номенклатура в советском обществе : материалы интернет-конф. Пермь, 2007; и др.

⁹³ См., напр.: Колдушко А. А. Особенности формирования партийной номенклатуры в 1920-е гг. в Прикамье // Гражданская война на востоке России : Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2008; Паско М. Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) во второй половине 1920-х годов : численность и состав // Сибирь в XVII–XX веках : Проблемы политической и социальной истории. Новосибирск, 2002. С. 120 – 131; и др.

⁹⁴ См., напр.: Ильиных И. В. Соционические черты «Пролетарских выдвиженцев» 1920–1930-х гг. : возможности использования массовых унифицированных документов // Документ в парадигме междисциплинарного подхода : материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2006. С. 314–317; Цыпина Е. А. Социальный облик членов большевистских организаций на Урале в 20-е годы XX века. Современная историография // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 139–142; и др.

Коми автономии в 1920–1930-е гг.⁹⁵ Например, в докладах на республиканской научной конференции «Коми областная партийная организация: исторический опыт и современность» рассматривалось влияние парторганизации на становление и развитие государственности коми народа, на взаимодействие регионального партийного аппарата с государственными и общественными организациями и др.⁹⁶ Одной из современных актуальных тем является тема политических репрессий, в том числе в отношении управленческих кадров. Только в Республике Коми за последние годы было организовано несколько таких научных конференций, на которых выступали учёные И. Л. Жеребцов, М. Б. Рогачёв, М. В. Таскаев и др.⁹⁷

Проведению данного диссертационного исследования способствовало множество публикаций в научных периодических изданиях, в том числе электронных. Это как обобщающие работы по партийно-государственному строительству⁹⁸, так и статьи по отдельным направлениям кадровой политики и

⁹⁵ Сметанин А. Ф. Образование Северного края и позиция руководства Коми автономной области // Европейский Север : проблемы территориального управления и развития : сб. науч. ст. Архангельск, 2010. С. 21–25; Таскаев М. В. Социально-политические процессы в Коми автономной области (1921–1936 гг.) // Архивы в XXI веке : проблемы и перспективы : тезисы докл. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2002. С. 71–76; Его же. Национальные, партийные и общественные организации Коми края в первой половине XX столетия (довоенный период) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов : материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 492–495; и др.

⁹⁶ См., напр.: Кузиванова О. Ю. Взаимодействие партийного и государственного контроля в системе КК-РКИ в Коми АО (20–30-е гг.) // Коми областная партийная организация : исторический опыт и современность : респ. науч. конф. (г. Сыктывкар, 5–6 июня 1990 г.). Сыктывкар, 1990. С. 22; Попов А. А. О борьбе с так называемыми «двумя уклонами в национальном вопросе» в Коми областной парторганизации в 30-е гг. // Там же. С. 30; Сметанин А. Ф. Областная парторганизация в системе политической организации общества в 20-е гг. (по материалам Коми АО) // Там же. С. 23; и др.

⁹⁷ Рогачёв М. Б., Таскаев М. В. Политическая ссылка в Коми АО в 20–30-е годы XX века // Политические репрессии в России. XX век : материалы регион. науч. конф. Сыктывкар, 2001. С. 24–27; Жеребцов И. Л. ГУЛАГ : развитие экономики Коми края или абсолютное зло? // ГУЛАГ на Севере России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Сыктывкар, 2011. С. 6–7; Таскаев М. В. Троцкизм и троцкисты в Коми области // Политические репрессии и сопротивление несвободе : материалы Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 2009. С. 234–238; и др.

⁹⁸ См., напр.: Земляной С. Н. Невидимая рука Учраспреда // Отечественные записки. 2004. № 2; Назаров О. Г. Организационно-кадровая деятельность Секретариата ЦК РКП(б) в период между X и XI съездами РКП(б) // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 4. С. 144–153; Павлова И. В.

особенностям её реализации в регионах: организация и формирование партийно-государственного аппарата⁹⁹, контроль его деятельности и значение контрольных комиссий в формировании системы управленческих кадров¹⁰⁰, кадровый состав партийных и государственных организаций и его социальные характеристики¹⁰¹, кадровые чистки¹⁰², формирование номенклатуры¹⁰³, становление региональной элиты и её социальный облик¹⁰⁴ и др.

Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66; Пашин В. П. Кадровая политика властных структур : история и современность // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 4. С. 11–14; и др.

⁹⁹ См., напр.: Гаврилов С. О. Территориальные комитеты ВКП(б) и Советы депутатов трудящихся в 1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. Ч. II. С. 45–48; Повилайтис А. В. Новый этап в развитии взаимоотношений центра и региональной власти на рубеже 20–30-х гг. на примере деятельности Политбюро ЦК ВКП(б) и Севкрайкома ВКП(б) // Клио. 2005. № 3. С. 160–161; и др.

¹⁰⁰ См., напр.: Никонорова Т. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) // Российская история. 2015. № 6. С. 26–40; Юдин, К. А. Организационно-правовые и идеологические основы деятельности комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934–1936 гг. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 191–199; и др.

¹⁰¹ См., напр.: Морозова Т. И. Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б) : численность и кадровый состав (май 1924 – август 1930 года) // Вест. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. № 12. С. 104–108; Царикоев А. Т. Социально-профессиональный портрет партийных руководителей Северной Осетии в 1924–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. Т. 7. Ч. 2. С. 201–203; Чистиков А. Н. Ответственный работник Новгородской губернии второй половины 1920-х гг. // Вест. Новгородского гос. ун-та. 2006. № 38. С. 44–47; и др.

¹⁰² См., напр.: Бакулин В. И. Кадровые чистки 1933–1938 годов в Кировской области // Российская история. 2006. № 1. С. 148–153; Вилкова В. П. «Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 130–176; Гузаров В. Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии : 1920–1923 гг. // Вест. Томского гос. ун-та. 2014. № 379. С. 120–126; и др.

¹⁰³ См., напр.: Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы : политический и нравственный облик // Отечественная история. 1997. № 5. С. 44–54; Колдушко А. А. Процессы инкорпорации и эскорпорации партийной номенклатуры в 1920–1930-х гг. // Власть. 2012. № 3. С. 173–176; Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура : становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38; Чешков М. А. «Вечно живая» номенклатура? // Международная экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 32–43; и др.

¹⁰⁴ См., напр.: Винниченко О. Ю. «Кадры решают всё»? Проблемы эволюции советской бюрократии 1930-х годов (на материалах Урала) // Изв. вузов. Правоведение. 2002. № 2. С. 162–175; Фёдорова И. М. Социально-психологический облик местной советско-партийной бюрократии первой половины 1920-х годов (на материалах Калужской, Смоленской и Тульской губерний) // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 216–225; и др.

Так, исследуя трансформацию управленческих кадров от революционной элиты к бюрократической номенклатуре, Ю. А. Левада отмечает, что «за несколько десятилетий произошёл переход от героического образца подвижников мировой революции (И. В. Сталин сравнивал партийные кадры с «орденом меченосцев») до мелко-суетных столоначальников разных уровней, заинтересованных в благорасположении начальства и сохранении своих привилегий»¹⁰⁵. Кадровая политика большевиков, основанная на принципе назначения «сверху», привела к возникновению господствующего класса, который, по выражению В. В. Никулина, сопровождался «неизбежным при этом карьеризме, разделением по статусному и имущественному положению»¹⁰⁶. Таким образом, в стране в 1920-е гг. действовала политика «двойных стандартов», была сформирована система привилегий, существенным элементом которой становилась бюрократия.

Мы не ставили задачу изучить зарубежную историографию по заявленной проблематике, но нельзя не отметить работы некоторых исследователей, опубликованные на русском языке. Например, Дж. Боффа на основе анализа доступных отечественных и зарубежных источников комплексно исследовал социально-политические и социально-экономические процессы, проходившие в советском государстве, в том числе в 1920–1930-е гг.¹⁰⁷ Монография Б. Штудер, выполненная с привлечением фондов российских и немецких архивов, посвящена изучению репрессивных мер в отношении членов партии¹⁰⁸. Проблемы функционирования управленческого аппарата и система неформальных межличностных взаимоотношений представителей государственных и

¹⁰⁵ Левада Ю. А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // ОНС. 2007. № 6. С. 9.

¹⁰⁶ Никулин В. В. Партийно-государственная номенклатура и закон советской России : двойная ответственность или особые правовые условия (1920-е годы) // НВ : Исторические исследования. 2013. № 3. С.1–43.

¹⁰⁷ Боффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. М., 1993.

¹⁰⁸ Штудер Б. Сталинские партийные кадры : Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. М., 2011.

региональных элит интересовали Дж. Истер¹⁰⁹. В его работе значительное внимание уделяется возникновению конфликта интересов между центральной и региональной властью на рубеже 1920–1930-х гг. Классовая структура советского общества 1920-х гг. стала предметом научных изысканий Ш. Фицпатрик¹¹⁰. Так, она отмечает, что во время и после революции 1917 г. многие граждане изменили своё социальное положение, что имело огромное значение с точки зрения «практической политики», но такая подмена приводила к искажению социологических данных. Изучением феномена бюрократии занимался М. Левин¹¹¹. На основе архивных материалов учёный исследовал причины, по которым РКП(б)–ВКП(б) не смогла сохранить функции контроля за бюрократией. В статье К. Монти рассмотрены методы партийного контроля в аспекте эффективности деятельности местных комитетов РКП(б)¹¹². Автор указывает, что инспекторские проверки хотя и не приносили желаемых результатов, но обеспечивали возможность надзора за деятельностью парторганизаций на местах.

Однако, несмотря на широкий спектр научной проблематики и доступность многих архивных источников, для Коми исследователей актуальным остаётся рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью партийных и советских органов управления и определением их места и значения в формировании управленческих кадров региона.

Целью диссертационного исследования является изучение состава управленческих кадров Коми автономной области–Коми АССР и проблем его формирования в 1920–1930-е гг.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

¹⁰⁹ Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

¹¹⁰ Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классово-принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31.

¹¹¹ Левин М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 16–28.

¹¹² Монти К. «Обследовать, инструктировать и направлять работу парткомов». Организационная культура партийного аппарата в период нэпа // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 145–154.

- изучить направления и методы реализации кадровой политики в Советском государстве и Коми автономии в исследуемый период;
- определить основные задачи в системе подбора и расстановки руководящих работников, в т. ч. продвижение коренных кадров;
- рассмотреть механизмы формирования кадрового потенциала партийно-государственных структур в Коми автономии и проанализировать его изменения;
- раскрыть сущность чисток как одного из инструментов регулирования кадрового состава партийных и советских органов управления региона;
- исследовать систему организации и проведения Коми областных партийных конференций как высшего органа партийно-государственного управления;
- выделить в структуре делегатского корпуса партийных форумов руководящий состав партийных и советских органов управления, как представителей различных элитарных групп, для создания их социального портрета по признакам национальной принадлежности, социальному положению, образовательному уровню.

Источниковая база диссертации представлена как опубликованными, так и неопубликованными источниками. В них сосредоточен основной фактический материал, позволяющий раскрыть содержание диссертации. Все источники можно сгруппировать по следующим видам и разновидностям.

В **первую группу** входят материалы 10 центральных и региональных архивных фондов, насчитывающих 10 описей и более 60 дел, большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Документы **Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)** и **Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)** способствуют детальному изучению взаимоотношений Центрального комитета РКП(б)–ВКП(б), Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР с автономными республиками и их представительствами при Наркомнаце РСФСР, помогают исследовать процессы районирования территории страны в 1920–1930-е гг.

Основная масса документов, сосредоточенных в **Национальном архиве Республике Коми (НА РК)** в фондах партийных и государственных органов (Ф. П-1 Коми областная партийная организация и Ф. Р-3 Коми областной исполнительный комитет), использовалась в первую очередь для анализа направлений государственного строительства Коми автономии в исследуемый период и формирования социального портрета представителей различных групп региональной элиты. Данную группу дополняют и такие источники, как отчётные доклады Коми областной контрольной комиссии, которые содержат сведения, позволяющие определить механизм управления кадровым составом Коми областной партийной организации; отчётные доклады мандатной комиссии для уточнения сведений о руководящих кадрах; прения по докладам, позволяющие выявить различные точки зрения участников партфорумов по вопросам, связанным с формированием управленческих кадров, их состава, структуры и др. Особую подгруппу источников составляют анкеты и регистрационные списки делегатов Коми облпартконференций – представителей региональной элиты – для их характеристики по ряду важнейших признаков: пол, национальность, образование, социальное положение. Архивные документы, отложившиеся в отдельных фондах Национального архива Республики Коми, например, Отдела народного образования при Коми облисполкоме, позволили провести анализ таких направлений национальной политики, как автономизация и коренизация.

Вторую группу составляют программные и уставные партийные документы. Например, Программа РКП(б) 1919 г., определяющая основные цели и задачи партийных организаций страны в целом, в том числе Коми областной партийной организации; Уставы РКП(б) 1919 г., 1922 г. и Уставы ВКП(б) 1925 г., 1934 г., 1939 г., используемые для изучения организационной структуры партии, порядка проведения съездов и конференций, характеристики условий приёма в партию и др.¹¹³ В данную группу можно включить законодательные источники и

¹¹³ Программа РКП(б) 1919 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 37–58; Устав РКП(б) 1919 г. // Там же. С. 126–135; Устав

актовые материалы, например, такие как декларации и декреты высших органов государственной власти¹¹⁴.

Третья группа включает в себя делопроизводственную документацию, обеспечивающую выполнение управленческих функций партийными и государственными органами. К ней относятся как документы высших органов управления, так и региональных, опубликованные в виде отдельных изданий либо входящие в состав таких сборников, как «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». В числе опубликованных имеются источники, разъясняющие положения административно-территориальных преобразований государства в исследуемый период, которые позволили изучить вопросы нормативного оформления Коми автономии и её границ¹¹⁵. Постановление Президиума Коми облисполкома «О зырянизации учреждений области» от 05 декабря 1923 г.¹¹⁶, постановление Бюро Коми обкома РКП(б) «О создании Комиссии по зырянизации советского аппарата» от 24 ноября 1923 г.¹¹⁷, постановление Президиума Коми облисполкома «О состоянии комизации аппарата» от 06 мая 1931 г.¹¹⁸ помогли в исследовании проблем проведения коренизации в регионе.

РКП(б) 1922. Там же. С. 375–385; Устав ВКП(б) 1925 г. // Там же. Т. 3. С. 295–311; Устав ВКП(б) 1934 г. // Там же. Т. 4. С. 160–173; Устав ВКП(б) 1939 г. // Там же. Т. 5. С. 381–397.

¹¹⁴ Декларация прав народов России // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18; Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215; Декрет II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и крестьянского правительства // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 20; Об автономной области Коми (зырян) : декрет ВЦИК от 21.08.1921 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 511; и др.

¹¹⁵ Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения : постановление Президиума ВЦИК от 14.01.1929 // СУ РСФСР. 1929. № 10. Ст. 116; Об образовании Северного края : решение ВЦИК и СНК от 14.01.1929 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. 17 янв.; Об административном делении Автономной области Коми : декрет ВЦИК от 02.05.1922 // Образование Коми автономной области : сб. документов. Сыктывкар, 1970. С. 196–197; и др.

¹¹⁶ Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 37–38.

¹¹⁷ Коми му. 1924. № 1–2. С. 67.

¹¹⁸ Органы исполнительной власти Республики Коми ... Т. 1. С. 222–224.

К этой группе источников также относятся директивные документы, обязательные для исполнения и способствующие осуществлению руководства различными сферами партийно-государственного устройства. В число наиболее важных документов, содержащих указания по реализации направлений кадровой политики, входят решения ЦК РКП(б)–ВКП(б), постановления ЦИК и СНК. Например, вопросы урегулирования количественного и качественного состава партийных организаций отражены в циркулярном письме ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям и членам партии об укреплении рядов РКП(б)» от 22 мая 1918 г.¹¹⁹, постановлении ЦК ВКП(б) «О регулировании роста партии в связи с итогами переписи» от 13 октября 1927 г.¹²⁰, постановлении ЦК ВКП(б) «О широком вовлечении в партию рабочих и работниц в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции» от 04 ноября 1927 г.¹²¹ и др. Для изучения социальных характеристик состава парторганизаций использовались циркуляр ЦК ВКП(б) «Об определении социального состава организаций в партстатистике» от 12 августа 1925 г.¹²², «Инструкция по определению социального положения членов ВКП(б) и кандидатов в члены» 1926 г.¹²³, «Инструкция к составлению статистической отчетности о составе партийных организаций» 1936 г.¹²⁴ В целях понимания организационных установок по осуществлению «генеральных» чисток, категорий вычищаемых, видов нарушений также анализировался ряд постановлений и инструктивных документов высших партийных и государственных органов, в т. ч. Коми региональных¹²⁵.

¹¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 30–32.

¹²⁰ Там же. Т. 3. С. 500–503.

¹²¹ Там же. С. 543.

¹²² Об определении социального состава организаций в партстатистике : [сб. документов]. М., 1927. С. 3–4.

¹²³ Там же. С. 4–7.

¹²⁴ Инструкция к составлению статистической отчетности о составе партийных организаций. М. : ОРПО, 1936.

¹²⁵ Об очистке партии : письмо ЦК РКП(б) от 27.07.1921 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 272–277; Ко всем организациям, ко всем членам партии : обращение ЦК ВКП(б) от 10.08.1925 // Там же. Т. 3. С. 220–222; О чистке

В четвертую группу входят статистические источники, в которых представлены систематизированные статистические данные, позволяющие проанализировать процессы, происходившие в общественно-политической жизни страны и Коми региона (материалы переписей населения, партийные переписи, текущая статистика парторганизаций и др.). Например, проследить за динамическими изменениями численности населения помогают сборники «Коми АССР – 60 лет»¹²⁶, «Республике Коми – 90 лет : историко-статистический сборник»¹²⁷, за составом Коми областной партийной организации, а также за основными направлениями её деятельности – сборник «Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976»¹²⁸ и др.

Пятую группу составляют документальные публикации и пресса, позволяющие изучить социально-политические и социально-экономические процессы исследуемого периода, национально-культурное строительство как в стране, так и в Коми автономной области–Коми АССР. Анализу проведения национальной политики в Советской России способствует сборник документов «ЦК ВКП(б) и национальный вопрос»¹²⁹, государственному строительству – «Декреты Советской власти»¹³⁰, «Твои Конституции, республика»¹³¹, изучению репрессивной политики государства – сборники документов «Очистим Россию

партии : постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) от 28.04.1933 // Там же. Т. 5. С. 98–103; О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций : постановление ЦИК и СНК СССР от 01.06.1929 // СЗ СССР. 1929. № 35. Ст. 313; Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата. М., 1929; О предварительных итогах чистки областной партийной организации // Резолюции II объединённого пленума Коми обкома и ОКК ВКП(б) (7–10 октября 1929 г.). Сыктывкар, 1929; Резолюция по докладу Северной краевой контрольной комиссии ВКП(б) [на XI Коми областной партийной конференции] // За большевизацию Коми парторганизации : (Сборник постановлений Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI-й Обпартконференции). Сыктывкар, 1930. С. 60–62; и др.

¹²⁶ Коми АССР – 60 лет : стат. сб. Сыктывкар, 1981.

¹²⁷ Республике Коми – 90 лет : историко-стат. сб. Сыктывкар, 2011.

¹²⁸ Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. Сыктывкар, 1977.

¹²⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.1. 1918–1933. М., 2005; Кн. 2. 1933–1945. М., 2009.

¹³⁰ Декреты Советской власти : сб. документов. М., 1983.

¹³¹ Твои Конституции, республика : сб. текстов Конституции Коми АССР и Республики Коми (1937–2003). Сыктывкар, 2004. С. 5–66.

надолго...». Репрессии против инакомыслящих : конец 1921 – начало 1923 г.»¹³², «Репрессии в Архангельске. 1937–1938»¹³³ и др. К числу сборников, содержащих важнейшие материалы по истории Европейского Севера, относятся: «Образование Коми автономной области»¹³⁴, «Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах»¹³⁵, «История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР). 1926–1941 гг.»¹³⁶, «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.)»¹³⁷, «Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937 гг.»¹³⁸ и др. Хронику политических событий, происходивших в Коми крае, отражает издание «Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной партийной организации КПСС. 1917–1981»¹³⁹. В Коми республиканском мартирологе жертв массовых политических репрессий сосредоточены документы, раскрывающие репрессивную политику государства по отношению к руководящим кадрам региона и членам Коми областной партийной организации.

Важнейшими историческими источниками являются материалы *центральной* (газеты «Правда», «Известия», журналы «Вопросы истории КПСС», «Жизнь национальностей» и др.) *и региональной периодической печати* партийных и советских органов управления (газеты «Югид Туй», «За новый Север», «Красное знамя», журналы «Вестник обкома», «Коми му» и др.).

К **шестой группе** источников можно отнести мемуарные издания. Воспоминания партийных и советских деятелей являются ценным материалом

¹³² «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих : конец 1921 – начало 1923 г. : документы. М., 2008.

¹³³ Репрессии в Архангельске. 1937–1938. : документы и материалы. Архангельск, 1999.

¹³⁴ Образование Коми автономной области: сб. документов Сыктывкар, 1970.

¹³⁵ Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). Сыктывкар, 2006; Т. II. Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). Сыктывкар, 2007.

¹³⁶ История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР). 1926–1941 гг. Архангельск, 1970.

¹³⁷ Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.). Вологда, 1964.

¹³⁸ Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. Сыктывкар, 1979.

¹³⁹ Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной партийной организации КПСС. 1917–1981. Сыктывкар, 1982.

для объективной оценки политических событий в Коми регионе исследуемого периода. Однако данная группа источников является немногочисленной в силу того, что большая часть областного руководящего состава была подвергнута жесточайшим репрессиям.

Седьмая группа источников представлена современными ресурсами, доступ к которым осуществляется посредством Интернет. Документы Советского государства, принятые в исследуемый период, сосредоточены в таких информационных базах, как справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (consultant.ru), на сайтах «Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик» (libussr.ru), «Исторические материалы» (istmat.info) и др.

Достоверность результатов проведённого исследования обусловлена привлечением источникового корпуса, представленного обширным перечнем опубликованных и неопубликованных документов, которые способствовали анализу и комплексному изучению проблемных вопросов становления и развития Коми государственности, а также формирования системы управленческих кадров.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что впервые ставится проблема комплексного изучения состава и формирования управленческих кадров Коми автономии в первые десятилетия становления её государственности. В научный оборот вводится значительное число до сих пор не привлекаемых в научных исследованиях неопубликованных архивных документов и материалов, таких как анкеты и списки участников областных партконференций. Их выбор обусловлен необходимостью проанализировать социальные характеристики представителей различных элитарных групп региона. Авторской является сформированная база данных о персональном составе делегатов партфорумов за период с 1921 г. по 1940 г. Новизной отличаются и полученные выводы о реализации направлений кадровой политики в регионе, принципах и методах её осуществления, социально-профессиональных характеристиках руководящего состава партийно-государственных структур.

Содержание диссертационного исследования соответствует пунктам 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов, 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности, 10. Национальная политика Российского государства и её реализация. История национальных отношений, 14. История политических партий России Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Теоретическая значимость работы взаимоувязана с новизной полученных в ходе работы результатов, определена поставленной целью и решаемыми задачами, обусловлена выявлением региональных особенностей содержания, сущности, методов и инструментов формирования и состава руководящих кадров партийно-государственных структур.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что достигнутые в ходе исследования результаты могут применяться при подготовке обобщающих трудов по истории Республики Коми довоенного периода, а также истории партийно-государственного строительства; использоваться преподавателями и студентами учебных заведений в рамках учебных курсов по истории республики. Материалы диссертационного исследования, сформулированные выводы могут представлять интерес для руководителей органов государственной власти Республики Коми при разработке и осуществлении кадровой политики, реализации мероприятий, направленных на повышение её эффективности, а также стратегии устойчивого развития кадрового потенциала.

Методология и методы исследования. При подготовке диссертационного исследования применялись концептуальные подходы, предложенные отечественными историками, а также комплекс принципов и методов исторического исследования. Теоретическая часть базируется на принципах историзма и научной объективности. Принцип историзма подразумевает рассмотрение различных методов, инструментов, механизмов формирования корпуса управленцев во взаимосвязи с историческими условиями развития

советской системы управления и становления Коми государственности. Принцип научной объективности позволил оценить социально-профессиональные характеристики партийного и советского руководящего состава и выявить общие и особенные черты в социальном облике различных элитарных групп. В целом диссертационное исследование осуществляется такими методами, которые позволяют дать объяснение историческим процессам, происходящим в изучаемый период на территории Коми автономной области – Коми АССР на уровне системы. Для решения поставленных задач использованы следующие *методы*:

историко-сравнительный метод, который позволяет изучить каждое явление на фоне и в сопоставлении с другими явлениями, например, количественный и качественный состав делегатов областных партийных конференций, изменение социального портрета региональных элитарных групп в зависимости от происходящих социально-экономических процессов; *описательный метод*, позволяющий проиллюстрировать отдельные факты и положения; *системный метод*, обеспечивающий возможность изучения изменений в структурах на протяжении одного из важнейших периодов в истории Коми региона; *структурный метод* – для выявления зависимости между важнейшими факторами, характеризующими конкретные явления на заданные (формирование кадрового состава, пути повышения квалификации управленцев и др.); *метод моделирования* – для исследования минимума наиболее значимых факторов, отражающих то или иное явление (принципы и критерии партийных чисток, реорганизации государственного аппарата и др.); *хронологический метод*, дающий возможность выделить отдельные исторические периоды, связанные со спецификой деятельности Коми областных партийных конференций; *статистический метод* представления информации в виде сгруппированных данных по ряду признаков (пол, национальность, образование, социальное положение); *метод контент-анализа* – для выявления характера и частоты обсуждаемых вопросов областных партийных конференций на протяжении изучаемого периода; *метод ранжирования* – для упорядочения тематики

повесток дня конференций по частоте убывания (возрастания); *метод докомпьютерного и компьютерного структурирования информации*, позволивший сформировать базы данных для изучения социального портрета отдельных групп в системе управленческих кадров.

Положения, выносимые на защиту:

1. В процессе оформления Коми государственности руководители партийно-советских органов проявляли активность в выборе формы автономии – республика – и были солидарны при отстаивании национальной независимости.

2. В составе партийных и советских органов управления доля национальных кадров была значительной в силу специфики региона, что позволяло выполнять директивные указания при осуществлении политики коренизации. Однако вовлечение национальных кадров в управление Коми автономией не приводило к формированию устойчивого кадрового резерва, особенно в местных партийно-советских структурах. Низкий профессиональный и общий образовательный уровень управленцев провоцировал постоянную текучесть и сменяемость кадрового состава.

3. К принятию стратегических решений по развитию региона, в том числе по формированию системы управленческих кадров, в большей степени были причастны участники областных партийных форумов, нежели их коллеги – делегаты областных съездов Советов. Но роль делегатов, представлявших на облпартконференциях различные группы региональной элиты, была малоэффективной при принятии окончательных решений, несмотря на их активное участие в дискуссиях.

4. Социальные характеристики партийно-советских управленческих кадров Коми автономии напрямую зависели от состава областной парторганизации, в которой, в отличие от партии в целом, преобладали местные крестьяне с начальным уровнем образования. Социальный портрет руководящего звена партийных органов отличался от государственных: более половины секретарей обкома партии были русскими, рабочими по социальному положению и имели

начальное образование, в то время как подавляющее большинство председателей облисполкома являлись представителями коренной национальности, находились в статусе служащих, около половины из них имели среднее образование. Представители правоохранительных органов в большинстве своём принадлежали к служащим или рабочим, русским по национальности. Нижний уровень партийно-государственного управления составляли управленцы с однородными национальными, образовательными и классовыми социальными признаками.

5. Мероприятия по «очистке» партийных и советских организаций и учреждений проводились в строгом соответствии с решениями высших партийных органов. Виды нарушений, категории привлекаемых соответствовали тенденциям исследуемого исторического периода и в целом аналогичны другим национальным регионам страны; подавляющее большинство руководителей регионального органа исполнительной власти подверглась репрессиям, в т. ч. обвинениям в «национал-шовинизме».

6. Реорганизация государственного аппарата на рубеже 1920–1930-х гг. увязывалась не только с осуществлением административно-территориальных преобразований на Европейском Севере, что влекло за собой кадровые изменения на всех уровнях, но и кардинальную смену региональной политической элиты.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены на Международной научно-практической конференции «Документ. Архив. История. Современность» (г. Екатеринбург, 2010 г., 2012 г., 2014 г., 2016 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные научные вопросы и современные образовательные технологии» (г. Тамбов, 2013 г.), Международной научно-практической конференции «Партнёрство бизнеса и образования в инновационном развитии региона» (г. Тверь, 2013 г.), Международной заочной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории» (г. Москва, 2015 г.), Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием

«Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере» (г. Сыктывкар, 2010 г., 2011 г., 2012 г., 2013 г.), в монографии, статьях в научных журналах и сборниках, пять из которых включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, а также обсуждены на заседаниях кафедры отечественной истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова».

Структура и объём диссертации обусловлена постановкой цели и решением основных задач. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, девяти параграфов, Заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованных источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1.
ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ
В 20–30-е гг. XX ВЕКА

**§ 1.1. Административно-территориальное деление,
автономизация в Советском государстве и Коми автономии**

Придя к власти, партия большевиков была озадачена решением «национального вопроса» как способа сохранности территориальной целостности страны. Первоначально построение нового государства было возможным с учётом исторически сложившейся территории, на которой проживала та или иная нация. Прорекларированная идея права наций на самоопределение позволяла выбрать форму её государственного существования. Формально правовой основой для национально-государственного строительства являлись «Декларация прав народов России»¹⁴⁰ и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»¹⁴¹. После Октябрьской революции 1917 г. на большей части территорий бывшей Российской империи возникла РСФСР с множеством своих субъектов. На первоначальном этапе национально-государственного строительства процессы федерализации и автономизации шли параллельно, поскольку необходимо было сохранить государственное единство. В федерации существовали такие формы автономий, как автономная республика, автономная область, трудовая коммуна и др. Как подчёркивал В. И. Ленин, «автономия есть наш план устройства демократического государства»¹⁴². Перед советской властью стоял сложный вопрос совмещения двух принципов: национального и территориального. Для координации действий по решению национальных вопросов был создан

¹⁴⁰ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 39–41.

¹⁴¹ Там же. С. 321–323.

¹⁴² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 48. С. 235.

специальный орган – Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац)¹⁴³. Имея довольно разветвлённую структуру, он реализовывал свои функции через территориальные национальные комиссариаты, а также отделы при губернских, уездных и волостных советах депутатов. Главным направлением его деятельности стала «подготовка этносов к приобретению ими национально-территориальной автономии»¹⁴⁴. В дальнейшем функции Наркомнаца взял на себя Совет национальностей, а с 1924 г. – отдел национальностей при Президиуме ВЦИК РСФСР. Процессы автономизации находились также в компетенции ВЦИК и Совнаркома. Например, центральные органы принимали правовые акты, определявшие форму автономии. Кроме того, на уровне РСФСР была создана специальная комиссия, регулирующая федеративные отношения¹⁴⁵.

Первые автономии в составе РСФСР создавались «скорее хаотично, чем продуманно и организованно»¹⁴⁶, а национальные особенности не были определяющими, поскольку их территориальные границы в основном совпадали с бывшими административно-территориальными образованиями. Безусловно, на выбор формы автономии влияли социально-экономическое и культурное развитие территории, численность и национальный состав населения, отношения с Центром и другие факторы. В 1918–1922 гг. большинство титульных наций определилось с формой национально-территориальной автономии, а к 1923 г. автономизация была фактически завершена. В составе РСФСР находилось 10 автономных республик и 11 автономных областей. Вместе с тем в начале 1920-х гг. сформировалось союзное государство, была принята Конституция СССР, вырабатывались принципы разграничения властей и предметов ведения, определялись полномочия местных органов власти на принципе

¹⁴³ Декрет об учреждении Совета Народных Комиссаров // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст.

¹⁴⁴ Минеева Е. К. Наркомнац РСФСР: цели, задача, структура // Вест. Чувашского ун-та. 2006. № 7. С. 31.

¹⁴⁵ Об образовании Комиссии по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР : постановление ВЦИК от 15.02.1920 // Жизнь национальностей. 1920. № 6.

¹⁴⁶ Баркова О. Н. Правовая основа создания и развития РСФСР в 20-е годы XX века // Вест. МГУ. Сер. 8. История. 2012. № 2. С. 86.

«демократического централизма»¹⁴⁷. Оформление автономных образований сопровождали многочисленные дискуссии, в т. ч. между государственными лидерами. Основными оппонентами по вопросу национально-государственного строительства были В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Между тем не всегда совпадали общегосударственные интересы и стремление этносов к управленческой самостоятельности. Так, после окончания Гражданской войны экономические реалии требовали формирования более крупных территориальных объединений. Учитывая сложность вопроса, в начале 1920-х гг. была создана специальная административная комиссия ВЦИК, а для изучения вопросов экономического районирования при Государственной плановой комиссии РСФСР – экономическое совещание (ЭКОСО) со своими структурными подразделениями в автономиях. Процесс экономического районирования, затянувшийся на несколько лет, не всеми автономиями воспринимался однозначно и часто «не оправдывался как естественными, так и экономическими условиями»¹⁴⁸. В первой половине 1920-х гг. было осуществлено реформирование системы административно-территориального устройства, результатом которого стала замена губерний, уездов и волостей на районы, области, округа. Основанием для такого решения послужила соответствующая резолюция по докладу о районировании, сделанному на XII съезде РКП(б) (1923 г.)¹⁴⁹. Ставилась задача «тщательного усовершенствования госаппарата и хозорганов в части непосредственного соприкосновения их с населением»¹⁵⁰.

К концу 1920-х гг. государство скорректировало национальную политику по объединению автономий. Новая реформа была нацелена не столько на экономическое развитие, сколько на изменение всей системы управления,

¹⁴⁷ См., напр.: Некрасов С. И. Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве (1917–1940 гг.) // Труды Ин-та гос-ва и права РАН. 2011. № 3. С. 106–126.

¹⁴⁸ См., напр.: Минеева Е. К. Автономии Среднего Поволжья в системе экономического районирования Советской России (20–30-е годы XX века) // Вест. Саратовского гос. социально-экономического ун-та. 2008. № 1. С. 113–117.

¹⁴⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 443–444.

¹⁵⁰ Там же. С. 448.

включая государственный аппарат. В начале 1928 г. процесс реформирования резко ускорился, что привело к образованию новых административно-территориальных единиц. Советское правительство разработало Положение о порядке включения в состав краевых (областных) экономических объединений национальных автономных республик и областей, которым «обеспечивалась самостоятельность», а Президиум ВЦИК утвердил условия их добровольного вхождения¹⁵¹. Ставилась задача сформировать к 1 октября 1929 г. в составе РСФСР 5 новых краёв и областей, в т. ч. Северного края¹⁵². Это влекло за собой создание новых органов власти и упорядочение их взаимодействия по вертикали¹⁵³. Административные преобразования приводили и к радикальным кадровым изменениям, прежде всего в региональном руководстве¹⁵⁴. В целом районирование 1929 г. способствовало образованию административно-территориальных делений с производственно-экономической специализацией.

Однако уже с 1930 г. масштабные изменения территорий и партийно-государственных структур разного уровня сменились новой кампанией по ликвидации округов. Повсеместно начался процесс разукрупнения территориальных объединений и переименование их в области. Кроме того, активизировался процесс перехода АО в АССР¹⁵⁵. Конституция РСФСР 1937 г. определила порядок формирования и деятельности органов управления

¹⁵¹ СУ РСФСР. 1928. № 79. Ст. 544.

¹⁵² Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения : постановление Президиума ВЦИК от 14.01.1929 // СУ РСФСР. 1929. № 10. Ст. 116.

¹⁵³ О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29.10.1928 // СУ РСФСР. 1928. № 137. Ст. 889.

¹⁵⁴ См., напр.: Воробей А. П. «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1929–1930 гг.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 67–73; Его же. Основные тенденции формирования системы номенклатурных кадров в 1920-е годы // Вест. Северного (Арктического) федерал. ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 5–11; Его же. Изменения в административно-территориальном делении Евро-Арктического региона России в 1920–1930-е годы: цели и результаты // Вест. Северного (Арктического) федерал. ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 14–22.

¹⁵⁵ См., напр.: Минеева Е. К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). Чебоксары, 2009.

автономных республик. Самоопределение нерусских народов было приостановлено, что привело к ликвидации к концу 1930-х гг. национальных административно-территориальных единиц. Смена курса национальной политики определила национальную автономию «в качестве неотъемлемой, условно самоуправляющейся части целого, что составило одно из стабильных направлений государственной идеологии СССР»¹⁵⁶.

Впервые идеи коми национального самоопределения стали проявляться среди солдат – участников I Мировой войны. Так, одним из пунктов резолюции общего митинга коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г. было положение о единстве Коми края с революционной Россией. Другая группа коми солдат 11 Псковского полка осенью 1917 г. призывала к образованию автономной зырянской республики¹⁵⁷. Осознание своих прав проявлялось также в работе первых съездов крестьянских депутатов Усть-Сысольского и Яренского уездов¹⁵⁸. Вопросами национально-культурного строительства была озадачена и коми интеллигенция. Программа развития автономии ими связывалась с проведением прежде всего языковой политики. Необходимость иметь своего представителя при Наркомнаце в целях «возрождения зырянского народа, его языка и культуры» активно обсуждалась на уровне уездных отделов народного образования¹⁵⁹.

Первоначально главную роль в вопросах формирования национально-территориальных автономий играли комиссариаты и отделы Наркомнаца. Так, по ходатайству исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского и Яренского уездов в ноябре 1918 г. был учреждён Зырянский (Коми) отдел Народного комиссариата РСФСР по делам национальностей¹⁶⁰, который стал связующим звеном между центральными органами управления и

¹⁵⁶ Минеева Е. К. Органы управления в условиях формирования автономии народов Среднего Поволжья в 1917–1936 годах // Вест. Чувашского ун-та. 2007. № 1. С. 39.

¹⁵⁷ Образование Коми автономной области : сб. документов. Сыктывкар, 1971. С. 19–20.

¹⁵⁸ См., напр.: Чупров В. И. Национальный вопрос в Коми крае на первых съездах Советов (1917–1918 годы) // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 23–29.

¹⁵⁹ Образование Коми автономной области : сб. документов. Сыктывкар, 1971. С. 29.

¹⁶⁰ Там же. С. 40.

местными властями. Однако с окончанием Гражданской войны перед партийными и советскими структурами назрел вопрос о практическом воплощении идей государственного строительства. В большей степени продвигали этот процесс партийные органы, в т. ч. съезды (конференции) коммунистов. Например, в схожих условиях были приняты решения об образовании автономий народами Среднего Поволжья. В 1920 г. на I Всероссийском съезде чувашских секций и ячеек РКП(б) рассматривался вопрос о необходимости образования Чувашской трудовой коммуны на правах губернии со свои исполкомом; в 1920 г. за организацию национально-государственной единицы «Марийская трудовая область» высказалась I Всероссийская конференция коммунистов мари; вопрос о выделении мордвы в автономную область был поставлен в 1921 г. на I Всероссийском съезде мокши и эрзи¹⁶¹.

Весной 1920 г. прошёл съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда, на котором было принято решение о созыве Всезырянского съезда. Летом этого же года по данному вопросу состоялось совместное заседание Усть-Сысольского укома РКП(б), РКСМ, исполкома, бюро профсоюзов¹⁶². Однако идеи автономизации не были поддержаны Северо-Двинскими губернскими органами власти. Так, губком РКП(б) возражал против вынесения на съезд вопроса о выделении Коми в отдельную автономную единицу. В итоге Усть-Сысольский уком РКП(б) ходатайствовал перед ЦК РКП(б) о разрешении созыва Всезырянского съезда коммунистов и образовании партийной организации¹⁶³.

¹⁶¹ Минеева Е. К. Федеративное устройство республики Советов и определение территориальных границ автономных образований в 20–30-е годы XX века (на материалах мари, мордвы, чувашей) // Вест. Чувашского ун-та. 2007. № 3. С. 30–44.

¹⁶² Постановление объединённого заседания Усть-Сысольских уездных комитетов РКП(б) и РКСМ, исполкома Советов и бюро профессиональных союзов о созыве Всезырянского партийного съезда и организации бюро по созыву съезда от 06.07.1920 // Образование Коми автономной области : сб. документов. Сыктывкар, 1971. С. 43–44.

¹⁶³ Из протокола заседания Усть-Сысольского уездного комитета РКП(б) о ходатайстве перед ЦК РКП(б) по созыву Всезырянского партийного съезда и организации центрального

Вопрос о выделении Коми в самостоятельную административно-территориальную единицу в составе РСФСР стал главным на первом партийном форуме (январь 1921 г.). На съезде также обсуждался вопрос о структуре органов власти и управления. Одним из сторонников создания Коми автономии (в форме республики) был заведующий Зырянотделом Наркомнаца Д. А. Батиев. Им был составлен специальный доклад для Наркомнаца, Совнаркома и ЦИК о необходимости образования Зырянской Автономной Социалистической Советской Республики¹⁶⁴. Среди делегатов съезда были и те, кто не поддерживал идеи образования коми автономии. Так, будущий секретарь Коми обкома РКП(б) В. И. Сорвачёв указал на то, что к этому вопросу необходимо относиться «чисто с экономической точки зрения»¹⁶⁵.

Несмотря на принятую Всезырянским съездом РКП(б) резолюцию об образовании Автономной Советской Социалистической Республики Коми, вопрос о форме автономии решался на заседаниях Совета национальностей Наркомнаца и Президиума ВЦИК. Подобная практика была распространена повсеместно. Между Центром и регионом развернулась дискуссия по вопросу выделения Коми автономии, продолжавшаяся несколько лет. Областной руководящий состав настойчиво отстаивал интересы автономии на протяжении 1920-х гг. и вплоть до 1936 г., когда Коми автономная область была преобразована в Коми АССР.

В течение лета 1921 г. велись споры вокруг определения правового статуса автономии. Часть партийных и советских работников высказывалась за более высокий статус – автономную республику. Кроме того, сложные отношения складывались и с руководством соседних губерний (Архангельской, Северо-Двинской, Вятской) по поводу определения границ и выделения территорий с компактно проживающим коми населением. Коми областной революционный комитет как высший орган управления, несмотря на запрет Президиума ВЦИК,

партийного органа для политической работы среди коми // Образование Коми автономной области : сб. документов. Сыктывкар, 1971. С. 57.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 640. Л. 255.

¹⁶⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.

заялся районированием и созданием райревкомов (Усть-Вымского, Удорского, Усть-Куломского, Усть-Сысольского). В местных структурах формировались аппараты управления; было разработано Положение о районных съездах Советов и их исполнительных комитетах. К концу лета 1921 г. Президиум ВЦИК утвердил состав Коми облревкома, а 22 августа 1921 г. принял Декрет «Об автономной области Коми (Зырян)»¹⁶⁶. В соответствии с этим документом Коми автономная область входила в состав РСФСР, были утверждены её территориальные границы, обозначался порядок передачи власти от облревкома облисполкому. Первый областной съезд Советов (15–20 января 1922 г.) избрал состав Коми облисполкома, председателем которого стал Д. И. Селиванов. До начала работы съезда повсеместно прошли уездные съезды Советов и партконференции, на которых среди прочих высказывались мнения об установлении Коми автономии в форме республики. Они нашли поддержку и одобрение на областном съезде, и облисполкому было поручено разработать проект республиканской конституции.

Однако решение проблем становления Коми государственности по времени совпало с новым экономическим районированием РСФСР и определением границ административно-территориальных делений. В первой половине 1920-х гг. вопрос о форме автономии зависел от территориальных изменений. В результате нового районирования РСФСР предполагалось сформировать Северо-Восточную область с центром в г. Архангельске, в состав которой наряду с Архангельской, Северо-Двинской, Вятской губерниями должна была войти Коми автономная область. Участники съездов Советов, проходивших в течение 1922–1926 гг., активно отстаивали автономные права коми народа. Несмотря на некоторые разногласия, в целом прослеживалась позиция единства как государственных, так и партийных органов в решении этого вопроса.

При назревшей неизбежности вхождения региона в состав Северо-Восточной области делегаты II областного съезда Советов (1922 г.) выразили обеспокоенность по поводу возможной потери самоопределения коми. Было

¹⁶⁶ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

принято решение о преобразовании автономной области в Зырянскую Советскую Социалистическую Республику¹⁶⁷. Состоявшийся через год III областной съезд Советов (1923 г.) подтвердил позиции самостоятельности Коми области «независимо от того, будет ли она входить в особую экономическую область, не должна претерпеть никаких изменений в смысле ослабления её прав»¹⁶⁸. Помимо территориальных споров, к 1924 г. наметились и разногласия между Коми автономной областью и Областной плановой комиссией Северо-Восточной области по вопросам хозяйственного развития. Коми областная плановая комиссия в отчёте за 1924–1925 гг. обосновала свою позицию развития экономики, ориентированную на внешний рынок и нацеленную на установление связей с внутренними рынками страны¹⁶⁹. Не желая превращать область в «сырьевой придаток», Коми облисполком сообщил об отказе вхождения в Северо-Восточную область представителю Коми автономии при Президиуме ВЦИК¹⁷⁰. Также были отозваны региональные представители из Оргбюро и Обплана Северо-Восточной области. Кроме того, в начале 1926 г. руководство Коми представило в Госплан СССР доклад (копии во ВЦИК, ЦИК СССР, центральную комиссию по районированию, административную комиссию при ВЦИК), в котором обосновало отказ от вхождения Коми в Северо-Восточную область. В свою очередь Архангельский губисполком внёс свои предложения в вышестоящие органы государственные власти.

Борьба Коми автономной области за сохранение своей независимости в качестве самостоятельной административно-хозяйственной единицы в системе районирования РСФСР продолжалась и в течение второй половины 1920-х гг. Проблемы автономизации Коми не могли быть оставленными без внимания

¹⁶⁷ Протоколы второго областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов автономной области Коми (6–11 дек. 1922 г.). Усть-Сысольск, 1923. С. 74.

¹⁶⁸ Журналы заседаний третьего съезда Советов Коми автономной области (14–21 дек. 1923 г.). Усть-Сысольск, 1924. С. 56.

¹⁶⁹ Итоги плановой работы (Отчёт о деятельности обплана за 1924–1925 годы). Усть-Сысольск, 1926. 115 с.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 77. Л. 66.

партийных структур: они обсуждались не только в недрах партийных органов, но выносились и на широкую публику. Так, делегаты VII Коми областной партконференции (1926 г.), рассматривая возможность сохранения области в качестве экономической единицы, высказались за необходимость её преобразования в республику¹⁷¹. Состоявшийся следом за партийным форумом V областной съезд Советов (1926 г.) одобрил деятельность Коми облисполкома в решении вопроса о самостоятельности области. Съезд отменил постановления II и III съездов о вхождении региона в состав Северо-Восточной области; было принято решение ходатайствовать о преобразовании области в Коми автономную советскую социалистическую республику. Председатель облисполкома Е. М. Мишарин прямо заявил о том, что «съезд этот должен быть историческим»¹⁷².

Отстаивая свои права, руководство Коми представило во ВЦИК соответствующий доклад. В нём давалась характеристика важнейших отраслей экономики, обосновывалась необходимость изменения формы автономии, приводились аргументы в пользу экономической самостоятельности региона. Отдельно указывалось, что преобразования не повлекут за собой увеличения расходов на формирование республиканского аппарата управления и его штатной численности¹⁷³. На заседании Президиума ВЦИК в мае 1926 г. было решено не включать Коми автономную область в состав Северо-Восточной области и снять с обсуждения вопрос о её преобразовании в автономную республику¹⁷⁴.

Второй этап борьбы Коми автономной области за суверенность относился к 1928 г. и по времени совпадал с очередной реформой экономического районирования РСФСР. К этому времени вопрос о правовом статусе Коми в форме автономной республики потерял свою актуальность, уступив место

¹⁷¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 142.

¹⁷² История Коми с древнейших времён до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004. С. 298.

¹⁷³ О преобразовании Коми области в Коми АССР с оставлением при экономическом районировании РСФСР Коми республики отдельной административной экономической единицей : докладная записка Коми облисполкома // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). Сыктывкар, 2006. С. 117–120.

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 888. Л. 94.

стремлениям руководства области оставить регион в качестве самостоятельной административно-хозяйственной единицы в системе экономического районирования и не включать его в более крупный регион. По этой причине Коми обком ВКП(б) обязал областное руководство составить записку, в которой необходимо было представить обоснование экономической самостоятельности области. На бюро обкома 28 июня 1928 г. заслушивался соответствующий доклад, по итогам заседания которого было принято постановление: «Предложить фракции ОИК решительно добиваться оставления области Коми в системе районирования РСФСР самостоятельной административно-хозяйственной единицей»¹⁷⁵. При отстаивании интересов по сохранению независимости Коми региона «самым эффективным способом реализации этого замысла считалось развитие собственной промышленности»¹⁷⁶. Областное руководство настаивало, что у Коми края есть огромные перспективы стать крупной сырьевой и промышленной базой на Европейском Севере.

Президиум ВЦИК подтвердил своё решение, но Президиум Госплана РСФСР и Президиум Госплана СССР летом 1928 г. всё же вынесли решение об организации Северо-Восточной области с включением в неё Коми региона. В свою очередь Президиум Коми облисполкома пытался опротестовать данное решение в Президиуме ВЦИК. На очередном заседании было вынесено постановление о необходимости «ещё раз войти в правительственные органы с мотивированным ходатайством»¹⁷⁷. В укреплении этой позиции была издана специальная брошюра¹⁷⁸, а также давались разъяснения населению через местные периодические издания. В Президиум ВЦИК было составлено и соответствующее ходатайство. Несмотря на пессимистические взгляды некоторых членов бюро

¹⁷⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 101. Л. 24–25.

¹⁷⁶ Нисковский, А. А. Индустриализация как метод решения национально-государственного вопроса в Коми крае (1920–1930-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. Ч. 1. С. 147.

¹⁷⁷ Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 153–154.

¹⁷⁸ Проблемы районирования Коми автономной области. Усть-Сысольск, 1928.

Коми обкома ВКП(б), на очередном его заседании 16 октября 1928 г. было решено составить докладную записку облисполкома в Президиум ВЦИК и доклад обкома в ЦК ВКП(б)¹⁷⁹. Кроме того, было решено командировать в Москву представителей высшего руководящего состава автономной области. Однако личная встреча Г. А. Козлова, В. П. Юркина и И. Г. Коюшева со И. В. Сталиным не принесла должных результатов: позиция руководства Коми не нашла поддержки. В январе 1929 г. ВЦИК вынес постановление, в соответствии с которым с 1 октября 1929 г. на территории РСФСР образовывался Северный край, куда должны были войти Архангельская, Северо-Двинская и Вологодская губернии, а также Коми автономная область¹⁸⁰. Лишь в 1936 г. область была преобразована в Коми АССР.

На протяжении 1920-х гг. территориальное устройство региона проходило при активном участии областных органов власти и соответствовало его основным принципам: «учёт экономических и естественноисторических условий, учёт национального состава и бытовых особенностей населения, наиболее полное удовлетворение социальных потребностей и культурно-бытовых запросов трудящихся»¹⁸¹. При определении территориальных границ Коми автономии учитывался и такой важный критерий, как национальный состав населения. По данным Всероссийской переписи населения 1926 г., в Коми автономной области коренное население составляло 92,2 %, что значительно превышало показатели других национальных автономий (например, Чувашской – 74,6 %, Удмуртской – 52,3 %, Марийской – 51,4 %, Татарской – 48,3 %, Карельской – 37,4 %) ¹⁸².

¹⁷⁹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 99.

¹⁸⁰ Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения : постановление ВЦИК от 14.01.1929 // СУ РСФСР. 1929. № 10. Ст. 116.

¹⁸¹ Шафир М. А. Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1983. С. 53.

¹⁸² Дмитриков М. П. Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20–30-е годы // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 41.

Процессы автономизации напрямую были связаны с административно-территориальным районированием самой Коми автономной области–Коми АССР и организацией государственного аппарата¹⁸³. В 1921 г. управлял территорией Облревком, а на местах райревкомы: Сысольский, Усть-Сысольский, Усть-Вымский, Усть-Куломский, Удорский, Прилузский, Ижемский. На совместном заседании Коми обкома РКП(б) и Облревкома 10 ноября 1921 г. было принято решение о разделении территорий Коми на уезды¹⁸⁴. В результате в конце 1921 г. прошли первые уездные съезды Советов, на которых отчитавшиеся о своей работе райревкомы были распущены и сформированы уездные исполкомы.

Проект о внутриобластном делении на шесть уездов рассматривался делегатами II Коми облпартконференции (1922 г.). Уезды делились на волости. В таком виде проект был утверждён на I областном съезде Советов (1922 г.). Однако, учитывая сложное экономическое положение в стране в целом, Коми облисполком постановил упразднить Удорский и Прилузский уезды и учредить четыре уезда¹⁸⁵. Декрет ВЦИК «Об административном делении автономной области Коми» от 2 мая 1922 г. предусматривал создание Усть-Сысольского уезда (38 волостей с центром в г. Усть-Сысольске), Усть-Куломского уезда (16 волостей с центром в с. Усть-Кулом), Усть-Вымского уезда (21 волость с центром в с. Усть-Вымь) и Печорского уезда (25 волостей с центром в с. Ижма)¹⁸⁶. Такое уездно-волостное деление Коми автономной области сохранялось до 1929 г.

В это же время совершенствовалась система местных органов власти и управления. С одной стороны, принимались вынужденные меры сокращения штатов аппаратов органов местного управления (например, в январе 1922 г.

¹⁸³ См., напр.: Жеребцов И. Л. От уездов – к республике (к вопросу об административно-территориальном делении Коми в первой половине XX в.) // Урал в модернизационной динамике России : сб. науч. статей. Екатеринбург, 2015. С. 97–115; Его же. Коми : от области к республике // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. 2016. № 3. С. 15–20.

¹⁸⁴ Из протокола совместного расширенного пленарного заседания обкома и обревкома о советском строительстве в Коми области от 10.11.1921 // Образование Коми автономной области : сб. документов. Сыктывкар, 1970. С. 147.

¹⁸⁵ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

¹⁸⁶ Образование Коми автономной области : сб. документов. Сыктывкар, 1970. С. 196–197.

советских работников уездного уровня насчитывалось 1095 чел., в декабре – 580 чел.¹⁸⁷). С другой стороны, предлагалось объединить волости в более крупные районы. В конце 1923 г. областной отдел внутреннего управления (ООБУ) подготовил проект об упразднении уездов и волостей и организации Усть-Сысольского и Ижмо-Печорского округа. Предлагалось создать в Коми автономной области 30 райисполкомов и 79 сельсоветов со штатом управления численностью 690 чел.¹⁸⁸ Однако облисполком отказался от подобной схемы районирования. В ноябре 1923 г. ООБУ был упразднён, а его функции по организации деятельности местных Советов переданы Президиуму облисполкома.

С 1924 г. вопросами областного районирования стала заниматься Коми областная плановая комиссия, поскольку Госплан обязал все региональные комиссии прорабатывать вопрос внутренней организации будущих территорий. За основу административно-территориального устройства был взят «экономический принцип». Но проблемы внутриобластного обустройства во второй половине 1920-х гг. рассматривались не только в связи с экономическим развитием региона и его перспективами, но и увязывались с территориальными притязаниями и определением формы автономии. В 1925–1927 гг. Коми областной плановой комиссией был подготовлен детализированный проект административно-территориального деления. В 1928 г. результатом огромной аналитической работы стал проект сети районов, сельсоветов и их штатов¹⁸⁹.

Окончательный вариант районирования Коми автономной области был разработан в 1929 г.¹⁹⁰ Вместо упразднённых уездов создавалось восемь районов с сельсоветами. Помимо экономического, учитывался и национальный фактор; например, там, где преобладало русское население, предусматривались «русские

¹⁸⁷ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 78. Л. 34об.

¹⁸⁸ Там же. Д. 1. Л. 51–52.

¹⁸⁹ Проблемы районирования Коми автономной области (Анализ основных элементов районирования Коми автономной области). Усть-Сысольск, 1928.

¹⁹⁰ Проект областного районирования Коми автономной области. Усть-Сысольск, 1929.

сельсоветы»¹⁹¹. Предметом обсуждения VII областной съезд Советов (1929 г.) стал вопрос об образовании десяти районов внутри автономной области. План областного районирования был утверждён пленумом Коми облисполкома в июне 1929 г.¹⁹² Однако по решению ВЦИК в Коми автономной области было образовано девять районов: Усть-Сысольский, Усть-Вымский, Усть-Куломский, Усть-Цилемский, Сысольский, Сторожевский, Прилузский, Ижмо-Печорский и Удорский¹⁹³. Территориальные преобразования повлекли за собой и изменение системы управления. Так, организация сельсоветов потребовала проведения перевыборной кампании. Завершение внутриобластной административной реформы констатировал VIII областной съезд Советов (1929 г.): делегаты одобрили решение Коми облисполкома о расширении прав сельсоветов и предложили укрепить аппараты райисполкомов¹⁹⁴.

В 1930-е гг. административно-территориальное устройство Коми автономной области–Коми АССР подвергалось некоторым изменениям, но не столь кардинальным, как в 1920-е гг. Так, в феврале 1931 г. из Усть-Куломского района выделился новый Троицко-Печорский район¹⁹⁵, а в марте 1932 г. из Ижмо-Печорского района – Усть-Усинский район¹⁹⁶. Таким образом, в 1935 г. в составе автономии насчитывалось уже двенадцать районов. Экономические преобразования региона во второй половине 1930-х гг. (прежде всего развитие топливно-энергетического комплекса) позволили областному руководству внести изменения в административно-территориальное устройство и требовать «приспособления органов руководства и управления соответственно этой экономике и новым задачам»¹⁹⁷. Для скорейшего освоения угольных месторождений в феврале 1936 г. была сформирована территориальная единица –

¹⁹¹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.

¹⁹² Там же. Д. 92. Л. 16–18, 26–28.

¹⁹³ О составе округов и районов Северного края и их центрах : постановление ВЦИК от 15.07.1929 // СУ РСФСР. 1929. № 61. Ст. 606.

¹⁹⁴ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 92. Л. 15.

¹⁹⁵ Там же. Д. 94. Л. 162.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 701. Оп. 2. Д. 69. Л. 59.

¹⁹⁷ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 778. Л. 22.

Печорский округ. В 1939 г. из ряда районов выделились новые: из Усть-Вымского – Железнодорожный, из Сыктывдинского и Сторожевского – Корткеросский, из Ижемского и Сторожевского – Ухтинский. В конце 1940 г. Коми АССР состояла из Сыктывкарского горсовета и пятнадцати районов.

Таким образом, на становлении Коми государственности напрямую отразились процессы реформирования административно-территориального устройства Советского государства и всей системы управления. На начальном этапе её формирования определение правового статуса и формы автономии являлись предметом дискуссий региональной элиты. Однако во второй половине 1920-х гг. партийно-советские органы проявляли солидарность в отстаивании национальной независимости и интересов на высшем государственном уровне. Борьба за суверенность увязывалась прежде всего с вопросами экономического развития региона. Национальный состав Коми автономии был однороден, что обеспечивало реализацию одного из принципов территориального обустройства. Вместе с тем в 1920-е гг. спорным оставался вопрос об определении границ автономной области и взаимоотношений с соседними регионами. Внутрирегиональное деление и, как следствие, формирование системы управления происходило в соответствии с директивами как высших, так и местных партийно-государственных органов в зависимости от исторических реалий. Вопросы национальной самоидентификации коми, определения формы автономии, внутриобластного районирования и др. выносились на обсуждение высшими органами управления – областными партконференциями и съездами Советов. Исследования показывают, что на административно-территориальное устройство Коми в большей степени влияли экономические факторы, нежели «своеобразие этнического состава местного населения» начала XX века¹⁹⁸.

¹⁹⁸ Жеребцов И. Л. От уездов – к республике (к вопросу об административно-территориальном делении Коми в первой половине XX в.) // Урал в модернизационной динамике России : сб. науч. статей. Екатеринбург, 2015. С. 112.

§ 1.2. Кадровая политика как направление партийно-государственного строительства

Одним из условий решения национального вопроса партия большевиков считала осуществление в регионах государственного строительства и проведение соответствующей кадровой политики. В 1920–1930-х гг. она реализовывалась по нескольким направлениям: организация партийно-советского аппарата и регулирование социального состава; выдвижение и ротация кадров; формирование номенклатурной системы; чистки, проверки, обмены партийных документов и др. В регионах работа с кадрами переплеталась с изменениями административно-территориального устройства и вовлечением в партийно-советскую работу националов. На формирование структуры и состава территориальных органов власти также оказывали воздействие социально-экономические преобразования в стране и их реализация в конкретном регионе. Таким образом, местная политическая элита находилась в постоянном напряжении и в зависимости от планов Центра. Первоначально на основе решений VIII съезда РКП(б) (1919 г.) распределение «партийных сил» заключалось в перемещении ответственных работников «из одной отрасли в другую и из одного района в другой в целях наиболее продуктивного использования»¹⁹⁹. Они прикреплялись к фабрично-заводским, красноармейским, сельским ячейкам, обязаны были посещать партийные собрания, отчитываться о своей деятельности и др. Как первоочередная ставилась задача учёта партийных кадров, в основе которой лежали введение единого партбилета и перерегистрация членов РКП(б). Для осуществления данных планов, например, IX съезд РКП(б) (1920 г.) рекомендовал принять следующие меры: «Каждый низший коллектив один раз в месяц или один раз в две недели передаёт соответствующему высшему коллективу список, в который входит 5–10 % состава низшего коллектива, с указанием их прошлой работы и указанием тех работ, на которые данный

¹⁹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 74.

коллектив считал бы полезным поставить товарищей, указанных в списке»²⁰⁰. Райкомам партии вменялось в обязанность брать на учёт всех ответственных работников²⁰¹. На X съезде РКП(б) (1921 г.) была поставлена задача выдвижения и распределения партийных кадров «под углом зрения деловой целесообразности»²⁰². Все парторганизации должны были разработать планы выдвижения новых работников, их перемещения на более ответственную работу и сформировать «кадры профессионалов-организаторов и пропагандистов»²⁰³.

Реализация партийных директив по учёту и подбору руководителей и ответственных работников для советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций привела к реформированию системы партийного и государственного аппарата. Учраспредотделом ЦК РКП(б) вёлся учёт не только партийных кадров, но и руководящих должностей. В результате стали появляться так называемые номенклатуры (номенклатурные списки). Целенаправленная работа по учёту и распределению «партийных сил» постепенно превращалась в систему номенклатурных кадров. Строилась она прежде всего на основе сбора информации и её документальном оформлении в личном листке работника. На XII съезде РКП(б) (1923 г.) И. В. Сталин дал характеристику номенклатурного работника: «Руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы и способные провести их честно... После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь»²⁰⁴. Кадровая работа, выстроенная на соблюдении формальных признаков, позволяла контролировать партийно-советский аппарат и реформировать его в «нужный момент». В результате был

²⁰⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 173.

²⁰¹ Там же. С. 193–194.

²⁰² Там же. С. 212.

²⁰³ По вопросу об укреплении партии, в связи с учётом опыта проверки личного состава её : резолюция X Всероссийской партийной конференции // Там же. С. 346–347.

²⁰⁴ Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 210.

создан такой тип работника, личная преданность которого, а также его партийность и социальное происхождение являлись «ведущим критерием при отборе руководящих кадров»²⁰⁵. Во исполнение ряда партийных решений шёл процесс подбора и региональных управленцев.

Во второй половине 1920-х гг. приток в партию более чем 200 тыс. чел. из «ленинского призыва» потребовал их распределения и вовлечения в государственную работу, причём этому не должна была мешать их неподготовленность, непрофессионализм, отсутствие партийного образования и др.²⁰⁶ Однако, принимая во внимание проблемы, связанные с распределением кадров в низовых парторганизациях, XIV конференция РКП(б) (1925 г.) постановила прекратить практику частых «перебросок» работников, а в целях усиления инструкторского состава к 1 сентября 1925 г. командировать не менее тысячи коммунистов в уездные парторганизации. Особое внимание должно было уделяться «непосредственно живому руководству низовыми партийными организациями путём выездов на места, правильной постановкой инструкторского аппарата»²⁰⁷. XIV съезд ВКП(б) (1925 г.) обязал ЦКК и РКИ оказывать активное содействие партийным и советским органам в деле подбора кадров, а по сути – контролировать этот процесс²⁰⁸. Внимание было обращено и на личный состав деревенских парторганизаций, особенно их руководителей. Кадровая работа в деревне сводилась к постоянным перемещениям коммунистов, подготовке и выдвижению новых работников из крестьянской среды, их обучению и др.²⁰⁹ В целях оказания помощи деревенским ячейкам в уезды и

²⁰⁵ Пашин В. П. Истоки и последствия номенклатурно-селекционной работы партии большевиков // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. 2012. № 4. С. 147–148.

²⁰⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 47.

²⁰⁷ Там же. С. 182.

²⁰⁸ Там же. С. 254.

²⁰⁹ Об очередных задачах работы в деревне : резолюция Пленума ЦК РКП(б) от 25–27.10.1925 // Там же. С. 136–137.

волости направлялись тысячи коммунистов²¹⁰. Если в самом начале 1920-х гг. основным методом работы с кадрами был метод перемещения партийных работников «из одной отрасли работы в другую и из одного района в другой», то с организацией номенклатурной системы потребовалось решать задачу наполнения её резервистами. Таким образом, в учётно-распределительной работе активно стал использоваться и другой метод – «выдвиженчество». Для регионов, при остром дефиците компетентных руководителей, оно рассматривалось как возможность создания кадрового резерва для формирования партийно-советского аппарата²¹¹.

Для достижения целей по оптимизации кадрового состава применялись и другие методы: борьба с карьеристами и взяточниками, «обюрократившимися элементами»; применение лозунгов «критика сверху донизу и снизу доверху» и «невзирая на лица» и др. Вместе с тем, внутренняя среда партийно-советской номенклатурной системы была подвержена негативному влиянию и со стороны самих её членов: захваты лидирующих позиций, стремление к власти проходили не только в высших эшелонах, но были характерны и для региональных элит, а партийные конфликты, расколы, «склоки» возникали повсеместно²¹². Не избежала этой участи и Коми областная парторганизация. Так, вопрос о «внутрипартийной склоке», начавшейся ещё с противостояния уездных элит «яренцев» и «усть-сысольцев», был вынесен в повестку VIII облпартконференции (1927 г.) в качестве отдельного вопроса²¹³. Показателен и другой пример. Один из основоположников Коми государственности Д. А. Батиев постоянно обвинялся

²¹⁰ Ко всем организациям, ко всем членам партии : обращение ЦК РКП(б) от 10.08.1925 // Там же. С. 220–222.

²¹¹ Колдушко А. А. Управление составом партийной номенклатуры в 1920-х – первой половине 1930-х годов (на материалах Прикамья) // Вест. Пермского НИПУ. Культура. Философия. Право. 2013. № 8. С. 24.

²¹² См., напр.: Шабалин В. В. «Закулисная политика» (К истории внутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг.) // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. Пермь, 2003. С. 147–153; Его же. «Как и полагалось, жизнью региона руководит Круглов...» (конфликты и конвенции в сфере партийно-советской бюрократии 20-х гг.) // Разрыв и конвенции в отечественной культуре. Пермь, 2011. С. 88–104; Его же. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вест. Пермского ун-та. 2013. Вып. 2. С. 159–166; и др.

²¹³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 72. Л. 9–15об.

коллегами в недисциплинированности, злоупотреблении спиртным, небрежности при ведении финансовой отчётности и др. За эти проступки он лишился нескольких должностей в своей карьере, а в 1927 г. был исключён из партии²¹⁴.

Важнейшим инструментом формирования системы управленческих кадров являлись чистки, которые чередовались с проверкой и обменом партийных документов. В 1920–1930-е гг. под девизом борьбы за качество партийных рядов официально проходили различные кампании: так называемые «генеральные» чистки (1921 г., 1929 г., 1933 г.), проверки отдельных партийных организаций (непроизводственных, деревенских, советских, вузовских и др.). Кроме того, чистки проводились при перерегистрации членов партии и замене партийных документов (1921 г., 1922 г., 1927 г., 1936 г.). Борьба за чистоту партийных рядов продолжалась вплоть до 1939 г., когда с принятием нового Устава ВКП(б) они были отменены. Периодически «очищался» и государственный аппарат; пик мероприятий пришёлся на 1929–1932 гг.

Социально-экономические и политические процессы, проходившие в стране в 1920–1930-е гг., отражались на социальной структуре общества, в том числе и на составе РКП(б)–ВКП(б). В соответствии с программными установками, большевистская партия должна была стать партией рабочего класса²¹⁵. Однако увеличение её численного состава влекло за собой изменение социальной структуры, что требовало постоянного контроля над ситуацией. Уже на VIII съезде РКП(б) подчёркивалось, что это «не должно покупаться ценою ухудшения качественного состава»²¹⁶. Как одно из направлений кадровой политики этот процесс нормативно обеспечивался уставами РКП(б)–ВКП(б) в части условий приёма, резолюциями и постановлениями партийных органов различных уровней, инструктивными документами – в части определения социального положения членов партии и др. Попытки «освежить» партийные ряды за счёт проверок

²¹⁴ Дмитриков М. П., Жеребцов И. Л. Трагедия Дмитрия Батиева // Родники пармы. Сыктывкар, 1993. С. 78–90.

²¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 39.

²¹⁶ Там же. С. 71.

личного состава, организации кампаний массовых приёмов, среди которых наиболее масштабными были «ленинский призыв» (1924 г.) и «октябрьский призыв» (1927 г.), существенным образом не повлияли на сложившуюся ситуацию. Решения X съезда РКП(б) о вербовке рабочих²¹⁷, XI съезда об изменении условий вступления в партию «не чисто пролетарским элементам»²¹⁸, XIII Всероссийской конференции (1924 г.) и постановление Пленума ЦК о вербовке рабочих «от станка»²¹⁹ (в результате чего в партию должны были вступить 100 тыс. рабочих), XIII съезда РКП(б) (1924 г.) и XIV партконференции (1925 г.) о нахождении в партии не менее 50 % рабочих²²⁰, Пленума ЦК ВКП(б) (ноябрь 1928 г.) о вербовке рабочих и регулировании роста партии и ряда других не привели к кардинальным изменениям. Так, XVI съезд ВКП(б) (1930 г.) констатировал, что увеличение числа рабочих всё ещё является недостаточным²²¹. Предполагалось, что и государственный аппарат будет комплектоваться в первую очередь за счёт рабочих, но индустриализация, которая способствовала притоку населения в города, в большей степени за счёт миграции сельских жителей, и в целом повлияла на социальную структуру (в 1924 г. в составе населения страны рабочих насчитывалось 10,4 %, в 1939 г. – 33,5 %²²²), не смогла улучшить данные показатели, например, в таких регионах, как Коми.

Однако даже механические способы регулирования социального состава управленцев не могли решить важнейшей кадровой проблемы – партийно-советский аппарат оставался неэффективным с точки зрения компетентности его руководителей. Работа в государственных и особенно в хозяйственных органах требовала профессиональных знаний и практического опыта управления, но большинство рабочих-выдвиженцев были членами партии, что и играло

²¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 211.

²¹⁸ Там же. С. 339.

²¹⁹ Там же. Т. 3. С. 14.

²²⁰ Там же. С. 185–186.

²²¹ Там же. Т. 4. С. 415–416.

²²² Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М., 1987. С. 85.

определяющую роль при их назначении на руководящие посты. Так, в 1927 г. среди руководителей государственных учреждений и заведующих отделами рабочих насчитывалось 48,4 %, заведующих подотделами и инструкторов – 39,6 %, председателей горсоветов – 40,7 %²²³. Осознавая, что для выполнения административных функций в аппаратах государственного управления различного уровня необходимы квалифицированные кадры, во второй половине 1920-х гг. центральная власть изменила подходы к выдвиженчеству. Предлагалось перейти к систематической подготовке кадров, а назначение проводить на заранее определённую должность²²⁴. В начале же 1930-х гг. мобилизация рабочих «от станка» для выполнения управленческих функций прекратилась²²⁵.

Определённая политика проводилась и по крестьянскому вопросу. В социальной структуре общества удельный вес жителей деревни был довольно большим: к концу 1930-х гг. в сельской местности проживало 67 % населения страны²²⁶. Партийные и государственные решения предусматривали планомерные перемещения сельского населения, и таким образом оно являлось источником пополнения рабочего класса. Кроме того, в течение исследуемого периода происходило преобразование крестьянства из одной категории в другую (от единоличников к колхозникам). Социальные трансформации затронули и категорию служащих. В начале 1920-х гг. партийные директивы обязывали участвовать в «систематической поддержке и деловом сотрудничестве» с представителями интеллигенции²²⁷. Подобное социальное взаимодействие обеспечивало специалистами экономику молодого Советского государства. По

²²³ Гимпельсон Е. Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 5. С. 42.

²²⁴ О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат : постановление ЦК ВКП(б) от 07.03.1927 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 158–159.

²²⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15.03.1931 // Справочник партийного работника. Вып. 8. М., 1934. С. 386.

²²⁶ Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М., 1987. С. 86.

²²⁷ КПСС в резолюциях ... М., 1970. Т. 2. С. 394.

данным Всероссийской переписи 1926 г. служащие составляли 2,6 % от общей численности населения²²⁸, а среди членов партии их было около 20,7 %²²⁹. Подготовка профессиональных кадров из числа рабочих и крестьян привела к постепенному увеличению доли работников умственного труда. К концу 1930-х гг. также произошёл рост числа служащих и среди членов партии – 34,1 %²³⁰, чему способствовало установление единых правил приёма в ряды ВКП(б) для всех вступающих независимо от их социальной принадлежности.

В вопросе регулирования социального состава значительная роль отводилась местным парторганизациям. Следует отметить, что по социальному составу Коми областная парторганизация была крестьянской, чей удельный вес в разные годы был достаточно высоким (в 1925 г. – 67,5 %, в 1940 г. – 43,4 % от общего числа)²³¹. Это объясняется тем, что Коми область была аграрным регионом. Однако её состав существенно не отличался от других национальных территорий (например, по итогам Всероссийской партийной переписи 1922 г. в составе Чувашской парторганизации крестьян насчитывалось 48,1 %, Марийской – 49,4 %)²³². Партийное руководство Коми автономии было серьёзно озабочено отсутствием «чисто пролетарских элементов»²³³. В середине 1920-х гг. предлагалось довести число рабочих хотя бы до 10 %²³⁴. Самый высокий процент рабочих в составе облпарторганизации был в 1932 г. – 33,6 %, т. е. только в период, когда в основной отрасли промышленности – лесозаготовительной – увеличилось число постоянно работавших в лесу²³⁵. Что касается категории служащих, то в разные годы число было нестабильным. Если в 1920-е гг. служащие в среднем составляли около 27 % от всех членов парторганизации, то в

²²⁸ Селунская В. М. Социальная структура советского общества ... С. 162.

²²⁹ Там же. С. 166.

²³⁰ Там же. С. 168.

²³¹ Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. Сыктывкар, 1977. С. 29.

²³² Всероссийская перепись членов Р.К.П. 1922 года. Вып. 5 : Национальный состав членов партии. М., 1924. С. 33.

²³³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 222.

²³⁴ Там же. Д. 42. Л. 55.

²³⁵ Коми областная организация КПСС в цифрах ... С. 29.

1930-е гг. – от 11,6 % до 22,9 %. Единые условия приёма в партию в соответствии с Уставом ВКП(б) 1939 г. позволили значительно увеличить число служащих, и к 1940 г. их удельный вес резко возрос до 39,7 %²³⁶.

В начале 1920-х гг. заняться планомерной работой по подбору и расстановке кадров на наиболее ответственные участки партийно-государственного строительства в Коми регионе не представлялось возможным. Во-первых, необходимо было территориально и законодательно оформить автономную область и сформировать органы управления. Во-вторых, по решению высших партийных органов в срочном порядке требовалось провести чистку и учёт партийного состава облпарторганизации. В-третьих, отсутствие дорог, при значительной территориальной протяжённости между уездами и центром области, не позволяло наладить полноценную связь с местными партийными организациями и, следовательно, своевременно предоставлять информацию о состоянии дел. Кадровая работа в этот период сопровождалась множеством проблем. Прежде всего в области отсутствовало достаточное количество работников, способных к активной партийной работе, а низкий образовательный и профессиональный уровень руководства не позволял ему принимать необходимые решения. Областные и уездные партийные работники нуждались в постоянных разъяснениях и указаниях. Вся деятельность аппаратов сводилась в основном к составлению докладов, отчётов и оформлению протоколов²³⁷. Укрепление же руководящего состава и его «освежение» проходило путём постоянной перегруппировки наиболее активных коммунистов и переброски областных работников в местные парторганизации²³⁸. Кроме того, из-за отсутствия финансовых средств партийно-организационная работа «не была доведена до максимума»²³⁹. Плохое материальное положение не позволяло созывать пленумы обкома, приглашать секретарей укомов на совещания,

²³⁶ Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. Сыктывкар, 1977. С. 29.

²³⁷ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

²³⁸ Там же. Д. 16. Л. 19об.

²³⁹ Там же. Д. 39. Л. 6.

выезжать в уездные парторганизации, с которыми в основном велась переписка. Острее всего стояла проблема взаимодействия обкома партии с Ижмо-Печорским укомом в силу его территориальной отдалённости от центра²⁴⁰. Несмотря на то, что облпарторганизация по вполне объективным причинам не могла наладить не только организационную работу, но и работу по отбору и командированию в уезды ответственных работников, ставилась задача – «развёрстку ЦК РКП о посылке 10 работников в деревню выполнить», выделив их из Усть-Сысольской городской организации, и продолжить дальнейший подбор наиболее активных коммунистов²⁴¹. В дальнейшем, при обсуждении проблем формирования организационно-инструкторского и руководящего состава, обращалось внимание не только на изменение его численности и на количество выездов ответственных работников в местные парторганизации, но и на наличие плановости и системности в этой работе, как того требовали партийные директивы. Неукоснительно выполняя указания высших партийных органов, областная парторганизация взаимодействовала с местными парторганизациями посредством командирования инструкторов и ответственных работников. «Живая связь» осуществлялась, в том числе, и членами ОКК.

Во второй половине 1920-х гг. процесс обновления руководящего состава ставился в качестве приоритетной задачи, что подкреплялось соответствующими резолюциями Коми областных партконференций. Делегаты признавали, что управленческий состав не был укомплектован полностью, а ситуация по подбору кадров не менялась. Не спасало её и новое направление кадровой политики – «выдвиженчество», которое позволяло формировать кадровый резерв. Предложения, связанные с улучшением кадровой работы, сводились в основном к следующим: не допускать увеличение штатной численности партийных органов без санкции ЦК ВКП(б); не превышать должностных окладов; упорядочить учёт и изучение партийных кадров, ввести плановость и системность в их

²⁴⁰ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

²⁴¹ Там же. Л. 223.

распределение; не допускать текучести инструкторского состава и др.²⁴² Однако взять ситуацию под контроль не удавалось, продолжалась утечка руководящих кадров, особенно в организационном отделе и информационном подотделе Коми обкома, а в агитпропотделе были выявлены лица, «не соответствующие своему назначению». Бессистемность и отсутствие плановости в работе отделов Коми обкома не способствовали изучению руководящего состава. Такая же ситуация наблюдалась и в укомах²⁴³. В самом конце 1920-х гг. на продолжительную, более месяца, работу в партийные ячейки были командированы ответственные работники. Это был первый опыт полномасштабного выезда на места. Делегаты IX Коми облпартконференции (1929 г.) выработали решение о проведении и в дальнейшем подобных мероприятий, которые были бы приурочены к важнейшим политическим и хозяйственным кампаниям, а при проведении инструкторских обследований – с привлечением «партийной массы»²⁴⁴. Таким образом, к концу 1920-х – началу 1930-х гг. применение различных кадровых методов и принципов позволило выстроить такую систему, куда «подбирались в первую очередь хорошие исполнители идей»²⁴⁵.

В 1930-е гг. произошли самые масштабные изменения организационной структуры органов управления. В 1930 г. произошла реорганизация партийных аппаратов по «функциональному принципу». Но уже в 1934 г. данная система была отменена, а взамен вводились производственно-отраслевые отделы. На основании решений XVII съезда ВКП(б) (1934 г.) вводилась должность «разъездных ответственных работников» – членов горкомов и райкомов, которые обязаны были организовать всю партийную работу. Руководство деятельностью инструкторов, а также распределение кадров возлагалось на секретарей

²⁴² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 72. Л. 19об.

²⁴³ Там же. Д. 109. Л. 80.

²⁴⁴ Там же. Л. 247об.

²⁴⁵ Пашин В. П., Свириденко Ю. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998. С. 20.

парторганизаций и их заместителей²⁴⁶. По решению XVIII съезда ВКП(б) (1939 г.) в структуре областных комитетов оставались сельскохозяйственный отдел, отдел кадров, отдел агитации и пропаганды, организационно-инструкторский отдел, что свидетельствовало о приоритете работы с кадрами. Подобная перестройка партийных аппаратов всех уровней привела к их окончательному сращиванию с государственными и хозяйственными учреждениями, а партийные комитеты заменили собой Советы и их исполкомы²⁴⁷.

Принцип выдвижения и распределения кадров на долгие годы оставался залогом формирования партийно-советской номенклатуры. Подбор нужных партии людей, заявленный как партийный лозунг ещё В. И. Лениным на XI съезде РКП(б), являлся «гвоздём для всей работы»²⁴⁸. Однако перманентная перестройка партийно-советских структур негативным образом влияла на становление региональных элит. Приоритеты Центра постоянно менялись, что позволяло формировать «такой провинциальный аппарат, который был бы способен реализовать его социально-экономическую программу, не задумываясь»²⁴⁹. На рубеже 1920–1930-х гг. на Европейском Севере проходили сложнейшие процессы формирования управленческих кадров. Оформление территорий Северного края в 1929 г. потребовало создание новых партийных и советских структур, что позволило решить задачу замены бывших губернских руководителей. Так, в «правом уклоне» были обвинены секретари Вологодского губкома ВКП(б), в «правом оппортунизме» – руководители Северо-Двинского округа, в «национал-

²⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 156.

²⁴⁷ См., напр.: Перебинос Ю. А. Эволюция регионального партийного аппарата в 1930-е гг. (на материалах Европейского Севера России) // Институциональные реформы: история и современность : материалы науч. конф. (г. Вологда, 6–7 апр. 2007 г.). Вологда, 2007. С. 184–192.

²⁴⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45. С. 113.

²⁴⁹ Перебинос Ю. А. Региональный партийно-советский аппарат в условиях форсированной социалистической модернизации 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы: материалы научно-практ. конф. (г. Вологда, 03 апр. 2014 г.). Вологда, 2014. С. 104.

оппортунизме» и «национал-шовинизме» – председатель Коми облисполкома И. Г. Коюшев и другие представители руководства²⁵⁰.

Поскольку как партийные, так и советские структуры создавались по территориальному принципу, весной 1929 г. одной из задач Севкрайкома ВКП(б) стала их организация в соответствии с новым административно-территориальным делением. Формирование единой системы управленческих кадров края по времени совпал со второй «генеральной» чисткой. Кроме того, Оргбюро и Секретариатом ЦК ВКП(б) были утверждены новые списки должностей, назначение на которые осуществлялось только по постановлению ЦК ВКП(б). На краевом уровне было принято аналогичное решение, в результате чего устанавливалось 762 номенклатурные должности, из них: 411 должностей первой номенклатуры, 147 должностей второй номенклатуры, 204 должности третьей номенклатуры²⁵¹. Кроме того, Орграспредотдел ЦК ВКП(б) с августа 1929 г. по июнь 1930 г. командировал в Северный край 235 чел. Кадровыми перемещениями занимался и Севкрайком ВКП(б). За этот же период через его распределотдел прошли 567 чел., сменилось 64 % секретарей райкомов партии, 69 % председателей райисполкомов, 55 % заведующих райфинотделов, 70 % заведующих райземуправлений²⁵². В самом начале 1930 г. произошла замена регионального партийного состава, поводом к которой послужило решение Политбюро от 15 января 1930 г. «О реорганизации аппарата национальных ЦК, краевых, областных и окружных комитетов ВКП(б)»²⁵³ и аналогичная директива, оформленная Севкрайкомом ВКП(б). Кроме того, в середине 1930 г. прошла кампания по ликвидации округов, что снова породило проблему перестановки региональных управленческих кадров. По решению Бюро Севкрайкома ВКП(б) 80–85 % работников окружных аппаратов партийных, советских, хозяйственных,

²⁵⁰ Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы : монография. Архангельск, 2000. С. 266–269.

²⁵¹ Воробей А. П. «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1920–1930 гг.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 69.

²⁵² Там же. С. 70.

²⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 772. Л. 12.

профсоюзных, кооперативных учреждений и организаций распределялись по районам²⁵⁴. Таким образом, в течение короткого времени на огромной территории был заменён практически весь руководящих кадровый состав.

Несмотря на вхождение Коми автономной области в состав Северного края и, соответственно, Коми областной парторганизации в краевую парторганизацию, подбор и расстановка руководящих кадров по-прежнему оставались краеугольными проблемами в первой половине 1930-х гг. Отчасти этому способствовали некоторые нерешённые вопросы партийно-организационного характера. Так, не были выполнены решения XVI Всесоюзной партконференции (1929 г.) о привлечении «бесплатных работников-партийцев» в порядке общественной партийной нагрузки, а директивы на этот счёт не давались²⁵⁵. Сокращение штатов в связи с реорганизацией партаппаратов, в основном за счёт районных работников, не позволило заниматься «живым» инструктированием местных парторганизаций. Таким образом, процессы по укомплектованию кадрами, а также привлечение коммунистов к работе партийного аппарата «в порядке нагрузки» ставились в качестве первостепенной задачи²⁵⁶.

В этот период продолжалась практика командирования инструкторов и специальных уполномоченных в местные парторганизации для проверки состояния дел. Однако при обсуждении опыта таких выездов, например, участники партийных форумов высказывали довольно противоречивые и неоднозначные мнения. Одни считали, что приезжавшие в район уполномоченные не оказывали никакой помощи, даже не выступали на собраниях партячеек²⁵⁷; другие наоборот отмечали, что роль партийных ячеек стала снижаться, поскольку уполномоченные очень часто их посещали, в связи с чем ячейки стали

²⁵⁴ Воробей А. П. «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1920–1930 гг.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 70.

²⁵⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 128. Л. 38.

²⁵⁶ Там же. Л. 44.

²⁵⁷ Там же. Л. 57.

«надеяться» на уполномоченных²⁵⁸. Подвергалась критике и работа Северного крайкома и краевой контрольной комиссии. По мнению делегатов, крайкому необходимо было заранее присылать директивы и давать указания инструкторам, чтобы те оказывали реальную помощь, а не приезжали «просто посмотреть наши работы»²⁵⁹. Как приоритетная для всех парторганизаций области ставилась задача сформировать команду штатных инструкторов, а обкому – «поставить учёт опыта, чтобы не делать из года в год ошибок»²⁶⁰. В отношении руководства областных партийных органов районными парторганизациями прослеживалась та же тенденция. Нижестоящим парторганизациям требовались постоянный инструктаж и «живая» помощь, но мнения делегатов по этому поводу различались. Некоторые считали, что обком не дооценивал принцип выдвижения и расстановки кадров²⁶¹. Например, представитель Прилузского района утверждал, что члены ОКК месяцами не приезжали в район и не оказывали помощь в работе²⁶². В то же время секретарь Прилузского райкома партии отмечал, что районным и сельским парторганизациям оказывалась большая «живая» практическая помощь: «К нам в Прилузский район приезжали обое секретари обкома и их приезд не был простым любопытством, они лазили по скотным дворам, хлевам и нам работникам показали, как надо устранять недостатки на этих участках»²⁶³.

Так же неоднозначно формулировались резолюции облпартконференций. Например, в резолюции XIII конференции (1934 г.) по отчётному докладу обкома, наряду с признанием значительного укрепления руководящих партийных, советских и колхозных кадров за счёт отправки в деревню части областного и районного партактива, было зафиксировано невыполнение указаний крайкома «о необходимости конкретного, оперативного дифференцированного руководства, о преодолении самотёка и поверхностного руководства». Отмечалось также, что

²⁵⁸ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 128. Л. 59.

²⁵⁹ Там же. Д. 149. Л. 69.

²⁶⁰ Там же. Л. 83.

²⁶¹ Там же. Д. 201. Л. 12.

²⁶² Там же. Л. 19.

²⁶³ Там же. Л. 40.

партийные комитеты и ячейки «весьма мало и плохо занимаются подбором и выдвижением кадров и воспитанием новых кадров руководителей»²⁶⁴. Больше всего претензий было высказано отделу руководящих парторганов Коми обкома: отсутствовала плановость в руководстве партийно-политической работой и в проведении совещаний для инструкторов райкома²⁶⁵, не обобщался опыт работы областных инструкторов и затем не транслировался в районы²⁶⁶, функции инструкторов сводились лишь к сбору информации для составления проектов резолюций для Бюро обкома²⁶⁷, на работу в районы руководители партийных организаций направлялись «путём назначения»²⁶⁸, подбор работников проходил по анкетным данным: «Если в анкете все в порядке, то значит все в порядке, прошлым работника не интересовались»²⁶⁹. Ряд делегатов обращал внимание на необходимость обучения партийного актива, подготовки и переподготовки кадров перед назначением на руководящую должность²⁷⁰.

Во второй половине 1930-х гг. произошла массовая ротация управленческих кадров партийно-государственных структур различного уровня. Процесс предусматривал уничтожение региональных элит и прежде всего – «старых» партийцев. Репрессиям подверглись и номенклатурные работники. Чистка и замена кадров получила своё обоснование на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. Первоначально под удар попали секретари парторганизаций, кто сумел сохранить свои посты, на втором этапе – те, кто был перемещён на эти должности из других регионов. В результате с конца 1936 г. до начала 1939 г. по всей стране сменилось в среднем по два–три партийных руководителя²⁷¹. Например, среди командированных в Коми автономию был репрессирован

²⁶⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 202. Л. 10.

²⁶⁵ Там же. Д. 295. Л. 33, 44.

²⁶⁶ Там же. Л. 19.

²⁶⁷ Там же. Л. 70.

²⁶⁸ Там же. Л. 22.

²⁶⁹ Там же. Л. 60.

²⁷⁰ Там же. Л. 61.

²⁷¹ Хлевнюк О. С. Номенклатурная революция : региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 47.

секретарь обкома А. А. Семичев, возглавлявший партийный орган с 1932 г. по 1937 г. Не избежали этой участи председатели Коми облизполкома И. Г. Коюшев, И. Г. Липин, признанные «двурушниками, пытающимися проводить буржуазно-националистическую политику». Следует отметить, что на протяжении всего исследуемого периода наблюдается постоянная сменяемость руководителей областных партийно-советских структур. На наш взгляд, это было связано прежде всего с отстаиванием национальных интересов территории и обоснованием её экономической независимости. Под предлогом борьбы с «национал-шовинистами» высшее руководство страны избавлялось от неугодных, осуществляя таким образом «кадровую революцию».

Проблема «текучести кадров и огульных перемещений» по-прежнему не была решена в Коми регионе. Например, в резолюции XIV облпартконференции (1937 г.) по отчётному докладу обкома указывалось, что в ряде случаев подбор кадров «происходил по признакам случайности, субъективности, обывательски-мещанским», вследствие чего на руководящую работу проникли «враги народа»²⁷². Работа обкома снова была признана неудовлетворительной, в связи с чем все парторганизации обязали сформировать кадровый резерв из числа выдвиженцев по различным отраслям партийной и комсомольской работы. Несмотря на то, что кадровые процессы проходили под лозунгом замены людей, которые не обеспечивали «успешное выполнение работы на том или другом участке», новыми людьми, «способными руководить работой этого участка»²⁷³, не была выполнена директива ЦК ВКП(б) о выдвижении беспартийных на руководящую советскую и хозяйственную работу, полученная обкомом 11 марта 1938 г.²⁷⁴ Это должно было стать предметом обсуждения на производственных совещаниях работников аппарата обкома партии, однако таких совещаний не

²⁷² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 295. Л. 157.

²⁷³ Там же. Д. 314. Л. 41.

²⁷⁴ Там же. Л. 59.

проводилось²⁷⁵. На основании постановления и инструкции ЦК ВКП(б) «О проведении выборов руководящих парторганов» с 4 апреля по 19 мая 1938 г. в девяти районах Коми АССР проводились выборы в первичных парторганизациях, что позволило в некоторой степени реализовать установку выдвижения на руководящие должности кадров «из низов», но не изменило ситуацию в целом²⁷⁶.

В конце 1930-х гг., после работы XVIII съезда ВКП(б) (1939 г.), вектор кадровой политики вновь сменился. Признавалось, что работа по подбору и распределению кадров различными производственно-отраслевыми отделами привела к «распылению дела»²⁷⁷. Исполняя партийные директивы, Коми обком перестроил свою работу. На XVI Коми облпартконференции (1939 г.) секретарь областной парторганизации И. Д. Размыслов так прокомментировал новшества: «Сейчас, когда существуют производственно-отраслевые отделы при таком положении у нас в частности в Коми Обкоме получалось так, что каждый отдел дерется за свои кадры, а общей координации исходя из общих интересов работы иногда не было: школьный отдел, например, дерется за кадры с отделом агитации и пропаганды, совторготдел с сельскохозяйственным отделом»²⁷⁸.

Вопрос о подборе и расстановке управленческих кадров оставался по-прежнему актуальным. И если по решению Бюро обкома в местную промышленность была назначена группа коммунистов, то секретарям райкомов, председателям райисполкомов и руководителям организаций было предложено самим заняться подбором и выдвижением новых кадров. Как отмечал руководитель обкома, надо «покончить с идиотской болезнью, когда наши руководители боятся выдвигать хороших, преданных людей, стахановцев на руководящие работы»²⁷⁹. Ответственные лица обкома признавались в «организационной отсталости»: не были укомплектованы советские, земельные,

²⁷⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 314. Л. 59.

²⁷⁶ Там же. Д. 316. Л. 36.

²⁷⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 372.

²⁷⁸ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333. Л. 117.

²⁷⁹ Там же. Л. 85.

лесозаготовительные, торговые организации; среди «слабых участков работы» оказались Наркомюст, НКВД, прокуратура, трест «Комилес», «Леспродторг» и др.; отсутствовали заместитель председателя СНК, руководитель Наркомхоза, начальник Дорожного управления, ряд инструкторов обкома и др.²⁸⁰ Таким образом, на ближайшее время ставилась задача расставить партийные кадры так, чтобы «важнейшие участки были обеспечены партийным влиянием»²⁸¹.

Однако частая «переброска» людей с места на место влекла за собой их постоянную сменяемость, что в очередной раз вызвало недовольство работой заведующего организационно-инструкторским отделом обкома. Так, участник XVII партфорума (1940 г.) привёл пример, когда в Сыктывкарском горкоме партии в 1939 г. одного коммуниста «перебрасывали» с места на место пять раз, а о себе он заявил: «Я приехал сюда в 1939 году и уже работал в трёх местах за год»²⁸². Среди других недостатков была отмечена и слабая работа с кадровым резервом: «Обком и его секретари достаточно не знают свои кадры. Если нужно выдвинуть работника на партийную и хозяйственную работу, только тогда отдел кадров начинает подыскивать товарища, а чтобы заранее изучить товарища и иметь в резерве, этого у нас зачастую нет»²⁸³. По мнению секретаря парторганизации Ньючимского чугунолитейного завода, инструктор обкома был обязан проводить инструктаж молодым работникам, например, таким как он, кто недавно стал секретарём парторганизации²⁸⁴. Представитель отдела кадров признал, что обком допустил ряд ошибок, а именно: не применялся «достаточно научный подход» к выдвижению кадров, многие руководящие партийные, советские, хозяйственные работники переставлялись с места на место, наблюдалась частая сменяемость кадров²⁸⁵.

²⁸⁰ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333. Л. 118–120.

²⁸¹ Там же. Л. 173.

²⁸² Там же. Д. 357. Д. 357. Л. 179.

²⁸³ Там же. Л. 147.

²⁸⁴ Там же. Л. 98.

²⁸⁵ Там же. Л. 147.

Жёсткой критике подверглась кадровая работа обкома партии и со стороны Управления кадрами ЦК ВКП(б). При обследовании облпарторганизации были выявлены следующие недостатки: многие руководящие работники «руководили работой недостаточно конкретно и оперативно», «не принимали достаточных мер по ликвидации последствий вредительства в лесной промышленности», «проявляли недисциплинированность и боялись критиковать друг друга, чтобы не испортить отношений» и др., что привело к принятию решения ЦК ВКП(б) об освобождении от занимаемой должности первого секретаря Коми обкома партии И. Д. Рязанова в конце февраля 1940 г. Партийный аппарат при этом по-прежнему не был укомплектован: на 4 февраля 1940 г. не хватало 85 работников, из них 42 инструкторов²⁸⁶. Итоги «несерьёзной» работы обкома по подбору и выдвижению кадров на руководящие посты позволили вновь признать практическую работу обкома партии неудовлетворительной²⁸⁷.

Актуальным для второй половины 1930-х гг. был вопрос взаимодействия Коми областной парторганизации с руководящими работниками лагерей системы НКВД. Представители данных правоохранительных органов высказывали Коми обкому партии претензии по поводу отсутствия должного руководства лагерными парторганизациями в вопросах осуществления кадровой политики. Так, на XVI Коми облпартконференции (1939 г.) К. В. Рубан (местечко Чибью) обобщил кадровые проблемы лагерей: нехватка квалифицированных кадров, назначение «случайных» людей на руководящую работу, отсутствие среди выдвиженцев молодых коммунистов и др.²⁸⁸ Обсуждая работу «наших руководящих товарищей в лагерях», секретарь обкома И. Д. Рязанов согласился, что работа по расстановке кадров в лагерях НКВД поставлена «далеко неудовлетворительно». Однако, знакомясь с работой одного из лагерей в Чибью, он обратил внимание на то, что на всех ответственных участках работают «враги народа» и высказал

²⁸⁶ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 357. Д. 357. Л. 198–200.

²⁸⁷ Там же. Л. 266.

²⁸⁸ Там же. Д. 333. Л. 41–42.

присутствующим на конференции делегатам от лагерей НКВД встречные претензии: «Спрашивается почему руководящие товарищи лагерей, товарищи из политотдела не могли настойчиво поставить этот вопрос не только здесь, почему нельзя было поставить в Москве перед Центральным комитетом партии... Мне кажется товарищи которые работают в лагерях этот вопрос должны пересмотреть, чтобы на всех таких ответственных участках работали наши люди. А то когда спрашиваешь у этих людей, что тут есть, как организовать работу? Они говорят то, что мы знаем, а то что мы не знаем, они нам не говорят... Товарищи, работающие в лагерях несомненно заслуживают внимание от нашей партийной организации и всего Коми народа, мы на сегодняшний день недостаточно помогали им, но я должен сделать оговорку, что давайте, товарищи из лагерей, договоримся, что мы вам поможем в деле посылки партийно-комсомольских кадров... У вас есть указания, что вы должны работать с теми людьми, которые у вас имеются, мы вам поможем только партийными и комсомольскими кадрами»²⁸⁹. Его предложение нашло поддержку в резолюции конференции: было решено направить группу ответственных работников в распоряжение политотдела данного лагеря²⁹⁰. Однако на следующей XVII конференции (1940 г.) вновь было высказано недовольство. Например, начальник Устьвымлага А. С. Черепанов отметил, что за полтора года существования лагеря никто из представителей обкома партии не был в нём, и лишь один раз заслушивали доклад о работе лагеря на Бюро обкома²⁹¹. По мнению заместителя начальника первого отдела Севжелдорлага Н. Е. Липоткина, если и оказывалась какая-либо помощь, то, возможно, только начальнику политотдела лагеря²⁹². Представитель Локчимлага не был столь критичен, как его коллеги, и отметил, что с августа 1939 г. по решению ЦК ВКП(б) в организациях, руководимых органами НКВД, были созданы политотделы, и это повлияло на улучшение внутрипартийной работы. Но

²⁸⁹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333. Л. 90.

²⁹⁰ Там же. Л. 99.

²⁹¹ Там же. Л. 84.

²⁹² Там же. Л. 123.

на руководящих постах всё ещё оставались люди, не заслуживающие никакого доверия и не способные руководить, поэтому и не умеющие «обеспечивать выполнение поставленных перед ними задач»²⁹³. Однако делегат от НКВД Коми АССР М. И. Журавлёв посчитал, что Коми областная парторганизация оказывала большую помощь органам НКВД. По его словам, только за 1939 г. в систему пришло 26 % новых людей, а около 34 % было выдвинуто на ответственную работу²⁹⁴. Таким образом, складывалась довольно сложная и парадоксальная ситуация: партийные организации лагерей фактически подчиняясь политотделам, оставались в стороне от руководства облпарторганизации, но практической помощи ждали именно от обкома партии. Эта тенденция сформировалась ещё в начале 1920-х гг., когда деятельность правоохранительных органов стала подвергаться коммунистическому влиянию, а в правовой системе закрепились практика, когда применялись не официальные государственные документы, а партийные директивы и указания²⁹⁵.

Одним из важнейших элементов системы государственного управления в 1920–1930-е гг. являлись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, прошедшие несколько этапов в своём историческом развитии. Как представительный орган власти они составляли политическую основу Советского государства. Их главнейшие функции заключались в формировании органов управления и контроле над их деятельностью. Нормативно эти процессы закреплялись конституциями и различными актами центральной и региональной власти. В целом сама система Советов состояла из организации съездов на всех уровнях управления и работы исполкомов в период между их проведением. Деятельность Советов определялась задачами государства; в их компетенцию входили прежде всего хозяйственно-экономические вопросы, культурно-просветительская работа, выстраивание взаимоотношений с партийными

²⁹³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333. Л. 183.

²⁹⁴ Там же. Д. 357. Л. 167.

²⁹⁵ Павлов Б. В. Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921–1925 годах // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 48.

органами, массовыми общественными организациями. Через местные Советы осуществлялась новая экономическая политика, переустройство деревни и коллективизация, индустриализация и повышение производительности труда на промышленных предприятиях, развитие социальной сферы и др.

Формирование советских органов и перестройку аппаратов их управления сопровождал избирательный процесс. Активному вовлечению населения в работу представительных органов власти способствовали выборы депутатов Советов на различных уровнях. Например, за период с 1924 г. по 1934 г. число депутатов по всей стране увеличилось в 2,5 раза²⁹⁶. Выборы считались одним из способов улучшения работы государственных аппаратов и поднятия авторитета советской власти в глазах населения. Указывая на их «доминирующее значение», Коми областное руководство ставило задачу активного участия жителей региона в этом процессе – число избирателей должно было достигать 80–90 %. И если в выборах 1923 г. принимали участие 23 % избирателей, в 1925 г. – 37 %, в 1927 г. – 40,44 %²⁹⁷, в 1929 г. – 52,1 %, в 1931 г. – 54,6 %²⁹⁸, то в 1934 г. явка составила 83 %, а в новый состав сельсоветов вошло 3.500 колхозников и лучших «ударников» предприятий и лесозаготовок²⁹⁹. На выборы в Верховный Совет Коми АССР 26 июня 1938 г. пришло 98,49 % избирателей³⁰⁰. С принятием в 1936 г. Конституции СССР и в 1937 г. Конституции РСФСР система органов государственной власти была модернизирована: в декабре 1937 г. проходили выборы в Верховный Совет СССР, в июне 1938 г. – в Верховные Советы союзных республик, в декабре 1939 г. – в местные Советы. Несмотря на декларацию

²⁹⁶ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 13. С. 200.

²⁹⁷ Резолюции V областного съезда Советов Коми автономной области. Усть-Сысольск, 1926. С. 62.

²⁹⁸ Из отчётных материалов Коми облисполкома Северному крайисполкому о советском, хозяйственном и культурном строительстве к 10-летию Коми автономной области – об организационном укреплении и деятельности Советов // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 94.

²⁹⁹ За новый Север. 1934. № 115.

³⁰⁰ Там же. 1938. № 151.

политического господства Советов во всей системе государственного управления, к концу 1930-х гг. они были полностью поглощены партийным руководством.

В начале становления Коми государственности деятельность Советов также контролировалась местными партийными органами, несмотря на официальное разграничение их функций. Своё руководство областная парторганизация проявляла через создание фракций коммунистов, выдвижение в советские аппараты наиболее активных партийцев, при избирательных кампаниях. Вместе с тем формирование системы советских управленческих кадров сопровождали те же проблемы, что и при организации партийных. Коми областной съезд Советов, также, как и высший партийный орган, не оставлял без внимания важнейшие вопросы развития региона. Повестки дня, как правило, включали отчёт Коми облисполкома, доклад о проблемах советского строительства, экономики, социальной сферы и др. Как заявляли сами делегаты, по работе госаппарата судят о советской власти. Однако в отличие от своих коллег – участников партконференций, они не часто обсуждали проблемы реализации кадровой политики. Тон в этом вопросе прежде всего задавали партийные органы.

Считалось, что повысить эффективность работы исполкомов, особенно нижнего звена, могли различные реорганизационные мероприятия. Они увязывались с сокращением штатов и расходов на содержание управленческих структур, исключением дублирующих функций и параллелизма в работе, сокращением документооборота. В дальнейшем это стало называться «рационализацией» госаппарата³⁰¹. В начале 1920-х гг. значительная роль в этом процессе, как и в партийной среде, отводилась организационно-инструкторскому подотделу облисполкома, на который возлагались организационно-правовая, информационно-статистическая, распределительная и другие функции. Также подотдел должен был контролировать деятельность волисполкомов, давать указания и разъяснения, проводить обследования.

³⁰¹ Протоколы 4-ого Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми (журналы съезда). Усть-Сысольск, 1926. С. 19–21.

Как отмечалось выше, на протяжении 1920-х гг. инструктирование являлось одним из главных методов улучшения работы местных учреждений. Оно осуществлялось членами облисполкома и ответственными работниками, которые командировались в населённые пункты. Вместе с тем данные мероприятия не приносили должных результатов. Например, делегаты Коми областных съездов Советов признавали, что метод «циркулярных распоряжений и разъяснений» не влиял на эффективность работы, поскольку волисполкомы были загружены повседневными заботами и «циркуляры не читают»³⁰². В середине 1920-х гг. для упорядочения работы советского аппарата предлагалось заслушивать доклады представителей низовых учреждений на президиумах уисполкомов и облисполкома по всем отраслям и направлениям их деятельности³⁰³.

Политические события в стране, проходившие в конце 1920-х – 1930-е гг., не могли не отразиться на работе высшего государственного органа Коми автономии. Исследование архивных документов показало, что при обсуждении вопросов формирования управленческих кадров, наряду с мерами по упрощению и удешевлению аппаратов, чаще стал предлагаться такой метод, как борьба с волокитой и бюрократизмом, «классово-чуждыми элементами», а также с «правым уклоном», «левыми загибами», «великодержавным шовинизмом», «местным шовинизмом»³⁰⁴. Например, в 1934 г. было отозвано 698 депутатов из 110 сельсоветов (около 25 %), а с февраля по сентябрь 1934 г. сменилось 53 председателя сельсовета и 52 секретаря исполкомов. В связи с предстоящими выборами ставилась задача срочного проведения «генерального осмотра каждого депутата»³⁰⁵. Оптимальным по-прежнему оставался метод вовлечения в работу

³⁰² Резолюции V областного съезда Советов Коми автономной области. Усть-Сысольск, 1926. С. 60.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Резолюция IX областного съезда Советов по докладу Коми облисполкома 25.01.1931 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 542–543.

³⁰⁵ О перестройке работы Советов и задачах выборной кампании 1934 г. : постановление пленума Коми облисполкома от 10.10.1934 // Там же. С. 245.

Советов батраков, бедняков, колхозников, ударников производства через выдвижение их кандидатур на руководящие должности.

Переход к трёхзвенной системе управления в конце 1920-х гг. привёл к некоторым изменениям организационной структуры и штатов исполкомов Советов. Наиболее приближенными к населению стали райисполкомы. В ходе нового районирования на территории Европейского Севера существенно расширилась их сеть. В 1929–1930 гг. насчитывалось 320 ответственных работника, 988 председателей и 957 секретарей сельсоветов³⁰⁶. Кроме того, в структуре исполкомов главенствующее место стали занимать плановые комиссии, земельные управления (отделы). Эта перестройка была обоснована проводимой в стране плановой экономики и индустриализацией, а также спецификой самого Северного края – его лесозаготовительной специализацией. Однако резкая ликвидация округов летом 1930 г. привела к трансформации государственных учреждений и организаций и значительному увеличению штата аппаратов, прежде всего низового уровня управления³⁰⁷. В исполкомах Советов работало чуть более 3 тыс. чел., из них 800 являлись ответственными работниками³⁰⁸.

На рубеже 1920–1930-х гг. для реализации государственных планов по сплошной коллективизации во все регионы страны были направлены десятки тысяч рабочих, на которых возлагалось руководство колхозами и совхозами³⁰⁹. Однако их профпригодность для осуществления строительства новой социалистической деревни была низкой: у большинства отсутствовал опыт руководящей работы, знания в области сельского хозяйства. Вместе с тем

³⁰⁶ Перебинос Ю. А. Структура и штаты аппаратов исполнительных комитетов Советов в период форсированной социалистической модернизации (на материалах Европейского Севера России) // История государства и права. 2015. № 22. С. 25.

³⁰⁷ О ходе распределения работников, освобождающихся в связи с ликвидацией округов : постановление ЦК ВКП(б) от 11.08.1930 // Справочник партийного работника. Вып. 8. М., 1934. С. 725.

³⁰⁸ Перебинос Ю. А. Структура и штаты аппаратов ... С. 25.

³⁰⁹ Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства : постановление пленума ЦК ВКП(б) от 14.11.1929 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 345.

поставленная партией хозяйственно-политическая задача в основном была выполнена³¹⁰. В числе так называемых «двадцатипятидесяти тысячников» в Коми регион прибыли 16 ленинградских и архангельских рабочих-коммунистов, с которыми в феврале 1930 г. встретился секретарь Коми обкома Н. А. Люстров³¹¹. С началом коллективизации также был пересмотрен состав сельсоветов. Главное место в них отводилось колхозникам – «новому массовому активу Советской власти в деревне»³¹². Кроме того, в начале 1930-х гг. массовая работа Советов в Коми автономии увязывалась не только с руководством колхозным движением, но и лесозаготовками, в связи с чем необходимо было перестроить работу сельсоветов и райисполкомов: организовать в них группы бедноты, лесные секции, а также вовлечь актив из колхозников и лесозаготовителей в работу деревни³¹³.

Прошедшая во второй половине 1930-х гг. очередная реформа административно-территориального устройства и, как следствие ликвидация Северного региона, позволили Коми изменить форму автономии на автономную республику. С принятием Конституции СССР в 1936 г. и Конституции РСФСР в 1937 г. была сформирована и новая структура органов государственной власти. Изменения затронули и региональный уровень представительной и законодательной власти. Так, в соответствии с Конституцией Коми АССР 1937 г. высшим органов государственной власти стал Верховный Совет, первые выборы в который состоялись 26 июня 1938 г.

Таким образом, с первых лет советской власти под особым контролем партии большевиков находились вопросы подбора, отбора и расстановки управленческих кадров. Главным транслятором директив по осуществлению

³¹⁰ См., напр.: Троценко Н. Д. Двадцатипятидесяти тысячники в Западной Сибири : реализация социально-мобилизационных функций (1930–1931 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 39–42.

³¹¹ Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе. Архангельск, 1964. С. 280–281.

³¹² Петрушин Ю. А. Сельские советы в системе командно-административного управления: взаимодействие и конфликт // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 2. Ч. 1. С. 171.

³¹³ О перестройке работы Советов : постановление пленума Коми облисполкома от 12.01.1932 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 245.

кадровой политики в Коми регионе была облпартконференция, через выработку резолюций которой проходила легализация принятых решений высшего руководства страны. Вопросы трансформации партийно-государственных структур, кадрового комплектования, применения различных механизмов при формировании областного управленческого состава и его резерва обсуждались прежде всего участниками партконференций, а не делегатами съездов Советов.

Одним из важнейших мероприятий формирования профессионального кадрового состава было выдвиженчество. Выдвижение на руководящую работу рассматривалось как процесс создания номенклатурной системы. Ему уделялось значительное внимание на всех уровнях партийного и государственного управления. Использование выдвиженчества как административного ресурса позволило политической верхушке к концу 1930-х гг. не только выстроить хорошо управляемую систему номенклатурных кадров, но и привлечь в местные партийно-государственные аппараты тех, кто был использован «для дальнейшей атаки на вершины региональной власти»³¹⁴.

При реализации кадровой политики партийные и советские структуры регионального и особенно местного уровня сталкивались с серьёзными проблемами распределения кадров. Отыскать тех, кто способен донести политические установки на уровне деревенской (волостной) ячейки или сельсовета, было особенно тяжело, поскольку уровень культуры, образования, компетентности управленцев был чрезвычайно низок. Руководители районного уровня также не обладали навыками руководящей работы и зачастую имели поверхностное представление о своих обязанностях. Представители губернского, областного руководства, на чьих плечах держалась вся организационная и идейно-политическая работа, во многом не являлись профессионалами в своём деле. Таким образом, общий низкий уровень руководящего состава не позволял

³¹⁴ Перебинос Ю. А. Региональный партийно-советский аппарат в условиях форсированной социалистической модернизации 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы: материалы научно-практ. конф. (г. Вологда, 03 апр. 2014 г.). Вологда, 2014. С. 109.

использовать его должным образом и провоцировал постоянную сменяемость кадров. Всё это являлось характерным и для Коми автономии.

§ 1.3. Коренизация как тактическая задача национально-государственного строительства

Одним из принципов национальной политики большевиков являлась так называемая «коренизация» кадров. Национальное строительство подразумевало под собой не только приобретение политического доверия националов, но и формирование местных управленческих аппаратов. Данные процессы были направлены на два основных объекта: титульные этносы автономий РСФСР и этнические меньшинства³¹⁵. Директивы X и XII съезда РКП(б), постановления советского правительства определяли коренизацию «как совокупность мероприятий по приобщению масс трудящихся каждой прежде угнетённой национальности к строительству социализма путём вовлечения в советское управление и реализации родного языка»³¹⁶. Таким образом, в 1920–1930-х гг. политика коренизации осуществлялась в основном в двух направлениях: наряду с поддержкой и развитием территориальной национальной экономики, культуры и др. предполагалось сформировать национальные управленческие кадры, а также ввести в официальное делопроизводство языки титульных наций и подготовить национальный кадровый состав в рамках существующей системы образования.

Коренизация была неразрывно связана со строительством партийно-государственного аппарата на местах и являлась логическим продолжением политики автономизации. Возращение управленцев «из людей местных, знающих язык, быт и нравы, обычаи соответствующих народов» было нацелено на подготовку национальных кадров на всех уровнях государственного

³¹⁵ Минеева Е. К. Особенности культурной политики Чувашской АССР в 1920–1936 годах // Вест. Екатеринбургского ин-та. 2014. № 2. С. 115.

³¹⁶ Родневич Б. Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. 1931. № 12. С. 12.

управления. Низовым уровнем административно-территориальных образований являлись Советы. В данном направлении политика коренизации начала осуществляться с целью приближения государственного к местному населению посредством перевода официального делопроизводства на родной язык, что было нормативно закреплено документом ВЦИК³¹⁷.

Коренизация национальных кадров в разных регионах страны имела свои особенности, но в целом положительно повлияла на политическую культуру автономий и их социально-экономическое развитие³¹⁸. Вовлечение национальных элит в процесс управления своими территориями потребовало от государства и осознания наличия «особых национальных интересов, решение которых требует и особой политики»³¹⁹. Однако если в 1920-е гг. коренизация в национальных районах увязывалась с вовлечением в органы управления представителей рабочих, батрацко-бедняцкого и середняцкого крестьянства нацменьшинств, увеличением числа организаций, осуществляющих работу на родном языке, очищением аппаратов от «великодержавных шовинистов», то к середине 1930-х гг. стало очевидным, что квалифицированных национальных ресурсов явно не хватало для её полноценного осуществления. Отсутствие необходимого уровня компетенции для исполнения должностных обязанностей являлось одной из причин постоянной текучести кадров. Таким образом, отказаться от русских кадров не удавалось, и это привело к тому, что с 1933 г. «появляется устойчивая

³¹⁷ О мерах по переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки : декрет ВЦИК от 14.04.1924 // СУ РСФСР. 1924. № 41. Ст. 371.

³¹⁸ См., напр.: Базарова В. Коренизация государственного аппарата в Бурят-Монголии как опыт национальной политики в 1920–1930-х гг. // Власть. 2008. № 7. С. 53–55; Бетророва М. А. Коренизация как способ подготовки партийных и советских кадров в Кабардино-Балкарии (1920–1940 гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 2. С. 19–23; Гутиева М. А. Политика коренизации кадров и особенности её реализации на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 2–7; и др.

³¹⁹ Хлынина Т. П. Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вест. Южного науч. центра. 2014. Т. 10. № 3. С. 110.

тенденция на сокращение удельного веса национальных работников в аппаратах», а делопроизводство в них снова начинает вестись на русском языке³²⁰.

Сохранение национальной идентичности коми разрешалось в контексте политики «зырянизации», т. е. определении статуса коми и русского языков как государственных. Терминологическое обозначение применения национального языка в общественной жизни было распространено повсеместно (например, украинизация³²¹ и др.). Ещё до начала становления коми государственности зырянизация развивалась в рамках национально-культурного строительства. Впервые данный вопрос прозвучал на Яренском и Усть-Сысольском съездах Советов в 1918 г. Проблемы обучения и преподавания на коми языке, подготовка соответствующих учительских кадров, создание литературного коми языка активно обсуждались в педагогической среде. В 1918–1920 гг. вопросами языковой политики прежде всего занимались отделы народного образования. Так, при Усть-Сысольском уездном отделе народного образования был сформирован подотдел по просвещению национальных меньшинств. С образованием же Коми автономной области создавались организационно-правовые условия для дальнейшего функционирования коми языка. В соответствии с постановлением Бюро Коми обкома РКП(б) от 24 ноября 1923 г. была организована Комиссия по зырянизации советского аппарата³²². Таким образом, в конце 1923 г. начался процесс по зырянизации всех учреждений и организаций области³²³, утверждён план работ, сроки и смета расходов³²⁴. После формирования национальных

³²⁰ Кайкова О. К. Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Вест. РУДН. Сер. История России. 2007. № 3. С. 116.

³²¹ См., напр.: Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации 1920–1930-е гг. : монография. М. : Европа, 2006; Его же. Украинизация служащих в УССР в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2015. № 3. С. 17–28; Васильев Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010; и др.

³²² Коми му. 1924. № 1–2. С. 67.

³²³ О зырянизации учреждений области : постановление Президиума облисполкома от 05.12.1923 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 37–38.

³²⁴ Там же. С. 52.

автономий, помимо Наркомнаца, Наркомпроса, проблемами коренизации должны были заниматься и местные власти. Так, III областной съезд Советов (1923 г.) рассмотрел вопрос о зырянизации советского аппарата и постановил, что полномочия Комиссии определяются и контролируются Президиумом Коми облисполкома³²⁵. В качестве одной из важнейших задач ставилось обеспечение условий для функционирования коми языка в официальном делопроизводстве. Предполагалось завершить этот процесс к 1 октября 1925 г.³²⁶

Основываясь на решениях партийных органов управления и IV областного съезда Советов (1924 г.) о признании на территории Коми автономии государственными коми и русского языков, Комиссия по зырянизации разработала «Инструкцию по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации Автономной области Коми». В соответствии с этим документом всё делопроизводство должно было осуществляться на коми языке. Вместе с тем допускалось использование в волостных и сельских учреждениях, расположенных в районах компактного проживания русского населения, а также при ведении переписки всех учреждений и организаций с внеобластными структурами русского языка³²⁷. Подобные комиссии, как и сама разработка различных регламентирующих документов, функционировали на территории и других автономий. Организация делопроизводства на коми языке не являлась единственной задачей Комиссии: она координировала в целом языковое строительство в регионе. Так, ею были разработаны принципы терминологии и правописания коми языка. Деятельность Комиссии по зырянизации советского аппарата в 1920-х гг. привела к определённым результатам: в качестве государственного коми язык был введён не только в текущее делопроизводство, но развивался и как литературный язык, была создана полиграфическая база на родном языке, завершилось становление

³²⁵ Попов А. А. Так проводилась зырянизация // Родники пармы. Сыктывкар, 1993. С. 139.

³²⁶ Протоколы 4-ого Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми (журналы съезда). Усть-Сысольск, 1926. С. 24.

³²⁷ НА РК. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 24. Л. 614–615.

национальной школы, был коренизирован партийный и советский аппарат на уездном и волостном уровнях и др. Однако, несмотря на координацию усилий Комиссии в процессе партийно-советского строительства, её большой значимости в проведении национально-языковой политики в целом, в конце 1929 г. решением Президиума Коми облисполкома она была распущена.

В первой половине 1920-х гг. вопрос осуществления зырянизации активно обсуждался на областных съездах Советов. Участники в целом одобряли данное мероприятие, но призывали к постепенному переходу делопроизводства на национальный язык. Свои решения они мотивировали тем, что «столетиями канцелярский язык был русским», а правильно писать по-зырянски умеют лишь 2–3 % работников учреждений³²⁸. Кроме того, считали, что зырянизация – это не самоцель, а выработка коми культуры вне русской невозможна³²⁹. Вместе с тем процесс контролировался партийными органами, в том числе неоднократно рассматривался на Коми областных партконференциях. Исполняя директивы XII съезда РКП(б) по реализации национальной политики на местах, делегаты V партийного форума (1924 г.) постановили «окончательно проработать вопрос зырянизации». Однако, заслушав доклад по национальному вопросу, отметили, что этот процесс начался стихийно и не всегда поддерживался некоторыми ответственными работниками. Проведение зырянизации осложнялось и наличием в партийных и советских органах управления 35 % «не местных работников, недостаточно знакомых с бытом и совершенно незнакомых с языком населения». Другой проблемой являлся «кадровый голод», не позволявший выдвигать на партийно-советские должности представителей местного населения³³⁰. В результате анализа ситуации были даны конкретные указания: провести учёт всех членов партии коренной национальности и кадрового резерва как в области,

³²⁸ Протоколы 4-ого Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми (журналы съезда). Усть-Сысольск, 1926. С. 107.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Постановления Коми областных партийных конференций. (1–5). Вып. 1. Усть-Сысольск, 1929. С. 39–40.

так и за её пределами; вести постоянное наблюдение за изменениями национального состава руководителей партийных, советских и профессиональных организаций; в обязательном порядке вводить в состав Президиума обкома, укомов представителей коми или знающих национальный язык; назначать заведующими отделами обкома коми партийцев; обратить особое внимание на национальный состав командируемых на учёбу в вузы, а также организовать курсы обучения коми языку для руководящего состава³³¹. Для более активного проведения зырянизации VI Коми облпартконференция (1924 г.) поставила перед обкомом партии задачу «приспособить в этих целях литературу и школу»³³². Посещение курсов коми языка вменялось в обязанности управленцам всех уровней. Более того, предлагалось переводить в местности с русским населением или отстранять от должности тех, кто не подчинялся этому указанию³³³. Тем не менее, темпы продвижения национального языка в государственное управление были низкими. Как указывалось в отчётном докладе ревизионной комиссии на VII Коми областной партконференции (1926 г.), при обследовании партийного аппарата «бумаг на зырянском языке пока не встречалось»³³⁴.

В середине 1920-х гг. проходили дискуссии о графических нормах коми письменности, что имело прямое отношение к политике зырянизации. В этот период государство стремилось унифицировать письменность всех народов. В дореволюционной России одни народы использовали русскую графику письма (например, украинцы, мордва, чуваша, коми и др.), другие – латинскую, что при осуществлении «культурной революции», в т. ч. ликвидации массовой неграмотности, вызывало определённые трудности. Поиски доступной для многонациональной страны графической основы письма привели к тому, что в течение 1920–1930-х гг. произошёл переход от действовавшего алфавита к

³³¹ Постановления Коми областных партийных конференций. (1–5). Вып. 1. Усть-Сысольск, 1929. С. 40–41.

³³² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 45.

³³³ Заседание Президиума Коми облисполкома от 16.02.1925 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 72.

³³⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 14.

латинизированной графике и создание новой письменности для некоторых народов (1920-е гг.), а затем переход на русскую графическую основу (1930-е гг.). Подобные реформы сопровождалась рядом издержек: перестройкой всей полиграфической базы, переводом официальных документов, подготовкой профессиональных кадров для сферы образования и государственного управления и др. Вместе с тем обоснование перехода на латинскую графику оправдывалось с политической точки зрения: для малочисленных народностей СССР это был толчок к формированию своей государственности³³⁵. Латинский рассматривался как «алфавит всемирного коммунистического общества»³³⁶. Сторонники сохранения русской графики письма обвинялись в «великодержавном шовинизме». Но уже в середине 1930-х гг. было признано противоестественным применение латинской графики отдельными народами, а повсеместная латинизация, особенно бесписьменных народов, считалась «политически и практически вредной»³³⁷. Безусловно, «стремление государства перевести народы на латинский алфавит тормозило процессы коренизации»³³⁸.

Идея «латинизации» коми письменности была предложена в 1924 г. одним из основателей Общества изучения Коми края А. Г. Греном. Предполагалось, что латинский алфавит консолидирует финно-угорские народы в процессе их государственного развития. Однако попытки приспособить его к коми письменности не увенчались успехом. На II Всекоми съезде работников просвещения (сентябрь 1925 г.) полемика была прекращена в пользу так называемого «молодцовского» алфавита (коми язык развивался на основе кириллицы и был составлен В. А. Молодцовым в 1918 г.).

³³⁵ См., напр.: Даудов А. Х., Мамышева Е. П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вест. СПбГУ. Сер. 2. История. 2011. № 2. С. 7–12.

³³⁶ Зак Л. М. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 11.

³³⁷ Там же. С. 12.

³³⁸ Минеева Е. К. Особенности культурной политики Чувашской АССР в 1920–1936 годы // Вест. Екатеринбургского ин-та. 2014. № 2. С. 119.

Следует отметить, что лингвистические дискуссии о латинизации языков явились хорошим поводом для осуществления государством репрессивной политики. На фоне появившейся у ряда автономий в 1920-е гг. перспективы обретения реальной независимости с санкций высшего партийно-советского руководства начали фабриковаться дела о «буржуазно-националистических» организациях. В частности, в 1932–1933 гг. в разработке органов ОГПУ находился Союз освобождения финских народностей (СОФИН). Считалось, что его деятельность была направлена на выход из состава Советского Союза Удмуртской, Марийской, Мордовской, Коми-зырянской, Карельской и других автономий для создания Единой финно-угорской федерации. В результате жесточайшим репрессиям подверглись представители государственных органов, национальной интеллигенции этих регионов, многие из которых были повторно осуждены в 1930-е гг.³³⁹

В конце 1920-х–начале 1930-х гг. советской властью был взят реванш за провал латинизации в масштабах страны. Под лозунгом борьбы с ликвидацией неграмотности ставилась задача привлечь государственные органы и общественность к проблеме латинизации. Перевод коми письменности на латинизированный алфавит осуществлялся поспешно и во многом носил волонтаристский характер. В частности, по распоряжению Центрального комитета нового алфавита при ВЦИК для Коми автономии в срочном порядке были отлиты типографские шрифты, а XII Коми облпартконференция (1932 г.) одобрила соответствующий доклад Областного комитета нового алфавита «Об итогах подготовки к переходу на новый алфавит и очередных задачах»³⁴⁰. В 1933 г. специальная бригада Комитета проводила проверку осуществления

³³⁹ См., напр.: Куликов К. И. «Дело СОФИН» (Союз освобождения финских народностей) и репрессии интеллигенции восточных финнов в 30-х годах // Развитие советских финно-угорских народов : история и современность : тезисы докл. Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 1991. С. ; Его же. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997.

³⁴⁰ Попов А. А. Из истории становления советской коми национальной школы (30-е годы) // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 56.

«комизации-латинизации», что форсировало данный процесс. Однако несмотря на затраченные значительные материальные средства и организационные усилия, применение нового алфавита на практике выявило его несостоятельность. Лингвистические эксперименты привели к тому, что резко снизился спрос на коми периодические издания, преподавание в школе фактически велось без учебной литературы и др. В результате Президиум облисполкома 07 марта 1935 г. вынес постановление о переходе на «молодцовский» алфавит³⁴¹. В Центральный комитет нового алфавита было отправлено письмо об отказе от латинизированного алфавита «как оказавшегося непонятным для трудящихся»³⁴². Более того, на XIV Коми облпартконференции (1937 г.) указывалось, что обком допустил грубую ошибку, вынося решение о латинизации, а постановлением Президиума Верховного Совета Коми АССР (сентябрь 1938 г.) был утверждён новый коми алфавит на русской основе и правила правописания³⁴³.

Несмотря на то, что Коми была моноэтничной областью, организация делопроизводства на национальном языке тормозилась рядом объективных факторов: отсутствовали квалифицированные кадры, подобного рода мероприятия ранее не проводились (в основном касающиеся перевода текстов официальных нормативных правовых актов), недостаточно выделялись средства, в районах использовались различные диалекты и др. И если при работе с населением коми язык, безусловно, употреблялся в разговорной речи, то на уровне работы аппаратов партийно-государственных органов управления использовался русский язык. Например, на Коми областных партконференциях не только оформление протоколов заседаний, но и выступления делегатов в абсолютном большинстве проходили на русском языке; то же можно отметить и в отношении проведения областных съездов Советов.

³⁴¹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1251. Л. 285.

³⁴² Там же. Л. 278.

³⁴³ Попов А. А. «Зырянизация-комизация» национальной школы в Коми автономии (1930-е годы) // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма). Сыктывкар, 2011. Т. 2. С. 122.

Предпринимаемые в 1928–1929 гг. «решительные меры» по ускорению работ по переводу партийно-советского аппарата на коми язык не привели к желаемым результатам. Как отмечалось самим областным руководством, медлительность была обусловлена многолетним пользованием литературного русского языка, благодаря чему сложились известные технические навыки, привычки, родной же литературный язык и письменность находились в стадии оформления³⁴⁴. Таким образом, с точки зрения государства вопрос перевода делопроизводства на коми язык осуществлялся недостаточно быстро и по сути не был реализован в полной мере.

В 1930-е гг. национально-языковая политика подвергалась различным изменениям, начало которым было положено в 1929 г. при вхождении Коми автономной области в состав Северного края. Функционирование двух государственных языков – коми и русского – обеспечивало использование последнего на территориях с русским населением. Так, в распоряжении Коми облисполкома от 23 декабря 1929 г. подчёркивалось, что в Усть-Цилемском районе, в Нювчимском поссовете, в Серёговском, Кажимском и Лоемском сельсоветах и ряде других населённых пунктов делопроизводство ведётся на русском языке, а в постановлении Президиума Коми облисполкома от 06 мая 1931 г. прямо указывалось, что переписка районных и сельских советов с преобладающим русским населением «должна вестись исключительно на русском языке»³⁴⁵. Более того, дискуссии 1928–1929 гг. о включении области в состав края дали повод центральным органам обвинить некоторых руководителей области в «воинствующем коми национализме». Опасаясь подобных обвинений, руководители ряда организаций и учреждений стали переводить работу на русский язык, а Коми облисполком, чтобы не допустить перегибов в проведении

³⁴⁴ Резолюции третьего пленума Коми обкома и пленума ОКК ВКП(б) (1–9 июня 1928 г.). Усть-Сысольск, 1928. С. 18.

³⁴⁵ О состоянии комизации аппарата : постановление Президиума Коми облисполкома от 06.05.1931 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. I. С. 223.

зырянizations, разослал в райисполкомы специальное письмо, в котором разъяснялось, что коренизацию аппарата и перевод учреждений на коми язык нельзя отождествлять с «национал-шовинизмом»³⁴⁶. Однако буквально через год Президиум облисполкома на своём заседании констатировал, что «целый ряд учреждений, переходя в 1929 г. почти целиком на коми язык, в настоящее время вернулись к пользованию русским языком»³⁴⁷. Противоречивость решений этого периода приводила к появлению ситуаций необходимости борьбы с проявлениями «великодержавного шовинизма». Как отмечалось в отчётном докладе ОКК на XI Коми облпартконференции (1930 г.), они выражались в противодействии зырянizations партийно-советского аппарата, бойкотировании коми языка в школах и др.³⁴⁸

Методы нажима и принуждения, присущие административно-командной системе, способствовали принятию партийно-государственными структурами ряда других постановлений. Например, весной 1933 г. Бюро Коми обкома ВКП(б) поручило ОКК–РКИ в срочном порядке выявить руководителей учреждений и организаций, секретарей партийных ячеек, где делопроизводство ведётся на русском языке, и привлечь их к ответственности, в том числе уголовной. Невыполнение решений рассматривалось как «прямой саботаж комизации аппарата»³⁴⁹. В дальнейшем представители ОКК–РКИ и прокуратуры входили в состав правительственной комиссии по зырянizations областных учреждений.

В 1935–1938 гг. в области проходили массовые репрессии против так называемых «коми буржуазных национал-шовинистов». В этот период противопоставление коми и русского языков выражалось в поиске причин использования русского языка. Так, в постановлении Президиума Коми облисполкома от 05 мая 1938 г. указывалось, что плохое усвоение русского языка

³⁴⁶ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 92. Л. 40.

³⁴⁷ О состоянии комизации аппарата : постановление Президиума Коми облисполкома от 06.05.1931 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. I. С. 222.

³⁴⁸ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 128. Л. 74.

³⁴⁹ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1250. Л. 102.

в школах являлось следствием действий со стороны «контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических агентов фашизма, которые срывали проведение ленинско-сталинской национальной политики, подрывали братское единство коми народа с русским»³⁵⁰.

Националистические деформации 1930-х гг. привели к тому, что среди репрессированных оказались представители коми интеллигенции, партийные и советские деятели (Д. А. Батиев, И. Г. Коюшев, В. И. Лыткин, А. А. Маегов, В. А. Молодцов, В. А. Савин, А. С. Сидоров, В. Т. Чисталёв и др.). Кроме того, в течение лишь одного десятилетия произошла троекратная смена коми алфавита – от «молодцовского» на латинизированный алфавит и снова на «молодцовский», а затем на русскую графику.

Подготовка и продвижение местных кадров для национальных автономий обеспечивалась не только за счёт внедрения в официальное делопроизводство родного языка. Стратегической задачей политики коренизации являлось вовлечение в органы управления представителей коренной национальности. В 1920-е гг. при осуществлении коренизации применялся административный метод, при котором вовлечение национальных кадров проходило «механически». В начале 1930-х гг. административный метод предлагалось заменить на функциональный, заключающийся «в заполнении работниками местной и частью работниками других национальностей, владеющими языком и письменностью местной национальности, тех должностей в аппарате, от которых действительно зависит реализация языка местной национальности в работе аппарата»³⁵¹. Таким образом, политика коренизации стала осуществляться за счёт «выдвиженцев».

Вовлечение колхозников и батраков в партийные и советские органы управления наиболее успешно проходило на низовом уровне, поскольку к рядовым членам предъявлялись минимальные требования. Однако при проведении коренизации руководящего состава среднего и высшего

³⁵⁰ НА РК. Ф. 870. Оп. 1. Д. 74. Л. 199.

³⁵¹ Родневич Б. Указ. соч. С. 20.

управленческого звена возникали трудности, в первую очередь связанные с невысоким уровнем их квалификации. Программа подготовки национальных управленческих кадров в целом соотносилась с культурно-просветительской работой среди населения. Специалисты и руководители партийных и советских аппаратов повышали свою компетенцию на различных курсах, в советско-партийных школах, в региональных и государственных учебных заведениях.

Для Коми автономии реализация задачи коренизации органов управления объективно не была столь сложной, как для других национальных автономий. Так, представительство коренных жителей в составе местных Советов по итогам их перевыборов в середине 1920-х гг. составляло 95 %, русских – 3,97 %³⁵². В начале 1930-х гг. национальный состав управленцев оставался таким же стабильным: 95 % в сельсоветах, около 87 % в райисполкомах, 57,4 % в аппарате Коми облисполкома, 77 % в Президиуме Коми облисполкома³⁵³. Кроме того, коми население в целом было толерантно к советской власти, в отличие, например, от населения Северного Кавказа, где значительная часть горцев воспринимала занявших руководящие посты как «наместников центра», а наличие межэтнической напряжённости и не прекращавшееся вооружённое сопротивление советской власти «придавало проблеме коренизации управленческих кадров особый военно-политический подтекст»³⁵⁴. По степени выполнения условий партийных директив об уровне вовлечения националов в управленческий аппарат Коми автономия, наряду с Татарской и Чувашской АССР, Марийской и Мордовской АО и др., относилась к первой группе, где процент коренных работников в государственных органах был не меньше, чем процент коренной национальности среди всего населения региона. Например, если на I съезде Советов Чувашской автономной области (1920 г.) делегаты-чуваши составляли

³⁵² Из доклада А. И. Буткина на пленуме Коми обкома ВКП(б) об итогах перевыборов в местные Советы от 19.06.1926 // История Коми края в документах и материалах : хрестоматия. Ч. 2. Советский период / под ред. А. Н. Турубанова. Сыктывкар, 1985. С. 352.

³⁵³ Там же. С. 363.

³⁵⁴ Гутиева М. А. Указ. соч. С. 4–5.

менее 50 %, то на II (1922 г.) – около 85 %. В составе волисполкомов Татарии в 1921 г. было 30,4 % татар, в 1922 г. – 40,4 %, в 1924 г. – более 50%³⁵⁵.

Вместе с тем на высшем государственном уровне отмечалось снижение данного показателя в Коми области в период с 1929 г. по 1931 г. Несмотря на то, что в составе населения автономии 92,3 % были лица коренной национальности, в 1930 г. вовлечённых в аппарат управления насчитывалось 69,6 %, а в 1931 г. – 64,4 %³⁵⁶. На основании проведённых ВЦИК обследований в 1931 г. и анализе собранных данных был сделан вывод о снижении темпов коренизации в отношении ряда автономий, включая Чувашскую АССР, Марийскую, Мордовскую, Коми автономные области и др., где при достаточно благоприятных условиях мероприятия по коренизации увязывались с их недостатками: наличием «великодержавного шовинизма и местного национализма», слабости руководства и работы по профессиональной подготовке и переподготовке кадров. В ряде случаев отмечалось параллельное ведение делопроизводства на русском языке³⁵⁷. Следует отметить, что сделанный вывод о снижении количественных показателей по коренизации несколько не соотносится с выводами, сделанными Комиссией по зырянизации, которая считала, что в Коми области имелись достаточно благоприятные условия для реализации политики Центра. Так, на момент начала её работы (27 ноября 1923 г.) работники областных учреждений коренной национальности составляли 66,67 %, в уездах и волостях – 83 %³⁵⁸.

К середине 1930-х гг. процесс вовлечения национальных кадров в государственный аппарат вступил в завершающую стадию. Итоги коренизации по отдельным административно-территориальным единицам оказались разными, но это был «один из способов усиления социальной мобильности и фактором,

³⁵⁵ Чистяков О. И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы Советской власти : по материалам Среднего Поволжья // Правоведение. 1965. № 1. С. 166.

³⁵⁶ Родневич Б. Указ. соч. С. 15.

³⁵⁷ Там же. С. 17.

³⁵⁸ О работе по зырянизации : информация Коми облисполкома (август 1927 г.) // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 132.

который изменил социальную структуру общества»³⁵⁹. Кроме того, значительные усилия по ликвидации массовой неграмотности и просветительской деятельности среди местного населения, осуществление программ образования профессиональных кадров позволили многим представителям коренной национальности получить не только среднее, но и высшее образование.

Поставленная задача дальнейшей коренизации аппарата и улучшение социального состава руководящих кадров к середине 1936 г. была выполнена. Как следовало из доклада Коми облисполкома об итогах социалистического строительства за 1921–1936 гг., сельсоветы, райисполкомы, весь низовой советский аппарат области фактически полностью был укомплектован из «коми трудящихся». В областном аппарате работников коренной национальности насчитывалось до 80 % от общего состава. Данный процесс сопровождался улучшением полиграфической базы для создания печати на коми языке, а учреждения и организации оборудовались техническими средствами, позволяющими вести на нём делопроизводство³⁶⁰.

Дискуссии о проведении коренизации аппарата и организации делопроизводства на коми языке не завершались до конца 1930-х гг. Например, секретарь Северного крайкома Г. А. Рябов, присутствовавший на XIV Коми облпартконференции (1937 г.), отметил, что национальные партийные кадры недостаточно изучены, а их обучение, подготовка и переподготовка ведётся неактивно³⁶¹. Секретарь Коми обкома А. А. Семичев заявил о необходимости последовательного проведения коренизации, в том числе организации делопроизводства на коми языке³⁶². Проблемы продвижения национальных кадров в партийные и советские органы управления возникала и в правоохранительной системе. Так, начальник политотдела Ухтоижмлага К. В. Рубан – делегат XVI Коми облпартконференции (1939 г.) – указал на то, что в

³⁵⁹ Бетророва М. А. Указ. соч. С. 22.

³⁶⁰ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 885. Л. 6.

³⁶¹ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 295. Л. 89.

³⁶² Там же. Л. 155.

пяти лагерях работали всего 51 чел. коми по национальности. По его мнению, необеспеченность национальными кадрами возникла «за счёт наших упущений и в первую очередь обкома партии»³⁶³. На партфоруме было принято решение отобрать группу коммунистов на партийную и административно-хозяйственную работу и направить их в распоряжение политотделов лагерей³⁶⁴.

Правовым основанием для завершения последнего в довоенный период этапа национальной политики явилась Конституция СССР 1936 г., в которой ничего не говорилось о нацменьшинствах. Новый курс на сближение наций обеспечил активное внедрение русского языка в государственное строительство³⁶⁵ и реорганизацию национальных районов и сельсоветов³⁶⁶. Так национальные меньшинства были «выведены из сферы государственной национальной политики»³⁶⁷. Перманентная политическая напряжённость не могла не отразиться и на официальном статусе коми языка. При разработке проекта Конституции Коми АССР в 1937 г. не были учтены предложения о включении статьи о функционировании в регионе двух государственных языков – коми и русского.

Таким образом, коренизацию можно рассматривать не только как подготовку и продвижение на руководящие должности национальных кадров, но и проведение языковой политики на территории региона. Оба процесса в целом положительно повлияли на становление государственности Коми автономии. Решение данной тактической задачи отчасти способствовало проведению культурно-просветительской работы как среди населения в целом, так и среди

³⁶³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333. Л. 42.

³⁶⁴ Там же. Л. 96.

³⁶⁵ Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей : постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13.03.1938 № 324 // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23269#0> (Дата обращения: 11.05.2016).

³⁶⁶ О ликвидации национальных районов и сельсоветов : постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17.12.1937 // Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/355737> (Дата обращения: 15.05.2017).

³⁶⁷ Кайкова О. К. Поворот в национальной политике 1935–1937 гг. и судьба национальных меньшинств РСФСР // Вест. РУДН. Сер. История России. 2006. № 3. С. 119.

управленцев. Представительство коренной национальности в составе партийно-советских органов Коми автономии было высоким, что позволяло без особых усилий выполнять соответствующие партийные директивы. Между тем, не удалось избежать негативных ситуаций, связанных с идеологической трансформацией общества в процессе борьбы с проявлениями «национал-шовинизма», и прежде всего в среде высшего партийно-государственного управления регионом.

* * *

Проведённый в первой главе диссертационного исследования анализ исторических условий формирования и развития советской системы управленческих кадров в 1920–1930-х гг. показал, что она складывалась под воздействием ряда факторов. Практическое осуществление национальной политики было связано с районированием страны, что влияло на государственное устройство в целом и на изменение партийно-государственных структур, а это влекло за собой и кадровое реформирование. Коми регион стремился к автономизации, которая выражалась, во-первых, в желании руководства изменить форму национально-территориальной автономии с области на республику, а, во-вторых, в доказывании экономических перспектив, прежде всего связанных с разработкой сырьевых ресурсов. Однако эти попытки во многом были тщетны: Центр не позволял выходить за рамки своих планов и директив.

С автономизацией был неразрывно связан процесс коренизации, т. е. вовлечения в систему управления националов. Её можно рассматривать как одно из направлений кадровой политики большевиков. Предполагалось, что подбор, выдвижение и расстановка в партийно-государственный аппарат представителей этноса должен приблизить советскую власть к местному населению. С этой точки зрения, Коми регион был в достаточно выигрышном положении – подавляющее большинство жителей были коренной национальности. Однако значительная часть управленцев имела низкий уровень образования, что не способствовало

осуществлению эффективной профессиональной деятельности. Несмотря на то, что к середине 1930-х гг. политика коренизации была свёрнута, в Коми регионе этот процесс не приостановился, о чём свидетельствуют архивные документы, например, протоколы заседаний Коми областных партийных конференций. Коренизация также предусматривала введение в официальное делопроизводство национального языка. Но этот вопрос для автономии оставался достаточно проблемным, чему имелись объективные причины: отсутствие опыта работы в данном направлении, плохая материально-техническая база, сложности перевода профессиональных терминов и др. В целом такое положение было схожим с ситуациями в других национальных регионах. Однако «зырянизация» как проявление национально-языковой политики в Коми автономии формально спровоцировала репрессии в отношении тех, кто отстаивал идеи её независимости, в т. ч. национально-государственного строительства некоторых финно-угорских народов.

Осуществляемая государством социально-экономическая политика не могла не влиять на трансформацию структуры и состава руководящего звена как партийных, так и советских органов. Особенно сильно это проявилось при районировании на рубеже 1920–1930-х гг. Не менее важным для формирования системы управленческих кадров являлось применение такого принципа кадровой политики, как «орабочивание» государственного аппарата. Однако он не мог использоваться в условиях Коми автономии, где не только отсутствовала развитая промышленность, но и не были созданы должные условия для подготовки профессиональных кадров. В работе с кадрами особое место занимали «чистки». В течение всего исследуемого периода в Коми АО–Коми АССР категории вычищаемых, также, как и их количество, в целом соотносились с теми, против кого осуществлялись эти кампании в масштабах страны. В значительной степени репрессии затронули высшее управленческое звено автономии и увязывались с политикой замены региональной элиты, удобным предлогом для которой, например, являлась борьба с «национал-

шовинистами». Таким образом, реализация различных направлений кадровой политики в процессе становления Коми государственности в 1920–1930-е гг. способствовала развитию всей системы управленческих кадров, но во многом зависела от политики Центра.

ГЛАВА 2. МЕСТО И РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ КОМИ АВТОНОМИИ

§ 2.1 Областные партийные конференции как высший орган партийно-государственного управления

После Октябрьской революции 1917 г. в стране насчитывалось несколько партий, что объяснялось происходившими значительными политическими и социальными преобразованиями. Важнейшую роль в становлении Советского государства сыграла партия большевиков. На VIII съезде партии (1919 г.) была принята Программа РКП(б)³⁶⁸, а также разработана организационная структура партии и сформированы партийные органы.

По Уставу РКП(б) 1919 г. высшим партийным органом являлся съезд, перед началом работы которого созывалась конференция³⁶⁹. Полномочия съезда были довольно широкими: от заслушивания и утверждения отчётов центральных органов управления, их выборов, до определения «генеральной линии партии» по вопросам внутренней и внешней политики партийной и государственной жизни страны. Общепартийные конференции собирались для обсуждения текущих партийных проблем. Каждая партийная конференция имела свои особенности по содержанию, характеру, значению обсуждаемых вопросов, поскольку определялась конкретными историческими условиями и потребностями партии. Её решения утверждались ЦК партии, после чего приобретали обязательную силу для всех партийных организаций страны. Был установлен незыблемый порядок исполнения партийных директив, предполагавший невозможность их изменения, но позволявший давать разъяснения и циркуляры.

³⁶⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 37–58.

³⁶⁹ Там же. С. 126–135.

Поскольку партия строилась на основе «принципа демократического централизма» по территориальному признаку, то соответственно для регионов (губерний, областей) высшим партийным органом являлось общее собрание, конференция или съезд. В частности, к полномочиям областной конференции были отнесены заслушивание и утверждение отчётов обкома партии, ревизионной комиссии и других областных структур и учреждений (например, областной контрольной комиссии), избрание на очередной срок состава обкома и ревизионной комиссии и др. Таким образом, к концу 1920 г. была выстроена система партийного руководства: сформирован высший партийный аппарат во главе с Центральным комитетом, внедрены единые организационные формы руководящих органов и их рабочие аппараты на местном уровне. Это позволило заняться партийным строительством и в национальных районах страны.

Несмотря на то, что первые партийные ячейки на территории Коми возникли ещё в 1918 г., организационно оформиться они смогли в 1921 г. на I Всезырянском съезде коммунистов (первой областной партийной конференции). На съезде избрали областной комитет партии и сформировали его отделы. Однако персональный состав обкома был утверждён постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) лишь 12 июля 1921 г.; первым секретарём Коми обкома партии был избран Я. Ф. Потапов. Основные задачи обкома заключались в руководстве низовыми партийными организациями по исполнению директив высших партийных органов. Ему поручалось организовать районные (уездные) комитеты партии. Главным партийным органом являлась Коми областная партконференция.

Порядок проведения партфорумов закреплялся Уставом партии и изменялся в течение 1920–1930-х гг. несколько раз. В соответствии с Уставом РКП(б) 1919 г. очередные партконференции должны были созываться обкомом через шесть месяцев, чрезвычайные – по решению обкома или половины общего числа членов организации³⁷⁰. Устав РКП(б) 1922 г. позволял увеличить с согласия ЦК РКП(б)

³⁷⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 130.

срок проведения конференций до одного года³⁷¹. В целом, периодичность их сбора соответствовала уставным требованиям. Этот вопрос поднимался на II (1922 г.) и IV (1923 г.) Коми облпартконференциях, что было обусловлено вполне объективными причинами – большой территориальной протяжённостью области и отсутствием дорог. Например, в докладе о партийном строительстве на VI Коми облпартконференции (1924 г.) предлагалось увеличить срок созыва партийных форумов, исходя из того, что облпартконференция собиралась через полгода, а участие в ней отнимало у делегатов от одного до двух месяцев. В качестве аргумента приводилось следующее: «Если уездные конференции почти не отражаются на работоспособности мест, то областная конференция это имеет, так как на конференции почти всегда бывает основное ядро работников с мест»³⁷². Решение о проведении областных партийных конференций один раз в год было принято на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.) и зафиксировано в Уставе³⁷³. Эта информация была доведена до участников VII Коми облпартконференции (1926 г.): делегатам пояснили, что в период военного коммунизма обстановка в стране часто менялась, что требовало постоянного принятия соответствующих резолюций, а «с переходом к хозяйственному строительству перерыв между Съездами необходимо увеличить»³⁷⁴. В дальнейшем срок созыва областных партийных конференций возрос до полутора лет, что было закреплено новой редакцией Устава ВКП(б), принятой на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.)³⁷⁵.

Как правило, областные партийные конференции созывались накануне или сразу после Всероссийских (Всесоюзных) съездов и конференций с целью обсуждения политических вопросов и постановки первоочередных задач для региональных партийных организаций. Таким образом, облпартконференция становилась проводником между высшими партийными органами и низовыми

³⁷¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 379.

³⁷² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 61.

³⁷³ КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 300.

³⁷⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 5об.

³⁷⁵ КПСС в резолюциях ... Т. 5. С. 168.

партийными организациями, ещё раз закрепляя в своих резолюциях директивные указания. Конференции созывались и для выработки решений по важнейшим политическим, экономическим, социальным проблемам, касающихся развития региона. В такой ситуации уже региональная партийная организация становилась реальным руководящим государственным органом.

Коми обком партии решением своего Бюро определял нормы представительства на партийных форумах от низовых парторганизаций. Поскольку в организационную структуру РКП(б)–ВКП(б) был заложен территориальный принцип, то эти нормы зависели в том числе от существующей системы административно-территориального деления Коми региона в конкретный исторический период. Правом решающего голоса в основном наделялись делегаты, избранные на уездных, районных, городской и окружной партийных конференциях. Совещательные голоса, как правило, отдавались членам обкома, областной контрольной комиссии, ревизионной комиссии, мандатной комиссии, организационного комитета, а также представителям ЦК партии, краевого парткома, комсомола, профсоюзов, областных учреждений и др.

Ранее отмечалось, что в исследуемый период коми язык распространился на все сферы общественно-политической жизни региона и получил официальный статус государственного языка. Однако, несмотря на то, что большинство присутствовавших на партфорумах были представителями коренной национальности (как и в составе всей областной партийной организации), рабочий язык конференций оставался русским, т. е. все доклады делались на русском языке. Лишь на XI Коми облпартконференции (1930 г.) отчётный доклад областной контрольной комиссии прозвучал на коми языке. Выступая в прениях, некоторые делегаты говорили на национальном языке, но их доля в общей численности присутствовавших была незначительной. Архивные документы свидетельствуют о том, что иногда по отношению к комиязычным делегатам высказывалось некоторое недовольство со стороны русскоговорящих. Так, на III Коми областной партийной конференции (1922 г.) речь одного из коми-делегатов

была прервана из-за нарушения регламента. В его защиту выступил делегат Чеусов³⁷⁶: «Приехали делегаты с мест из деревни и не умеют чисто говорить по-русски, а поэтому срок [выступления] ограничить... нет надобности, ибо конференции интересно знать положение мест»³⁷⁷. Примечательно, что на областных съездах Советов середины 1920-х гг. выступлений на коми языке было значительно больше, и реакция на это со стороны присутствующих была иная. Например, один из выступающих в прениях начал свою речь на национальном языке, а затем перешёл на русский, чтобы не прибегать к услугам переводчика. «Мы не шовинисты», – так он объяснил своё решение³⁷⁸.

На Коми облпартконференциях в специальном докладе мандатной комиссии предоставлялись сведения о присутствующих делегатах. Среди архивных документов были выявлены анкеты участников со II (1922 г.) по IX (1929 г.) облпартконференции, которые представляют собой отпечатанный на пишущей машинке определённый перечень вопросов: возраст, пол, социальное положение, национальность, образование, занимаемая должность или выполняемая работа, партийный стаж, какой организацией делегирован и др. В разные годы анкеты включали в себя различные вопросы с целью изучить мнение представителей региональной элиты о разрешении той или иной проблемы, либо получить дополнительную информацию о присутствующих. Например, в анкету делегата II Коми облпартконференции (1922 г.) были включены вопросы, позволявшие выявить его точку зрения о выделении области в отдельную административную единицу, а также узнать, как проводится в уездах новая экономическая политика и каковы её недостатки³⁷⁹. В анкете делегата IX Коми облпартконференции (1929 г.) уточнялась занимаемая участником партийного форума должность или выполняемая работа: промышленный рабочий; батрак или сельхозрабочий;

³⁷⁶ Здесь и далее, если не написаны инициалы, то так указано в архивных документах.

³⁷⁷ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

³⁷⁸ Протоколы 4-ого Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми (журналы съезда). Усть-Сысольск, 1926. С. 106.

³⁷⁹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15.

крестьянин, занятый в коллективном хозяйстве или совмещающий свою работу с выборной (невыборной) работой; служащий³⁸⁰. Кроме того, её отличительной особенностью являлось то, что она была разработана на двух языках – коми и русском. Это напрямую доказывает использование национального языка в деятельности партийно-государственных структур. Анализ содержания данных документов способствует более детальному исследованию социального состава присутствующих по следующим параметрам: пол, возраст, социальное положение, занимаемая должность или выполняемая работа. Анкеты делегатов конференций, проходивших с 1923 г. по 1929 г., позволяют определить национальность, а с 1922 г. по 1926 г. – образование участников.

Важнейшим источником, позволяющим проанализировать управленческие кадры Коми автономии, являются регистрационные списки делегатов партийных форумов. При регистрации делегатов члены технической комиссии записывали сведения о прибывших на облпартконференцию: фамилия, имя, отчество, от какой организации делегирован участник конференции, наделён решающим или совещательным голосом, пол, возраст, социальное положение, образование, является членом РКП(б)–ВКП(б) или РКСМ–ВЛКСМ и др. Статистические данные о делегатах оформлялись в виде таблиц. Информация в указанных документах позволяет создать социальный портрет представителей различных групп региональной элиты.

В регистрационных списках и сводных таблицах чаще других отражались следующие сведения: пол, возраст, социальное положение, образование, национальность, партийный стаж, на какой работе находится, участие в работе партийных съездов и конференций различного уровня и др. Статистические данные об участниках партфорумов в разные годы дополнялись и другими сведениями. Например, в 1920-е гг. интерес представляла основная профессия делегата (IV, V, VI, VII, IX конференции)³⁸¹, его партийное образование (с V по

³⁸⁰ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113.

³⁸¹ Там же. Д. 32. Л. 23–25; Д. 44. Л. 2; Д. 45. Л. 9; Д. 62. Л. 3; Д. 109. Л. 123–124.

VII конференции)³⁸². В 1930-е гг. для сбора статистических данных и их обработки собирались такие сведения, как политическое образование делегата (с XI по XVII конференции)³⁸³, принадлежность к ВЛКСМ (с XII по XVII конференции)³⁸⁴, в каких выборных партийных органах состоял участник партийного форума (XIII, XIV, XV, XVII конференции)³⁸⁵. В документах 1930-х гг. можно обнаружить такие сведения о делегатах Коми облпартконференций, как социальное происхождение (XI и XIII конференции)³⁸⁶, служба в рядах РККА (XIII конференция)³⁸⁷, в какой сети партпросвещения учился участник партийного форума (XIV конференция)³⁸⁸, в какой партийной школе проходил обучение (XV конференция)³⁸⁹, являлся ли депутатом Верховного Совета СССР, РСФСР, Коми АССР (XVII конференция)³⁹⁰, имел ли награды (XVII конференция)³⁹¹ и др.

Кроме того, собиралась информация об управленческих кадрах с точки зрения их «преданности партии». Так, в документах некоторых партийных форумов были обнаружены следующие сведения: состоял ли делегат в других партиях (IX, XI, XIII конференции)³⁹², имел ли партийные взыскания после партийной чистки 1929 г. (XIII конференция)³⁹³, имел ли вообще партийные взыскания (XVII конференция)³⁹⁴, служил ли в войсках и учреждениях «белых» правительств (XVII конференция)³⁹⁵, были ли колебания в проведении линии

³⁸² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 44. Л. 2; Д. 45. Л. 9; Д. 62. Л. 3.

³⁸³ Там же. Д. 130. Л. 41–43; Д. 155. Л. 74–75; Д. 208. Л. 105–128; Д. 298. Л. 1–11; Д. 317. Л. 1–8; Д. 335. Л. 1–11; Д. 360. Л. 3–13.

³⁸⁴ Там же. Д. 155. Л. 74–75; Д. 208. Л. 105–128; Д. 298. Л. 1–11; Д. 317. Л. 1–8; Д. 335. Л. 1–11; Д. 360. Л. 3–13.

³⁸⁵ Там же. Д. 208. Л. 105–128; Д. 298. Л. 1–11; Д. 317. Л. 1–8; Д. 360. Л. 3–13.

³⁸⁶ Там же. Д. 130. Л. 41–43; Д. 208. Л. 105–128.

³⁸⁷ Там же. Д. 208. Л. 105–128.

³⁸⁸ Там же. Д. 298. Л. 1–11.

³⁸⁹ Там же. Д. 317. Л. 1–8.

³⁹⁰ Там же. Д. 360. Л. 3–13.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Там же. Д. 109. Л. 123–124; Д. 130. Л. 41–43; Д. 208. Л. 105–128.

³⁹³ Там же. Д. 208. Л. 105–128.

³⁹⁴ Там же. Д. 360. Л. 3–13.

³⁹⁵ Там же. Л. 3–13.

партии и участвовал ли в оппозиции (XVII конференция)³⁹⁶ и др. Данные сведения позволяют сформировать поимённый список представителей региональной элиты, имеющих различного рода «отклонения» от партийной нормы.

Вместе с тем в архивных источниках имеется множество исправлений, некоторые сведения отсутствуют. Анализ анкет и регистрационных списков показал, что не все сведения, занесённые в анкеты, совпадают со сведениями, собранными членами технической комиссии при регистрации делегатов. Это можно объяснить, с одной стороны, малограмотностью некоторых делегатов, а с другой – тем, что анкеты заполнялись после регистрации, и у людей было больше времени на «обдумывание». Кроме того, в ходе исследования было обнаружено, что в некоторые анкеты вносились изменения, возможно, членами мандатной или технической комиссий. Чаще других исправлялись сведения о социальном положении делегата и наделении его решающим или совещательным голосом. Больше всего изменений в графе «социальное положение» было замечено в анкетах делегатов VIII Коми облпартконференции (1927 г.). Социальное положение «крестьянин» было изменено на «служащий» у двух женщин и шести мужчин. Проблемы классовой принадлежности были главным предметом озабоченности для партии большевиков и её сторонников³⁹⁷. В вопросе определения социального положения не было единого понимания, что позволяло манипулировать полученными статистическими сведениями, например, через рассылку специальных циркуляров и инструкций³⁹⁸. Вместе с тем механические изменения принадлежности коммунистов к тому или иному классу способствовали не только улучшению «качественного» состава РКП(б)–ВКП(б),

³⁹⁶ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 360. Л. 3–13.

³⁹⁷ См., напр.: Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31.

³⁹⁸ Об определении социального состава организаций в партстатистике: циркуляр ЦК ВКП(б) от 12.08.1925; Инструкция по определению социального положения членов ВКП(б) и кандидатов в члены от 15.12.1926 // Об определении социального состава организаций в партстатистике : сб. документов. М., 1927.

но и продвижению по социальной лестнице тех, кто не обладал ни профессиональными навыками, ни необходимым уровнем образования³⁹⁹.

Зафиксированные по многим показателям сведения об участниках партийных форумов в целом носят фрагментарный характер. Наиболее полно представлена информация о поле, национальности, социальном положении и образовании делегатов, что помогает охарактеризовать региональный управленческий состав по данным признакам. Проведённый анализ анкет и регистрационных списков участников Коми областных партийных конференций позволяет выделить в структуре делегатского корпуса несколько групп:

- высший партийный руководящий состав (секретари обкома, окружкома, горкома партии и комсомола);
- высший советский руководящий состав (председатели облисполкома и их заместители);
- заведующие отделами, секторами и их заместители, инструкторы отделов партийных и советских органов власти;
- председатели, заведующие и их заместители, секретари, уполномоченные, инспекторы областных партийно-советских структур (например, областной контрольной комиссии, областной рабоче-крестьянской инспекции, совпартшколы и др.);
- сотрудники правоохранительных органов (ОГПУ, НКВД, областного суда, областной прокуратуры), представители областного военкомата, милиции;
- руководители областных учреждений и предприятий;
- представители областного совета профсоюзов, кооперативов и др.

В соответствии с целью исследования наибольший интерес представляет изучение кадрового состава региональных партийно-советских структур. Среди делегатов больше всего выявлено членов областного партийного аппарата и областных партийно-советских структур, таких как областная контрольная

³⁹⁹ См., напр.: Головин С. А. Членство в РКП(б)–ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.

комиссия и рабоче-крестьянская инспекция. Нами подсчитано, что делегатов, относящихся к данным группам, в среднем было около 28 % от общего состава представителей региональной элиты. С вхождением в 1929 г. Коми автономной области в состав Северного края произошли изменения и в системе регионального управления. Таким образом, среди участников партфорумов были представители краевого комитета партии, его бюро, а также краевой контрольной комиссии (от одного до трёх человек в составе делегации). Кроме того, на всех облпартконференциях исследуемого периода присутствовали председатель облисполкома и (или) его заместитель. В связи с принятием в 1937 г. Конституции Коми АССР и последовавшими изменениями системы государственного управления, делегатами последнего в исследуемом периоде партийного форума (1940 г.) были председатель и секретарь Президиума Верховного Совета Коми АССР, председатель и заместитель председателя Совета народных комиссаров Коми АССР.

Постоянными участниками Коми областных партконференций были и сотрудники правоохранительных органов (ОГПУ–НКВД, областного суда, областной прокуратуры), а также сотрудники милиции и политсекретариата областного военкомата. Как правило, они избирались от местных парторганизаций. В 1920-е гг. в работе конференций в основном принимал участие начальник областного отдела ГПУ. Значительные изменения представительства сотрудников ОГПУ–НКВД в составе делегатов произошли во второй половине 1930-х гг., что было связано с организацией на территории Коми региона лагерной системы. Анализ архивных документов показал, что, начиная с XIV партийного форума (1937 г.) представительство сотрудников системы ГУЛАГ постоянно увеличивалось и к XVII (1940 г.) достигло максимального значения – 16 %, т. е. на последней в довоенный период конференции фактически каждый шестой делегат являлся сотрудником правоохранительных органов⁴⁰⁰. Начиная с III Коми областной партконференции (1922 г.), в работе высшего

⁴⁰⁰ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 360. Л. 5–13.

партийного органа всегда принимали участие прокурор области и (или) его заместитель, а в некоторых случаях – помощники прокурора. Между с тем представительство членов областного суда не было столь постоянным: председатель областного суда был делегатом лишь XIII партфорума (1934 г.), а на конференциях, проходивших с 1924 г. по 1927 г., присутствовали только по одному члену областного суда.

Периодически в состав делегатского корпуса входили заведующие областными отделами народного образования, финансов, труда, начальники областного земельного управления, а также председатели областного совета профсоюзов и областного союза кооперативов.

Социальные характеристики делегатского корпуса областных партийных конференций в целом соотносятся с составом Коми областной партийной организации. Значительная часть участников конференций принадлежала к титульной нации, являлась представителями крестьянства и имела начальное образование (прил. 3, 4). Однако среди представителей отдельных групп управленческих кадров были выявлены некоторые особенности, рассматриваемые нами в последующих главах.

Коми областные партийные конференции были площадкой для принятия стратегических решений для развития региона, в связи с чем тематика повесток дня была разнообразной и менялась в различные периоды, в том числе в зависимости от «политического момента». Однако приоритетными всегда оставались вопросы экономического развития автономии и партийного строительства. По проведённым нами подсчётам, если первая группа составляла 33,0 % от общего числа рассматривавшихся вопросов, вторая группа – 27,3 %, то на все остальные (политическое положение, советское строительство и др.) приходилось менее 40 % (табл. 1).

Таблица 1 – Тематика повесток дня, рассматриваемых на Коми областных партийных конференциях (1921–1940) *

Группы вопросов	Рассмотрено всего по группам	Периоды, годы			
		1921– 1925	1926– 1930	1931– 1935	1936– 1940
1. Экономическое развитие	11	5	3	2	1
2. Партийное строительство	9	6	2	0	1
3. Внешняя и внутренняя политика	4	4	0	0	0
4. Советское строительство	3	2	1	0	0
5. Административно-территориальное деление	2	1	1	0	0
6. Другие	4	2	2	0	0
Всего по периодам	33	20	9	2	2

*Сост. по: Коми областная партийная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. Сыктывкар, 1977. С. 87–91.

Распределение обсуждаемых вопросов по группам позволяет сделать вывод, что в первой половине 1920-х гг. тематика повесток дня была более разнообразной, чем в последующий период. Делегаты дискутировали по поводу идейно-политического воспитания членов партии, культурно-просветительской работы среди населения, взаимодействия с профсоюзом, комсомолом, пионерской организацией и др. Во второй половине 1920-х гг. количество таких тем существенно сократилось за счёт увеличения доли вопросов партийного и советского строительства и др. После XIII Коми облпартконференции (1934 г.) вопросы партийного строительства, экономического развития области и др. вообще не включались в повестки дня как самостоятельные, а являлись

составными частями отчётных докладов обкома. Следует отметить, что в повестки дня конференций, проходивших с 1937 г. по 1940 г., за исключением XVI облпартконференции (1939 г.), включались только отчётные доклады обкома и ревизионной комиссии, а также вопросы, связанные с выбором руководящих партийных органов. На наш взгляд, это было обусловлено конкретными историческими условиями, в которых приходилось принимать те или иные решения. Постепенное ограничение круга рассматриваемых вопросов свидетельствует о замене статуса партийного форума как демократического института на полностью управляемый высшими политическими структурами формальный орган, что не могло не повлиять на снижение его роли в принятии стратегических для автономии решений.

Осуществляя внутреннюю социально-экономическую политику государства, РКП(б)–ВКП(б) контролировала экономическое развитие регионов. Соответственно, на Коми областных партийных конференциях подводились итоги и намечались перспективы развития области, ставились первоочередные хозяйственные задачи. Например, в начале 1920-х гг. с введением новой экономической политики одной из форм организации населения стала кооперация. Участники партфорумов этих лет обращали внимание на важность объединения в кооперативные организации, вынося соответствующие резолюции. Так, на II облпартконференции (1922 г.) кооперация была признана «основным звеном» экономики области. Основываясь на решениях X съезда РКП(б), собравшиеся постановили принять участие в кооперативах всем членам партии⁴⁰¹. Полное и всестороннее изучение работы кооперативов партийными организациями ставилось в качестве очередной задачи партийного строительства делегатами III облпартконференции (1923 г.). Руководствуясь директивами XII съезда РКП(б), решением IV Коми облпартконференции (1924 г.) в г. Усть-Сысольске в целях кредитования населения и государственных и кооперативных

⁴⁰¹ Постановления Коми областных партийных конференций (1–5). Вып. 1. Усть-Сысольск, 1929. С. 10.

организаций были открыты отделения государственного и сельскохозяйственного банков, организована товарная биржа. Эти мероприятия способствовали не только развитию внутренней торговли, но и в целом развитию экономики региона.

Во второй половине 1920-х гг. социально-экономические преобразования Коми автономной области были связаны с проведением индустриализации и коллективизации. Так, делегаты VII Коми облпартконференции (1926 г.) закрепили в своих решениях готовность областной партийной организации выполнить установку XIV съезда ВКП(б). Вопросы реализации постановлений XV съезда ВКП(б) активно обсуждались политической элитой региона на IX (1929 г.), X (1929 г.), XI (1930 г.) партконференциях. Тенденция неукоснительного исполнения директивных указаний вышестоящих органов государственного управления на местном уровне хорошо прослеживается по выработанным резолюциям. Например, XI партийный форум (1930 г.) в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 мая 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» потребовал незамедлительного исправления недостатков в колхозном строительстве.

В 1930-е гг. «руководящая роль» партии в решении социально-экономических проблем усилилась. Партийные органы не только подводили итоги, но и планировали развитие народного хозяйства. Таким образом, на партийных форумах стали обсуждаться направления развития региона в рамках пятилеток. Так, на IX облпартконференции (1929 г.) был заслушан доклад о первом пятилетнем плане, на XIII (1934 г.) рассматривался второй план хозяйственного строительства, направления социально-экономического развития Коми АССР в рамках третьей пятилетки были утверждены на XVI партийном форуме (1939 г.). Исторически важнейшими направлениями развития экономики Коми региона были лесозаготовки и деревообработка. Проблемы развития лесной промышленности обсуждались участниками облпартконференций как в рамках отчётных докладов, так и в прениях по ним. Начиная с середины 1920-х гг., перспективы развития лесной отрасли обозначались как первоочередные задачи

партийно-советского строительства. В качестве самостоятельного этот вопрос выносился в работу X (1929 г.), XII (1932 г.) и XIII (1934 г.) партийных конференций. Во второй половине 1930-х гг. не оставались без внимания делегатов партийных форумов вопросы развития новых отраслей промышленности. Интерес региональной элиты был сосредоточен на процессах освоения нефтяных и угольных месторождений, перспективах развития водного, автодорожного, авиационного транспорта, строительства железных дорог, капитального строительства и др. Данные направления социально-экономического развития Коми автономии особенно активно обсуждались на XIII (1934 г.), XVI (1939 г.) и XVII (1940 г.) Коми облпартконференциях.

Ко второму важнейшему блоку рассматриваемых вопросов относились проблемы партийного строительства. На конференциях, проходивших с 1921 г. по 1926 г., они обозначались отдельным пунктом повестки дня как очередные задачи организационно-партийного строительства. В дальнейшем эти вопросы обсуждались в рамках отчётных докладов обкома, областной контрольной и ревизионной комиссий. Обсуждаемые на партийных форумах наиболее важные для Коми областной парторганизации проблемы можно сгруппировать по таким направлениям: внутриорганизационные партийные мероприятия (например, формирование партаппарата); социальный состав областной парторганизации; партийные чистки и партийные проверки; подготовка, выдвижение и назначение партийных кадров; идейно-политическое воспитание членов партии и др.

Если в 1920-е гг. одной из часто обсуждаемых проблем внутриорганизационного характера являлась проблема укрепления партийных ячеек как «опорных пунктов» (например на IV облпартконференции (1923 г.) было утверждено Положение о ячейке РКП(б)⁴⁰², на VII конференции (1926 г.) в специальном докладе по партстроительству давалась характеристика «слабому», «среднему» и «сильному» типу ячеек⁴⁰³), а в качестве первоочередных ставилась

⁴⁰² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 29. Л. 37–40.

⁴⁰³ Там же. Д. 59. Л. 43об–47об.

задача их развития и взаимодействия с общественными организациями, то в 1930-е гг. делегаты конференций больше внимания уделяли вопросам, связанным с организационными изменениями партаппарата. Так, в начале 1930-х гг. активно обсуждались проблемы взаимодействия обкома с краевыми парторганами. В этот период вся система партийных, советских, хозяйственных аппаратов была перестроена в соответствии с новыми политическими установками по реорганизации органов управления. Во второй половине 1930-х гг. значимыми являлись вопросы изменения структуры обкома, проблемы руководства первичными парторганизациями, проведение отчетно-выборных кампаний и др.

Одно из главных направлений партийного строительства в Коми автономной области–Коми АССР было связано с улучшением социального состава областной парторганизации за счёт привлечения в ряды РКП(б)–ВКП(б) рабочих. Хотя делегаты Коми областных партконференций и обсуждали данную проблему, но не могли изменить сложившуюся ситуацию: большинство членов областной партийной организации были крестьянами. В общем виде «качественный» состав коммунистов был проанализирован на VII партконференции за период с 1921 г. по 1926 г. Как отдельная проблема этот вопрос ставился в конце 1920-х гг., но в дальнейшем делегаты партийных форумов лишь констатировали факт невозможности увеличения доли рабочих в составе Коми областной партийной организации. Регион традиционно являлся поставщиком леса, заготовкой которого занимались в основном крестьяне-сезонники. Отсутствие перерабатывающих предприятий, неразвитая транспортная сеть, проблемы создания энергетической базы и другие факторы не способствовали появлению рабочих специальностей.

Немаловажное значение среди направлений партийного строительства занимали партийные чистки и проверки. Данные мероприятия строго соотносились с директивами вышестоящих партийных органов. Обсуждение и вынесение резолюций по вопросу «очищения» партийных рядов сопровождали работу Коми областных партконференций на протяжении всего исследуемого

периода. В разделах отчётных докладов обкома или областной контрольной комиссии приводились сведения о числе привлечённых и исключённых из рядов РКП(б)–ВКП(б), о результатах проверок отдельных парторганизаций, об итогах всех «генеральных чисток» по областной партийной организации, а также перерегистрации членов партии и замены партийных документов.

Участники партийных форумов также обсуждали различные проблемы кадровой политики: подбор и расстановку управленческих кадров, укрепление аппаратов «лучшими силами» из числа выдвиженцев, формирование инструкторского аппарата, агитационно-пропагандистского состава и др. Вместе с тем собравшиеся были озабочены вопросом профессиональной подготовки и переподготовки кадров. Так, участники партийных конференций, проходивших в первой половине 1920-х гг., признавали необходимость открытия на территории Коми совпартшкол и организации различных курсов для овладения «политической грамотностью» членов Коми областной партийной организации.

Делегаты облпартконференций также давали оценку деятельности обкома партии за отчётный период. Чаще всего это выражалось в признании практической работы удовлетворительной, а политической линии – правильной. Неудовлетворительной была признана работа обкома на VIII (1927 г.), XIV (1937 г.) и XVII (1940 г.) Коми облпартконференциях. Поводом для такого решения на VIII конференции послужила имевшая место в парторганизации продолжительное время «внутрипартийная склока». В качестве недостатков на XIV конференции были отмечены: неудовлетворительное выполнение постановления ЦК ВКП(б) в связи с итогами обмена партийных документов, ошибки при подборе кадров, слабая работа по разоблачению «врагов партии, врагов народа» (т. е. с опозданием вывели из состава Бюро обкома и исключили из партии Ф. И. Булышева, И. Г. Коюшева, И. Д. Попвасева и др.), запущенная работа по партийной пропаганде и политической агитации, недостаточное руководство комсомольской и пионерской организациями и др. Одной из причин неудовлетворительной оценки обкома на XVII конференции называлась плохая

работа с кадрами: неактивный подбор и выдвижение, частые перемещения работников, отсутствие взаимодействия между инструкторами отдела кадров обкома и другими отделами, плохая работа с партийной номенклатурой, нарушение Устава ВКП(б) и др.

В начале 1920-х гг. партийные органы взяли на себя непосредственное исполнение функций государственной власти. Таким образом, на начальном этапе формирования Коми автономии многие вопросы государственного управления решались в том числе на партийных форумах. Одним из наиболее обсуждаемых был вопрос организации областных структур. Так, на I Всезырянском съезде (1921 г.) было принято решение об образовании высшего органа управления областью – областного революционного комитета; делегаты утвердили состав и структуру наркоматов⁴⁰⁴. На II Коми облпартконференции (1922 г.) в специальной резолюции по докладу о советском строительстве определялись сроки созывов съездов Советов, сессионная работа облисполкома и местных исполкомов⁴⁰⁵. Проблемы формирования органов государственного управления и их аппаратов рассматривались и в дальнейшем. Анализ материалов партийных форумов показал, что наиболее активно обсуждались следующие вопросы: методы реорганизации государственного аппарата и эффективность его деятельности, проведение чисток, осуществление контроля за выполнением директив партии и правительства, подбор и расстановка руководящих кадров и др. Несмотря на то, что вопросы советского строительства стояли отдельным пунктом повесток дня на I (1921 г.), II (1922 г.), III (1923 г.), VIII (1926 г.) Коми облпартконференциях, они всегда отражались в отчётных докладах ОКК–РКИ. Например, на шести партийных форумах, проходивших подряд с 1926 г. по 1932 г., представители региональной элиты заслушивали итоги многочисленных обследований и реорганизаций государственного аппарата, результатом чего была его чистка.

⁴⁰⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–18.

⁴⁰⁵ Там же. Д. 9. Л. 42–43об.

Ещё одним из наиболее острых и обсуждаемых на облпартконференциях был вопрос о форме автономии Коми и её территориальных границах. Например, задачей I Всезырянского съезда (1921 г.) было выделение Коми в отдельную административную единицу. На VII партконференции (1926 г.) активно обсуждалась проблема её преобразования в республику⁴⁰⁶. В конце 1920-х гг. политическая элита прилагала значительные усилия для сохранения экономической самостоятельности Коми автономной области⁴⁰⁷. Но позиция руководства обкома и облисполкома не находила поддержки в центральных органах власти. После вхождения Коми автономной области в состав Северного края выступавший с отчётным докладом на IX Коми облпартконференции (1929 г.) секретарь обкома Г. А. Козлов заявил, что «наши выводы были недостаточны»⁴⁰⁸. Таким образом, конференция постановила провести разъяснительную работу среди населения о причинах данного процесса. Однако некоторая часть областного руководства не поддерживала данные решения, что послужило поводом к развёртыванию кампании против «национал-шовинистов». Так, уже на XI партийном форуме (1930 г.) в специальном разделе отчётного доклада обкома «Результаты районирования и борьба за Новый Север» действия прежнего руководства области были резко осуждены, поскольку оценивались как влияние «мелкобуржуазных элементов» на областную парторганизацию и квалифицировались как стремление к «национальной замкнутости» и срыву социалистического строительства⁴⁰⁹. Безусловно, данные заявления были основаны на официальном курсе руководства страны, нацеленном «на

⁴⁰⁶ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 142.

⁴⁰⁷ См., напр.: О преобразовании Коми области в Коми АССР с оставлением при экономическом районировании РСФСР Коми республики отдельной административной экономической единицы: докладная записка облисполкома // НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 741. Л. 187–188об; О рассмотрении доклада «Коми автономная область как самостоятельная экономически-административная единица в системе районирования РСФСР»: постановление Президиума облисполкома от 24.08.1928 // Там же. Д. 271. Л. 47–47об.

⁴⁰⁸ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 70.

⁴⁰⁹ Там же. Д. 128. Л. 25.

максимально жёсткую централизацию всех сфер жизни и постепенное изживание автономистских тенденций на местах»⁴¹⁰.

Другой проблемой являлось стремление руководства Коми объединить коми-зырян и коми-пермяков. Например, на II облпартконференции (1922 г.) была принята резолюция, которая обязывала усилить работу по присоединению территорий Пермской губернии к Коми автономной области⁴¹¹; на VI конференции (1924 г.) указывалось, что вопросу уделяется достаточное внимание и «остаётся его продолжить»⁴¹². Но идея создания единой государственности для двух народов не увенчалась успехом: в 1925 г. в составе Уральской области был образован Пермский национальный округ. Кроме того, периодически возникало противостояние между г. Архангельском и г. Усть-Сысольском относительно территорий Нижней Печоры. Притязания со стороны Коми выделяют в несколько периодов: 1920–1922 гг., когда в силу экономических причин Нижняя Печора оставалась в составе Архангельской губернии; 1923–1927 гг., когда шёл процесс социально-экономического развития Печорского уезда; 1928–1929 гг., когда Печорский уезд был разделён между Коми областью и Ненецким национальным округом в связи с образованием Северного края⁴¹³.

Делегаты Коми облпартконференций не оставили без внимания и такой важный аспект национально-государственного строительства, как проведение «зырянизации». Вопросы применения национального языка в общественно-политической жизни и в целом языкового строительства, вовлечение национальных кадров в работу государственного аппарата, организация их соответствующей подготовки наиболее активно обсуждались на V и VI (1924 г.), XII (1932 г.), XIV (1937 г.) партконференциях.

⁴¹⁰ Каракчиев В. Н. Развёртывание политических репрессий против руководителей Коми облисполкома в 1930-х гг. // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность : материалы I междунар. науч. конф. (г. Сыктывкар, 25–29 окт. 2011 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 2. С. 58.

⁴¹¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 6–7.

⁴¹² Там же. Д. 42. Л. 18.

⁴¹³ Таскаев М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург, 2011. С. 519–520.

Таким образом, исследование показало, что в структуре Коми региональной элиты 1920–1930-х гг. можно выделить такие группы, как партийно-политическую элиту, советскую (административную) элиту, элиту правоохранительных органов и др. Безусловно, одним из критериев элитарности являлось членство в РКП(б)–ВКП(б). Вместе с тем важными являются и социальные характеристики элиты, позволяющие проследить её социальные сдвиги – восходящую (нисходящую) социальную мобильность. Изучение социального портрета управленческих кадров Коми автономии позволяет глубже вникнуть в проблемы партийно-советского строительства и проследить за реализацией кадровой политики Центра. В контексте изучаемого вопроса немаловажным остаётся выявление степени воздействия социально-экономических преобразований в стране на «качество» региональных элит.

Рассматривая приоритетные направления развития Коми автономной области–Коми АССР, делегаты партийных форумов участвовали в процессе формирования её государственности и обеспечения управленческими кадрами. Тематика повесток была разнообразной и включала в себя рассмотрение важнейших для Коми региона вопросов. Проблемы экономического развития, партийного и советского строительства всегда находились под пристальным вниманием участников областных партийных конференций. Однако уже в 1920-е гг. у присутствовавших не было никакой самостоятельности в разработке и принятии решений, поскольку всё предварительно согласовывалось в ЦК партии, а иллюзия активного участия делегатов в работе как всероссийских (всесоюзных), так и региональных партконференций, усиливалась массивной пропагандой.

§ 2.2. Коми областная парторганизация и социальный портрет партийного актива

Представители элитарных групп Коми автономной области–Коми АССР, являясь субъектом подготовки и принятия стратегических для региона решений, могли реализовывать свои властные полномочия через такой политический институт, как Коми областная партийная конференция. Партийный форум был той площадкой, на которой проходила концентрация различных акторов местного сообщества⁴¹⁴. Одним из признаков элитарности являлось членство в РКП(б)–ВКП(б). Из числа наиболее активных коммунистов формировался корпус управленцев. Именно они несли ответственность перед Центром за реализацию директив, за осуществление политических и экономических преобразований в своих регионах. Поскольку социальный статус различных групп определяется социальными (профессия, образование), природными (пол, возраст) и другими признаками, это позволило структурировать собранную информацию и дать характеристику такой социальной группе, как партийный актив.

В системе партактива нами изучались коммунисты, входящие в группу «ответственные работники», или так называемый «руководящий состав» («руководящие кадры»). В целом же, ответственными считались партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные, кооперативные и другие работники. Таким образом, ответственность распространялась на все сферы государственного управления. Например, Г. Л. Олех выделяет в аппарате партийных комитетов три категории служащих: ответственные работники, технические работники и вспомогательный персонал⁴¹⁵. К ответственным работникам относились секретари партийных комитетов всех уровней, заведующие, заместители заведующих,

⁴¹⁴ См., напр.: Мохов В. П. Местная политическая элита в России: понятие, структура, численность. Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/mestnaya-politicheskaya-elita-v-rossii-ponyatie-struktura-chislennost> (Дата обращения: 15.08.2016).

⁴¹⁵ Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг. : устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.

секретари отделов, заведующие подотделами, ответственные инструкторы, освобождённые секретари крупных ячеек и др., т. е. «партийные функционеры». Обладая властным ресурсом, они становились «правлящим, управляющим, господствующим слоем внутри номенклатуры»⁴¹⁶.

Среди представителей партийно-политической элиты – участников партийных форумов больше всего было крестьян и служащих. Из произведённых подсчётов следует, что доля крестьян составляла в среднем от 30 % до 65 %. Однако, если в 1920-е гг. более 50 % делегатов облпартконференций были крестьяне, то в 1930-е гг. их количество сокращается, составляя к концу десятилетия лишь около трети. Удельный вес служащих оставался достаточно высоким – в среднем от 30 % до 45 % от присутствующих. Количество же делегатов из рабочей среды никогда не превышало четверти от общего состава делегатского корпуса (прил. 5, 6).

Одним из важнейших признаков социального состава представителей партийных органов является национальность. Основную массу населения автономии составляли коми. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., на территории Коми АССР проживало 72,5 % представителей коренной национальности и 22,0 % русских⁴¹⁷. Среди членов РКП(б)–ВКП(б) большинство также были коми: на начало 1921 г. – 88,4 %, на начало 1930 г. – 82,3 %, на начало 1937 г. – 76,7 %⁴¹⁸. По произведённым подсчётам в 1920–1930-е гг. в составе делегатского корпуса облпартконференций представителей коми было примерно две трети от общего числа присутствующих, русских – от 15 % до 35 % в разные годы. Представительство других национальностей (в основном белорусов, украинцев, евреев) составляло в среднем от 2 % до 6 % (прил. 7, 8).

⁴¹⁶ Мохов В. П. Номенклатура как политический институт в истории советского государства второй половины XX века. Режим доступа : http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=121&pod_id=31 (Дата обращения: 11.04.2017).

⁴¹⁷ Коми АССР – 60 лет : стат. сб. Сыктывкар, 1981. С. 5.

⁴¹⁸ Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. Сыктывкар, 1977. С. 42.

Безусловно, рекрутирование партийного актива в основном проходило из местного населения коренной национальности, что не могло не повлиять на социальный портрет его представителей. Однако те, кого можно отнести к высшей партийной элите Коми, в большинстве своём были русскими по национальности. В 1920–1930-е гг. по всей стране проходила ротация партийных кадров, поэтому на руководящую должность претендовали коммунисты и из других регионов. Коми автономия не стала исключением. Например, из всех секретарей Коми обкома более половины не были местными жителями: Г. А. Козлов, Н. А. Люстров, П. И. Мурашёв, И. Д. Рязанов, А. А. Семичев, А. Г. Тараненко, А. М. Чирков.

За исследуемый период Коми областной комитет РКП(б)–ВКП(б) возглавляли 11 секретарей (первых секретарей) (прил. 9). За исключением П. И. Мурашёва, арестованного за месяц до начала работы XV Коми областной партийной конференции (1938 г.), все партийные лидеры участвовали в работе высшего органа управления⁴¹⁹.

Анализ анкет и регистрационных списков показал, что секретари обкома по социальному положению были в основном рабочими и крестьянами (по 4 чел.). Служащих среди них было несколько меньше – 3 чел. Партия большевиков всячески стремилась улучшать свой социальный состав за счёт рабочих. Но изменения социального положения проходили и механическим путём – за счёт исправлений анкетных данных. Например, в анкете секретаря обкома Г. А. Козлова, делегата VIII Коми областной партийной конференции (1927 г.), в графе «социальное положение» указано «служащий», а на IX (1929 г.) – «рабочий».

Образовательный уровень руководителей обкома партии в целом был невысоким, более половины из них имели начальное образование. Исходя из анкетных данных, можно сделать вывод, что за исследуемый период ни один из партийных лидеров не смог повысить свой образовательный уровень. Вместе с тем секретари обкома И. Д. Рязанов, А. А. Семичев, А. Г. Тараненко,

⁴¹⁹ НА РК. Ф. 18. Оп. 9. Д. 56. Л. 1–42.

возглавлявшие парторганизацию во второй половине 1930-х гг., имели высшее образование. Следует отметить, что они были призваны на работу в Коми из других регионов страны.

Таким образом, имеющиеся архивные документы позволяют дать обобщённый социальный портрет секретаря обкома – «русский, рабочий по социальному положению, с начальным образованием».

В период существования Северного края в работе Коми облпартконференций в обязательном порядке принимали участие представители руководящего состава краевых партийных органов. Сравнивая социальные характеристики кадровой элиты областного и краевого партийных комитетов, можно прийти к некоторым выводам. Например, в период с 1929 г. по 1931 г. Северный крайком ВКП(б) возглавлял С. А. Бергавинов, с 1931 г. по 1937 г. – В. И. Иванов, в эти же годы в должности третьего, второго и первого секретаря крайкома находился Д. А. Конторин. Все принадлежали к рабочему классу, были русскими по национальности, но имели среднее или высшее образование. Их судьба сложилась трагично – они были исключены из партийных рядов и подверглись жесточайшим репрессиям⁴²⁰. Следует отметить, что к концу 1930-х гг. произошли изменения образовательного уровня партийных работников. Так, если в 1930 г. 14 % краевых чиновников имели среднее образование, то в 1937 г. – 23 %. Число же сотрудников Северного крайкома, имеющих высшее образование, к 1937 г. достигло 17 %⁴²¹.

В работе Коми областных партийных конференций также принимали участие заведующие отделами обкома и инструкторы. Среди представителей партийно-политической элиты чаще других в состав делегатского корпуса входили заведующие организационным отделом. Заведующие агитационно-

⁴²⁰ См., напр.: Репрессии в Архангельске. 1937–1938 : документы и материалы. Архангельск, 1999.

⁴²¹ Перебинос Ю. А. Эволюция регионального партийного аппарата в 1930-е гг. (на материалах Европейского Севера) // Институциональные реформы : история и современность : материалы науч. конф. (г. Вологда, 6–7 апр. 2007 г.). Вологда, 2007. С. 187.

пропагандистским отделом и женотделом являлись постоянными участниками партийных форумов 1920-х гг., а в 1930-е гг., в связи с изменениями организационной структуры обкома, в регистрационных списках были обнаружены фамилии руководителей и других отделов обкома.

Анализ анкет и регистрационных списков показал, что большинство заведующих агитпропотделом были коми по национальности. Среди заведующих орготделом коми и русских выявлено равное количество. Все возглавлявшие с 1922 г. по 1932 г. женотдел коммунистки были коренной национальности.

Подавляющее большинство заведующих отделами обкома по своему социальному положению было крестьянами. В данной группе партийно-политической элиты также прослеживается тенденция изменения социального положения с «крестьянин» на «служащий» у одного и того же участника проходивших подряд нескольких партийных форумов. Так, в анкетах делегатов Коми облпартконференций, состоявшихся во второй половине 1920-х гг., выявлены исправления у заведующего орготделом И. А. Буткина, заведующего агитпропотделом Ф. Н. Ильчукова, заведующего женотделом Н. П. Анисимовой.

Более 80 % руководителей организационного и агитационно-пропагандистского отделов обкома партии имели начальное образование. В то же время трое из пяти возглавлявших женотдел имели среднее образование. Чаще всего, до вступления в партийные ряды, женщины успевали получить профессиональное образование и в основном принадлежали к учительской среде, что позволяло им выдвигаться на руководящие должности.

Схожий социальный портрет имели и инструкторы Коми обкома. Анализ персональных данных 23 чел., в разные годы принимавших участие в работе партийных форумов, показал, что подавляющее большинство из них (более 90 %) были коми по национальности. Четверть из присутствующих были служащими, и лишь один делегат имел статус рабочего. В основном они имели начальное образование, около трети – среднее и один человек – высшее.

В состав делегатского корпуса облпартконференций также входили руководители парткомов низового уровня. Были обработаны анкетные данные 118 делегатов: секретарей укомов, райкомов, горкома, Печорского окружкома по различным признакам. Руководители местных партийных комитетов в основном принадлежали к коренной национальности (72,8 %). Однако в период с 1929 г. по 1940 г., когда происходили изменения административно-территориального устройства региона, заметно увеличилось число тех, кто был русским – с 19,2 % до 28,4 %. Как правило, это были секретари райкомов, территориально расположенных на южных границах Коми автономии (например, Прилузский район), либо секретари райкомов, на территории которых компактно проживало русское население (например, Усть-Цилемский район), либо секретари столичного горкома (табл. 2).

Таблица 2 – Руководящий состав местных партийных комитетов по признаку «национальность»*

Период проведения, годы	Коми		Русские		Прочие	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1922–1929	21	80,8	5	19,2	0	0
1930–1940	62	70,5	25	28,4	1	1,1

* Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 59, 72, 113, 114, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360.

Несмотря на то, что большинство секретарей парткомов были выходцами из крестьянской среды, их число заметно уменьшилось в составе делегатов данной группы, присутствовавших на партийных форумах с 1929 г. по 1940 г. Эти изменения произошли в основном за счёт уменьшения числа представителей

рабочего класса и значительного увеличения числа служащих (табл. 3). Такое представительство служащих в составе делегатского корпуса в 1930-е гг. можно объяснить не только внесёнными изменениями в Устав ВКП(б). Выдвижение на руководящую должность, как и возможность получения профессионального образования, в период осуществления индустриализации способствовала формированию новой социальной категории – «советской интеллигенции», что позволяло членам технических комиссий партконференций причислять их к числу служащих.

Таблица 3 – Руководящий состав местных партийных комитетов по признаку «социальное положение»*

Период проведения, годы	Крестьяне		Рабочие		Служащие	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1922–1929	19	63,3	6	20,0	5	16,7
1930–1940	43	48,9	11	12,5	34	38,6

* Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 59, 72, 113, 114, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360.

За весь исследуемый период стабильно низким оставался образовательный уровень руководителей местных партийных комитетов. Несмотря на важность образования на развитие личности, для руководителей партийных органов оно не являлось обязательным условием. Кроме того, оно часто подменялось политическим образованием, полученным, например, в местных совпартшколах. Вместе с тем в Коми регионе имелись объективные основания того, что большинство членов областной партийной организации и партийный актив обладало лишь начальным (низшим) уровнем образования. В начале 1920-х гг.

были открыты два педагогических техникума для подготовки учительских кадров, в 1925 г. – сельскохозяйственный техникум, в 1930 г. – лесной техникум. Единственное полноценное высшее учебное заведение – Коми государственный педагогический институт – заработало в 1932 г. Наиболее распространённой была подготовка квалифицированных рабочих кадров в школах фабрично-заводского ученичества и на краткосрочных курсах при нескольких предприятиях. Некоторым образом дефицит в кадрах восполнялся за счёт направления в Коми специалистов из других регионов, кроме того, предпринимались меры для направления местного населения на обучение в средние и высшие учебные заведения страны. Таким образом, большинство делегатов – представителей партактива низового уровня – имели начальное образование (73,2 %). Однако в 1930-е гг. 5 чел. смогли получить высшее образование (табл. 4).

Таблица 4 – Руководящий состав местных партийных комитетов по признаку «образование»*

Период проведения, годы	Начальное		Среднее		Высшее	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1922–1929	15	75,0	5	25,0	0	0
1930–1940	64	72,7	19	21,6	5	5,7

* Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 59, 72, 113, 114, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360.

Однако общеобразовательный уровень партийных кадров Коми автономной области–Коми АССР не имел существенных отличий от их коллег из партийных организаций других регионов страны. Например, к концу 1920-х гг. 95,5 % секретарей райкомов и горкомов Уральской области имели начальное

образование, 3,9 % – среднее образование и 0,6 % – высшее образование⁴²². Как отмечалось выше, изменения данного фактора в социальной характеристике членов партийных организаций произошли в основном в 1930-е гг. в связи с возрастающей потребностью в профессиональных кадрах. Государство усложняло управленческие задачи, что во многом было связано с растущими темпами индустриализации и хозяйственно-производственной деятельности. Кроме того, уровень образования влиял на формирование имиджа партийного руководителя – представителя «наиболее образованной части общества, а потому действительно умеющей управлять»⁴²³. В связи с отсутствием данных об учёте общеобразовательной подготовки коммунистов до 1937 г. не представляется возможным проследить за изменениями образовательного уровня всех членов Коми областной партийной организации. В предвоенный период – с 1937 г. по 1940 г. – число коммунистов, имеющих начальное образование, составляло половину от общего численного состава облпарторганизации, а число тех, кто имел высшее образование, не превышало 5 %⁴²⁴. Анализ архивных документов показал, что образовательный уровень делегатов партийных форумов существенно не отличался: практически две трети имели начальное образование, около четверти – среднее, а делегатов, имеющих высшее образование, в разные годы было от 1 % до 3 % от общего числа присутствующих.

Спецификой образования партийных кадров являлось то, что оно имело специализацию: общее и партийно-политическое. Политическая подготовка коммунистов осуществлялась в различных формах. Система партийных учебных заведений в разные годы включала в себя, например, Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, Институт красной профессуры, советско-

⁴²² Колдушко А. А. Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей) // Вест. Пермского НИПУ. Культура, история, философия, право. 2010. № 3. С. 106.

⁴²³ Там же. С. 105.

⁴²⁴ Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. Сыктывкар, 1977. С.33.

партийные школы, курсы марксизма-ленинизма, курсы секретарей партийных организаций, кружки политграмоты и др.⁴²⁵

Основная масса коммунистов Коми областной партийной организации смогла получить партийно-политическое образование в объеме совпартшкол и школ политграмоты. Уровень политической грамотности членов областной парторганизации был чрезвычайно низким, что, безусловно, не могло не влиять на эффективное руководство, а также на формирование благоприятного имиджа партии большевиков в глазах населения области. Следуя директивам вышестоящих партийных органов, на I Всезырянском съезде коммунистов (1921 г.) было принято решение об открытии совпартшколы «среднего типа»⁴²⁶. Первый набор состоял из 62 чел. Занятия проходили с 15 июня по 15 сентября 1922 г. по программе губернской совпартшколы. Однако в процессе обучения выяснилось, что слушатели в большинстве своём были малограмотными и не имели практического стажа ни партийной, ни советской работы. Таким образом, они не смогли освоить программу обучения полностью⁴²⁷. В дальнейшем областная совпартшкола была реорганизована на две уездные школы I ступени. В связи с отсутствием в уездах области соответствующих преподавателей обе школы открылись в г. Усть-Сысольске. Предполагалось, что в каждой школе пройдут обучение по 120 чел. Программа обучения была рассчитана на два курса по четыре месяца. Кроме того, слушателям устанавливался минимальный продовольственный паёк и стипендия. В течение 1922 г. была открыта также совпартшкола II ступени.

В начале 1920-х гг. вопросам получения партийно-политического образования уделялось особое внимание. В целях ликвидации политической безграмотности и подготовки к поступлению в совпартшколу I ступени повсеместно были организованы курсы и школы политграмоты. В резолюции по

⁴²⁵ См., напр.: Барткевич Л. Л. Подготовка партийных кадров. Рига, 1980.

⁴²⁶ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 8об.

⁴²⁷ Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937. Сыктывкар, 1981. С. 90–91.

докладу об агитации и пропаганде делегаты IV Коми облпартконференции (1923 г.) постановили обучить всех членов партийных организаций в совпартшколах I и II ступени. Указывалась и цель – «длительной методической работой подготовить более или менее квалифицированного партийно-советского работника»⁴²⁸.

В 1924 г. в Коми области работали 19 школ политграмотности и совпартшколы I и II ступени. Политическое просвещение велось в соответствии с планом и по согласованию с областным и уездными комитетами партии. Обучение в совпартшколах вызывало интерес, особенно у молодёжи. Однако общеобразовательный уровень коммунистов оставался по-прежнему низким, что влияло на приём заявлений и отбор слушателей. Например, в Сысольском уезде желание обучиться изъявили 90 чел., но на учёбу было принято лишь 16 чел.⁴²⁹

Первые итоги работы по повышению идейного уровня коми коммунистов были подведены на VII облпартконференции (1926 г.). К этому времени функционирующая сеть школ и кружков политграмотности охватила не менее 70 % состава партийной организации. Удалось организовать 5 школ-передвижек из 10 субсидируемых ЦК ВКП(б), а также 30 бесплатных школ. В специальном докладе о задачах агитационно-пропагандистской работы указывалось, что система партийного воспитания сформирована на основе школ-передвижек для деревни, школ сокращённого типа, вечерних школ политграмотности, марксистских и ленинских кружков. Однако посещаемость школ составляла примерно 60–70 %. Проверка 432 членов и кандидатов в члены партии показала, что политически неграмотных насчитывалось 19,5 %, малограмотных – 33,1 %, грамотных в объеме школы политграмоты – 33,2 % и уровнем выше – 14,2 %. В деревенских ячейках из 151 члена и кандидата политически неграмотных выявлено 63,5 %, малограмотных – 29 % и грамотных – 7,5 %⁴³⁰. В 1927–1928 гг.

⁴²⁸ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 22об.

⁴²⁹ Там же. Д. 42. Л. 16.

⁴³⁰ Там же. Д. 59. Л. 48об.

сеть партийного просвещения было охвачено 912 коммунистов, из них окончили школы политграмоты 498 чел. или 32 % к составу организации⁴³¹.

К концу 1920-х гг. в системе партийно-политического образования коми коммунистов произошли некоторые изменения. Областная совпартшкола была реорганизована в трёхгодичный курс обучения, а школы I ступени упразднены. Основное внимание в этот период отводилось качеству обучения. В подготовке «нового типа партийца» главными направлениями являлись «внедрение чувства ответственности перед партрешениями, выработка чуткости к партдирективам вышестоящих парторганов»⁴³². Несмотря на то, что члены парторганизации в большинстве своём имели начальное образование, количество обучающихся в совпартшколах в дальнейшем увеличивалось. Так, на начало 1932 г. в областной совпартшколе насчитывалось 288 слушателей⁴³³.

Исследование социального портрета представителей региональной элиты возможно и по признаку «пол». Следует отметить, что женщины достаточно активно стали проявлять себя уже в первые годы становления Коми государственности. Так, в структуре обкома партии был сформирован женотдел, просуществовавший с января 1921 г. по январь 1932 г. В женотделах местных парткомов женщины исполняли обязанности заведующих, инструкторов; работали женорганизаторами, руководили делегатскими собраниями и др. Функции отделов по работе с женщинами сводились в основном к реализации задач просвещения. И если в 1924 г. в составе областной парторганизации насчитывалось 48 женщин (6,5 %), то к 1 января 1940 г. – 4379 чел. (17,9 %)⁴³⁴. Такая форма социальной активности позволяла женщинам накопить определённый политический опыт и использовать его в дальнейшем во всех сферах государственного управления. Между с тем в 1920–1930-е гг. выдвижение женщин на руководящие должности в партийно-советском аппарате не

⁴³¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 28.

⁴³² Там же. Л. 249.

⁴³³ Там же. Д. 149. Л. 76.

⁴³⁴ Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. Сыктывкар, 1977. С. 61.

затрагивало его верхний уровень. Их никогда не было в составе руководителей Коми региона, а среди управленцев-женщин не было тех, кто возглавлял бы отделы облисполкома (финансовый отдел, отдел народного образования, земельное управление и др.), кто руководил бы областной контрольной комиссией или рабоче-крестьянской инспекцией.

В 1920-е гг. все участницы партфорумов были коми. Лишь в конце 1920-х–начале 1930-х гг. в их составе появляются русские, а на XI (1930 г.) и XIII (1934 г.) партфорумах представительницы и других национальностей (например, секретарь Сыктывкарского горкома партии Э. К. Эйлер, латышка). В большинстве случаев коми женщины принадлежали к социальной группе «крестьяне». В 1920-е гг. они составляли 100 % от общего числа делегатов, затем их число уменьшилось и в среднем составляло около 20 %, а в конце 1930-х гг. снова увеличилось до 40 %. Присутствие представительниц рабочего класса отмечается только с VIII Коми облпартконференции (1927 г.), т. е. с момента, когда усиливается процесс укрепления рабочими партийного кадрового состава. Число коми и русских женщин-рабочих было примерно одинаковым на протяжении всего исследуемого периода. Среди служащих также прослеживается значительное преобладание коренных женщин: они в два-шесть раз превышали удельный вес русских в данной социальной группе. Начиная с VIII облпартконференции (1927 г.) и далее, делегатки по социальному положению «служащие» и коми по национальности значительно превышали удельный вес женщин, относящихся к другим социальным группам. Образовательный уровень представительниц региональной элиты в целом был выше, чем у мужчин. Подсчитано, что в 1920-е гг. делегаты-женщины, имевшие среднее образование, составляли от 50 % до 100 % от общего числа присутствовавших. В основном это были коми-крестьянки, по своей профессии являвшиеся школьными работниками. Вместе с тем они занимали высокое партийное положение. Например, участницы партфорумов Е. Ф. Вежёва, О. Д. Забоева, Е. В. Одинцова в разное время возглавляли отдел обкома партии по работе с женщинами. В 1930-е гг. среди тех, кто имел среднее образование,

большинство также были представительницами коренной национальности, но по социальному положению «служащие». В этот период в составе делегатского корпуса наблюдаются и те, кто имел высшее образование. В основном это были делегатки, которые неоднократно избирались для участия в работе Коми областных партийных конференций и успели повысить свой образовательный уровень (например, А. А. Чеусова – заведующая отделом печати обкома партии, А. Е. Худяева – заведующая отделом школ обкома, М. И. Йоль – председатель областного суда). Подавляющее большинство из них также были коми по национальности и «служащие» по социальному положению.

Женщины также принадлежали к партийному активу низового уровня. Были обработаны анкетные данные шести коммунисток, в разное время возглавлявших местные партийные комитеты. Четверо из них являлись секретарями горкома (А. М. Елькина, Н. И. Мезенцева, Е. Г. Попвасева, З. А. Прилуцкая). За исключением Н. И. Мезенцевой и З. А. Прилуцкой, все были представительницами местной национальности. Пятеро из шести по социальному положению находились в статусе служащих. Исключение составляла Е. Г. Попвасева – участница VII Коми областной партийной конференции (1926 г.). В анкете делегата указано «крестьянка», однако по профессии она была преподавателем. Образовательный уровень был различным: половина из женщин имела среднее образование, две – начальное, одна – высшее. Таким образом, у представительниц местного партийного актива образовательный уровень и социальное положение были выше, чем у их коллег – мужчин.

Таким образом, проблемы выдвижения и формирования руководящего состава находились под пристальным вниманием Коми областных партийных конференций и систематически обсуждались делегатами. Однако сами представители партийного актива во многом не соответствовали «качественным» социальным характеристикам элитарности. Большинство имели начальное образование и являлись выходцами из крестьянской среды, что обусловлено объективными для Коми автономии причинами. Лишь среди руководителей

обкома партии были выявлены те, кто в основном принадлежал к числу рабочих и служащих, как того и требовали партийные директивы. Подавляющее большинство партактива являлось представителями коренной национальности. Вместе с тем активно участвующие в общественно-политической жизни региона коммунистки имели лучшие характеристики, чем их коллеги-мужчины. В целом же социально-профессиональный портрет представителей партийно-политической элиты не отличался от управленческих кадров из других национальных регионов.

§ 2.3. Чистки в качестве инструмента регулирования кадрового состава

Особое место в формировании управленческих кадров занимали чистки. Это были некие организационные мероприятия, позволявшие контролировать деятельность руководящего и рядового состава партии, при необходимости манипулировать им, вовлекать в безоговорочное выполнение вышестоящих директив. Впервые идея чисток была озвучена В. И. Лениным ещё в 1905 г. в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом бы и материально, если бы не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды»⁴³⁵. Причины чисток были различными, но исследователи склоняются к мнению, что если в начале 1920-х гг. партия очищалась от карьеристов, морально разложившихся в быту и дискредитирующих партию и советскую власть, от «мелкобуржуазных элементов» и др., то в 1930-е гг. скрытыми мотивами чисток была борьба со сталинской оппозицией. К этому времени уже была сформирована база данных о «политически активных гражданах страны – членах партии и беспартийных, степени их лояльности в деле построения социализма и укрепления Советского государства, выявлялись

⁴³⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 12. С. 103.

противники»⁴³⁶. Многократная реорганизация партаппарата в начале 1930-х гг. привела к формированию его структуры на принципе жёсткого повиновения Центру и решила политическую задачу по устранению регионального руководящего состава с успехом была выполнена на Европейском Севере.

Вопросы укрепления единства партии и партийной дисциплины стали подниматься на Всероссийских конференциях и съездах РКП(б) практически сразу после Октябрьской революции 1917 г. Уже на VIII съезде РКП(б) (1919 г.) обсуждался вопрос о притоке в партию большого числа лиц, в т. ч. «недостаточно коммунистических», что дало повод к принятию решения о проведении партийной чистки. Для начала съезд постановил провести к 1 мая 1919 г. общую регистрацию всех членов партии. В основу была положена система единого партбилета. Также обращалось внимание на профессию члена партии, его хозяйственно-организационный стаж и «на роль каждого члена партии в работе по возрождению хозяйства страны»⁴³⁷. Окончательное решение о проведении чистки в период с 1 августа по 1 октября 1921 г. было принято на X съезде РКП(б) (1921 г.)⁴³⁸ и подтверждалось официальными нормативными актами⁴³⁹. Специально созданная Центральная комиссия по проверке, пересмотру и чистке личного состава (Центрпроверком) регламентировала порядок создания проверочных комиссий в регионах, их формы и методы работы. На места были разосланы соответствующие инструкции⁴⁴⁰. Одной из целей мероприятия являлся пересмотр социального состава партии. Её сопровождала большая агитационная кампания с обязательным привлечением беспартийного населения, итоги которой подвели на XI съезде РКП(б) (1922 г.). Было признано, что партия и в дальнейшем

⁴³⁶ Анфертьев И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Новый исторический вестник. 2015. № 45. С. 74.

⁴³⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т.2. С. 172.

⁴³⁸ Там же. С. 211.

⁴³⁹ О проверке, пересмотре и очистке партии : постановление ЦК и ЦКК РКП(б) от 21.06.1921 // Правда. 1921. 30 июня; Ко всем партийным организациям. Об очистке партии // Правда. 1921. 27 июля.

⁴⁴⁰ См.: К проверке, пересмотру и очистке партии: [сб. документов]. М., 1921.

будет прибегать к подобным методам избавления от «чуждых элементов», «карьеристов» и «примазавшихся»⁴⁴¹.

Несмотря на то, что с момента образования Коми областной парторганизации до начала кампании прошло полгода, она не осталась в стороне от этого события. Как и в большинстве парторганизаций страны чистка была воспринята положительно, однако не удалось соблюсти установленные сроки проведения, поскольку по времени она совпала с началом формирования в Коми автономии органов государственной власти. Вместе с тем директива ЦК была выполнена. Выступая перед делегатами II Коми облпартконференции (1922 г.), секретарь обкома Я. Ф. Потапов доложил, что с августа по декабрь 1921 г. по чистке было исключено 102 чел., или 8,61 % от всех членов РКП(б)⁴⁴².

В рамках первой «генеральной» чистки и Всероссийской партийной переписи весной 1922 г. был проверен весь личный состав Коми областной парторганизации по ряду параметров (численный и социальный состав, национальная принадлежность, партийный стаж и др.). Первый публичный отчёт о проделанной «громадной работе» прозвучал на III Коми облпартконференции (1922 г.). На ней разъяснили и цели создания проверочных комиссий – «для продолжения дальнейшей чистки партии от примазавшихся элементов, для выправления партийной линии»⁴⁴³. Всего же за отчётный период, т. е. между II и III Коми облпартконференциями, было исключено из партии 34 чел. По информации председателя облисполкома В. И. Сорвачёва, одного из делегатов конференции, произошло сокращение областной парторганизации на 7,3 %, что являлось «самым малым процентом исключения из всей РКП(б)... По всей РКП(б) свыше 20 %»⁴⁴⁴. По мнению секретаря ОКК А. И. Бызова, проводимая в регионе новая экономическая политика создала благоприятную обстановку для

⁴⁴¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т.2 .С. 335.

⁴⁴² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 3об.

⁴⁴³ Там же. Л. 9об.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 15.

осуществления проверки, а также условия для анализа каждого коммуниста⁴⁴⁵. Действительно, накануне проведения экономической реформы партия столкнулась с проблемами, которые не только были связаны с нехваткой специалистов, неудовлетворительно поставленной работой по учёту и распределению кадров, но и с поведением самих коммунистов, различными злоупотреблениями властью. Объективно чистка позволяла освободиться от таких «элементов». Поскольку Коми областная парторганизация в этом смысле не была исключением, то приведённые на III партийном форуме сведения о различных нарушениях доказывают их наличие (табл. 5).

Таблица 5 – Нарушения, совершённые членами Коми областной партийной организации (январь–сентябрь 1922 г.)*

№	Виды нарушений	Количество
1	Пьянство	44
2	Нарушение партийной дисциплины	22
3	Преступления по должности	20
4	Бюрократизм	16
5	Уголовные дела	15
6	Религиозность	9
7	Клевета	5
8	Присвоение партийного стажа	1
	Всего	132

*Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.

⁴⁴⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 15об.

Нами подсчитано, что непосредственно партийные проступки (нарушение партийной дисциплины и присвоение партийного стажа) занимали около 17 % от всех видов нарушений, должностные преступления и бюрократические проволочки – 27 %. В то время за пьянство, т. е. за морально-этические нарушения, призвали к ответственности почти треть коммунистов областной парторганизации. При выявлении данных видов нарушений проверочные комиссии опирались на принципы чистки, разработанные Центпрроверкомом⁴⁴⁶. Кроме того, в этот период по постановлениям ОКК было вынесено строгих выговоров – 20, простых – 18, через печать – 10, с занесением в партбилет – 13, снято с должности – 12, поставлено на вид – 12⁴⁴⁷. Будущему составу обкома было поручено провести «решительную борьбу против нарушений коммунистической этики и партдисциплины»⁴⁴⁸. По разрешению Центрального комитета чистка партийных кадров продолжилась до конца 1923 г.

В начале 1920-х гг. партийные органы активно вовлекали в ряды коммунистов различные слои крестьянства. Таким образом шло формирование «кадрового резерва для проведения предстоящей коллективизации»⁴⁴⁹. Однако вступая в партию, некоторые представители беднейшего крестьянства имели возможность получить элементарное образование, профессию или специальность и другие социальные блага. Но, по словам секретаря ОКК А. И. Бызова, такие члены партии легко совершали различные правонарушения. Так, к началу проведения IV Коми партконференции (1923 г.) из 219 чел., привлечённых за различные проступки, 173 чел. были крестьяне.⁴⁵⁰

Из анализа архивных документов следует, что за короткий период времени расширился список видов нарушений, например, в нём появились такие, как «чуждый элемент», «нетактичные поступки», «взяточничество», «использование

⁴⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 8. Л. 2.

⁴⁴⁷ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 15об.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 20.

⁴⁴⁹ Анфертьев И. А. Указ. соч. С. 75.

⁴⁵⁰ НА РК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 30. Л. 5об.

положения» и др., также появились новые категории привлекаемых лиц. На наш взгляд, такой вид нарушений как «прочие» мог вобрать в себя нарушения, которые пока не могли быть официально выделены (табл. 6).

Таблица 6 – Нарушения, совершённые членами Коми областной партийной организации (сентябрь 1922 г. – март 1923 г.) *

№	Виды нарушений	Количество
1	Нарушение партийной дисциплины	73
2	Пьянство	31
3	Религиозность	22
4	Выход из партии	19
5	Преступления по должности	18
6	Нетактичные поступки	12
7	Чуждый элемент	4
8	Уголовные дела	4
9	Взяточничество	2
10	Клевета	1
11	Спекуляция	1
12	Использование положения	1
13	Прочие	30
	Всего	230

*Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 5об.

В сравнении с предыдущим отчётом, почти в два раза увеличилось число нарушений партдисциплины: они составляли 32 % от общего числа проступков. Однако уменьшилось число привлекаемых за пьянство (13 %) и должностные

преступления (7 %). На наш взгляд, это связано не только с увеличением общего числа привлекаемых лиц, но и свидетельствует о более тщательном составлении статистической отчётности на основе полученного опыта. В целом причины и виды нарушений в Коми облпарторганизации были аналогичны и соотносились с проступками, совершёнными членами РКП(б) в других парторганизациях страны. Например, проверочные комиссии Калужской губернской комиссии исключили за «шкурничество» и карьеризм 15,7 %, пьянство и некоммунистический образ жизни 13,1 %, отказ от выполнения партийных директив 10 %, исполнение религиозных обрядов 6 % от всего состава партийной организации⁴⁵¹. При формулировании категорий, исключённых из партии многие проверочные комиссии на местах использовали различные определения, например, такие как «чуждый элемент», «обыватель» и др. Главными же причинами называли пассивное поведение (33,8 %) и такие морально-этические проступки, как пьянство, карьеризм, шкурничество и буржуазный образ жизни (24,7 %), а также уголовные преступления, заключающиеся во взяточничестве, вымогательстве и злоупотреблении властью (8,7 %)⁴⁵².

В середине 1920-х гг. были продолжены проверки и чистки различных парторганизаций: нерабочего состава в партийных ячейках (по решению XIII съезда РКП(б) (1924 г.); членов партии, состоявших в советских и вузовских ячейках (по решению ЦК и ЦКК, утверждённому на XIII съезде РКП(б); разложившихся и дискредитирующих партию в глазах крестьянства в деревенских ячейках (по решению XIV конференции РКП(б) (1925 г.). Подобные меры укрепления кадрового состава продолжались вплоть до проведения в 1929 г. второй «генеральной» чистки партии.

⁴⁵¹ Мясников А. А. Партийная чистка 1921 года в провинции (по материалам Калужской и Тульской губерний) // Омский научный вестник. 2009. № 6. С. 40.

⁴⁵² Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России // Вест. Новосибирского гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 8 : История. С. 142.

Коми областная парторганизация незамедлительно приступала к реализации директив вышестоящих органов. Так, на VI партконференции (1924 г.) в числе первоочередных для ОКК–РКИ была поставлена задача проверить советские ячейки (в Коми области пока отсутствовали высшие учебные заведения и, соответственно, проверить вузовские ячейки не представлялось возможным). В качестве главных методов устранения «болезней» и «ненормальностей» конференция выбрала внушение и «необходимость договариваться с каждым отдельным членом партии»⁴⁵³, из чего следует, что ОКК старалась не применять репрессивные меры воздействия на членов Коми областной парторганизации. С середины марта по август 1925 г. проводилась проверка непроизводственных ячеек. За отчётный период по плану было обследовано 84 объекта, также проводились и внеплановые проверки. По итогам обследования 19 ячеек из 244 членов партии и 188 кандидатов в члены партии партийным взысканиям подверглись 137 чел., или 32,1 % от общего состава Коми областной парторганизации. Количество исключённых составило 22 чел., или 5 %. Доминирующее место как по числу привлечённых, так и по числу исключённых, занимали «некоммунистические поступки» и «отрыв от партии». Больше всего партийным взысканиям подверглись служащие – 40 %, однако исключённых из партии представителей данной социальной группы было только 5 %⁴⁵⁴. Дальнейшая частичная проверка и обследование низовые партийных и советских ячеек, касающаяся усвоения и проведения ими в жизнь постановлений XIV съезда ВКП(б) (1925 г.) по работе в деревне, показала, что функции ячеек мало согласовывались с жизнью волости, а также не соотносились с основными директивами партии. Кроме того, проведённая с апреля по май 1926 г. проверка волостных ячеек выявила, что не всеми ячейками усвоены «методы и формы партийного руководства». Проверка работы советских ячеек по борьбе с бюрократизмом и другими недостатками показала, что «директива ЦК ВКП(б)

⁴⁵³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 45.

⁴⁵⁴ Там же. Д. 59. Л. 34об.

ячейками усвоена недостаточно, отсюда и слабое проведение таковой в жизнь»⁴⁵⁵. Несмотря на то, Коми областная партийная организация стремилась к решению намеченных задач по сохранению единства партии и борьбе с засорением «чуждыми элементами», работа контрольной комиссии в этом направлении была признана неудовлетворительной.

Конец 1920-х гг. ознаменовался рядом событий, которые потребовали вовлечённость в них и Коми областной партийной организации. Так, весной 1927 г. в стране проводилась Всероссийская партийная перепись, очередная перерегистрация членов партии и обмен партийных документов. На XV съезде ВКП(б) (1927 г.) подводились итоги многолетней борьбы с «троцкистами». В специальной резолюции «Об оппозиции» съезд заявил, что принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда её взглядов считаются несовместимыми с принадлежностью к Коммунистической партии и призвал всех к избавлению от неё. Кроме того, на съезде были внесены изменения в Устав ВКП(б), ужесточающие воздействие на тех, кто попадал под прицел контрольных комиссий: «Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы контрольных комиссий, подлежат немедленному исключению из партии»⁴⁵⁶. Определённое значение в проведении кадровой политики ВКП(б) имело и заседание пленума ЦК ВКП(б) (16–24 ноября 1928 г.), на котором рассматривался вопрос «О вербовке рабочих и регулировании роста партии»⁴⁵⁷. Указывалось на необходимость проведения чистки партии от «социально чуждых, примазавшихся, бюрократившихся и разложившихся элементов» при активном участии беспартийных. Мероприятие должно было проходить на открытых собраниях, с предварительным опубликованием списков исключавшихся. Общие итоги кадровой работы по Коми областной партийной организации в период с апреля 1923 г. по март 1929 г. были подведены на IX партфоруме (табл. 7).

⁴⁵⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 72. Л. 52об–53.

⁴⁵⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 74.

⁴⁵⁷ Там же. С. 142–150.

Таблица 7 – Число привлечённых к партийной ответственности и исключённых из партии от общего состава Коми областной партийной организации (апрель 1923 г. – март 1929 г.) *

Период между конференциями (годы)	Привлечено, %	Исключено, %
IV–V март 1923 г. – март 1924 г.	31,0	10,9
V–VI март 1924 г. – октябрь 1924 г.	10,0	1,7
VI–VII октябрь 1924 г. – январь 1926 г.	17,0	3,3
VII–VIII январь 1926 г. – октябрь 1927 г.	17,5	4,4
VIII–IX октябрь 1927 г. – март 1929 г.	27,4	8,2

*Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 110.

Из приведённых в таблице сведений видно, что наибольшее количество привлечённых к ответственности и исключённых из партийных рядов приходится на периоды, когда осуществлялась тотальная чистка Коми областной партийной организации. Как указывалось ранее, после завершения первой «генеральной» чистки, с санкции ЦК РКП(б) и по решению III облпартконференции в течение всего 1923 г. продолжилась проверка личного состава парторганизации. В период между работой VIII и IX конференциями проходила Всероссийская партийная перепись и перерегистрация членов партии, состоялся XV съезд ВКП(б), который призвал к активному очищению партии от «троцкистов», что, на наш взгляд, дало повод к избавлению Коми облпарторганизации от «балласта» в лице

оппозиционеров и «старых» партийцев. Результатом этих мероприятий и стало значительное увеличение числа привлечённых и исключённых коммунистов по сравнению с другими периодами. На конференции также были приведены сведения, характеризующие политику Коми областной парторганизации в борьбе с различными «болезнями» (табл. 8).

Таблица 8 – Число привлечённых к партийной ответственности и исключённых из партии от общего состава Коми областной партийной организации на 1 января 1929 г.*

Категория	Исключённые, чел.	Привлечённые, чел.
1. По социальному положению:		
– рабочие	26	9
– крестьяне	185	70
– служащие	106	23
– прочие	3	3
2. По партийному стажу:		
– до 1917 г.	2	0
– 1917 – 1923 гг.	153	38
– 1924 – 1925 гг.	41	14
– 1926 г. и позже	36	12
– кандидаты в члены партии	88	41

Таблица 8

3. По виду нарушений:		
– поступки, недостойные члена партии	178	59
– поступки, связанные со служебным положением	79	29
– нарушение партийной дисциплины	37	4
– чуждый элемент	9	9
– уголовные преступления	5	4
4. По полу:		
– женщины	9	5

*Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 115, 117, 118.

Из данных сведений видно, что наиболее устойчивой частью Коми областной партийной организации были рабочие, что является доказательством выполнения директив по улучшению социального состава парторганизации за счёт лояльного отношения к данной категории. Среди видов нарушений появились «поступки, недостойные члена партии», вероятно объединявшие в себе несколько «болезней». Практически не изменилось количество тех, кто являлся по отношению к партии «чуждым элементом». Больше всего исключили из партии или привлекли к ответственности тех, кто имел большой партийный стаж.

Впервые на высшем партийном уровне региона публично был поставлен вопрос о «старых» кадрах. Это были те, кто «для партии потеряны», т. е. кто вошёл в неё в годы революции и национального самоопределения. По словам секретаря обкома Г. А. Козлова, в это время люди вступали в партию скорее по настроению, а не по убеждению, поэтому не могли усвоить политики коммунизма. Их участь была предрешена: «Они неизбежно отойдут от партии или

окажутся вычищенными»⁴⁵⁸. В целях сохранения «старых» партийных кадров конференция предложила партячейкам, под руководством контрольных комиссий, проверить членов организации с точки зрения «правильности» их использования в работе, вовлечения в активную партийно-общественную жизнь, удовлетворительности выполняемых поручений и возможности выдвижения на руководящие посты. Однако, если члены партии, вступившие в неё в 1918–1920 гг., явно «разложились» и дискредитируют, то предлагалось их исключать. Кроме того, делегаты конференции постановили «окончательно передать низовым парторганизациям первоначальный разбор материалов на коммунистов»⁴⁵⁹.

В 1920-е гг. забота о чистоте партийных рядов выражалась не только в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией, но и с так называемыми «правыми уклонистами» Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, М. П. Томским. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (16–23 апреля 1929 г.), осуждая правооппортунистическую деятельность группы Н. И. Бухарина, одобрил тезисы о чистке партии и постановил передать их на рассмотрение XVI конференции ВКП(б) (1929 г.) и таким образом на высшем партийном уровне официально закрепить проведение второй «генеральной» чистки. Конференция определила дату окончания кампании – к XVI съезду ВКП(б), т. е. к июню 1930 г., однако на местах она должна была пройти с учётом особенностей работы партийных организаций. ЦКК поручалось разработать соответствующие инструктивные документы⁴⁶⁰. Давалось указание открыто провести данное мероприятие перед беспартийными рабочими и батрацко-бедняцко-средняцкими массами деревни, а также оповестить всех членов и кандидатов партии о предстоящем событии.

Поддерживая решения апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и XVI конференции ВКП(б), объединённый пленум Коми обкома и ОКК (5–8 июня

⁴⁵⁸ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 22–23.

⁴⁵⁹ Там же. Л. 255об–256.

⁴⁶⁰ См.: Инструкции по организации и проведению генеральной чистки и проверки рядов ВКП(б): [сб. документов]. М., 1929.; Порядок подведения итогов проверки и чистки личного состава ВКП(б) в 1929 г. М., 1929.

1929 г.) рекомендовал местным парторганизациям обсудить мероприятия по подготовке и проведению чистки на партийных собраниях. Проходившая летом 1929 г. X Коми облпартконференция одобрила работу обкома по борьбе против «правого уклона» и остатков проявления «троцкизма». Вместе с тем конференция указала на некоторые недостатки: процесс плохо освещался в печати, мало заострялось внимание на конкретных проявлениях «правого уклона», были затянуты сроки проверки и чистки, а досрочная проверка и чистка совпартшколы «не имела достаточно глубокого подхода к проверяемым членам», в результате проверки «не были вскрыты корни идеологических шатаний»⁴⁶¹. Таким образом, перед ОКК и всей областной парторганизацией были поставлены новые задачи.

Борьба с «троцкистами» и «правыми уклонистами» в Коми областной парторганизации продолжилась и в 1930-е гг. В отчётных докладах обкома на проходивших в этот период партийных форумах постоянно приводились данные о составе и количестве привлечённых и исключённых, но к ним добавились «национал-шовинисты», «враги партии, враги народа» и др. Например, на объединённом пленуме обкома и ОКК (март 1930 г.) отдельно обсуждался вопрос «О борьбе с национал-шовинизмом и задачах укрепления парторганизаций», в результате все парторганизации области были призваны на борьбу с «главной опасностью» – проявлением местного национализма и правооппортунистического уклона⁴⁶². Как указывалось ранее, в 1920-е – начале 1930-х гг. руководители областных партийно-государственных органов активно отстаивали право Коми автономии быть самостоятельным регионом. Впоследствии многие из них были обвинены в «буржуазном национализме» (И. Г. Коюшев, Е. М. Мишарин, Д. И. Селиванов, Ф. Г. Тараканов и др.). В связи с вхождением в 1929 г. Коми области в состав Северного края областная парторганизация подверглась проверке со стороны краевой парторганизации, в ходе которой вскрылись

⁴⁶¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 36.

⁴⁶² Резолюции объединённого пленума Коми ОК и ОКК ВКП(б) (15–17 марта 1930 г.). Сыктывкар, 1930. С. 12–20.

некоторые факты «национализма» в рядах областного руководящего актива, проявившийся в «стремлении к национальной замкнутости». Были разоблачены и выведены из состава обкома «конкретные носители зла»: председатель облисполкома И. Г. Коюшев, редактор журнала «Коми му» М. И. Попов, редактор газеты «Югид туй» Н. А. Шахов. Активная борьба с «правым уклоном» велась в Усть-Куломском, Усть-Вымском, Ижемском районах. Подобным репрессиям подвергались партийные кадры и в других регионах страны. Масштабы чисток от «буржуазных националистов», «троцкистов», «врагов партии и народа» были такими же всеохватывающими. Например, с апреля 1935 г. по май 1936 г. ряды Башкирской партийной организации сократились на четверть⁴⁶³. Необоснованные обвинения предъявили секретарям обкома, заведующим отделом пропаганды и агитации и отделом руководящих партийных органов, другим руководящим кадрам. По нашему мнению, данное решение во многом было продиктовано очевидным давлением на облпарторганизацию со стороны краевых парторганов.

Итоги второй «генеральной» чистки по Коми областной парторганизации подводились на XII областной партконференции (1932 г.). За 19 месяцев работы ОКК к различным партийным взысканиям было привлечено 159 чел., т. е. 10 % от общего состава областной партийной организации, из которых 54 чел. за «правый оппортунизм». Из 159 привлечённых исключены из партии 38 чел.: рабочих – 1 чел., крестьян – 14 чел., служащих и прочих – 23 чел. Подчёркивалось, что наиболее неустойчивой частью Коми областной партийной организации являются члены партии, вступившие в неё в 1929–1931 гг., и кандидаты в члены партии⁴⁶⁴. Отмечая засорённость некоторых колхозов «кулацкими» и «чуждыми элементами», было решено провести их чистку⁴⁶⁵. Первые результаты огласили на

⁴⁶³ Илишев Г. Ш. Башкирская парторганизация в середине 1930-х годов // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 129.

⁴⁶⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 149. Л. 164об.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 151. Л. 21об–22об.

XIII областной партконференции (1934 г.): количество исключённых составило 236 чел., отдано под суд 154 чел.⁴⁶⁶

На объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем 7–12 января 1933 г., было принято решение о проведении очередной чистки партии в течение 1933 г. Пленум поручил Политбюро и Президиуму ЦК «организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадёжных, неустойчивых и примазавшихся элементов»⁴⁶⁷. В постановлении ЦК и ЦКК ВКП(б) «О чистке партии» определялись задачи и направления третьей «генеральной» чистки, пояснялась система организации и руководства⁴⁶⁸. На места были разосланы соответствующие инструкции⁴⁶⁹. К числу тех, кто должен быть вычищен, относились: «классово чуждые и враждебные элементы», «двурушники», «открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии и государства», «перерожденцы, сросшиеся с буржуазными элементами», «карьеристы, шкурники и бюрократившиеся элементы», «морально разложившиеся», «не усвоившие программу, Устав и важнейшие решения партии»⁴⁷⁰. Данное решение было официально закреплено на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.).

Причины исключения коммунистов из Коми областной парторганизации строго соотносились с формулировками, определёнными высшими партийными директивами. Так, секретарь партколлегии ОКК, выступая на XIII облпартконференции (1934 г.), выделил следующие «болезни»: невыполнение директив партии и правительства, халатность при исполнении служебных обязанностей, связь с «чуждыми элементами», недисциплинированность, пьянство и др., на устранение которых и было обращено основное внимание ОКК. По сравнению с предыдущим периодом количество проступков увеличилось,

⁴⁶⁶ НА РК Ф. П-1. Оп. 1. Д. 201. Л. 76.

⁴⁶⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 89.

⁴⁶⁸ О чистке партии : постановление ЦК и ЦК ВКП(б) от 28.04.1933 // Правда. 1933. 29 апр.

⁴⁶⁹ Инструкция областным, районным и низовым комиссиям по чистке // Справочник партийного работника. Вып. 8. М., 1934. С. 295–298.

⁴⁷⁰ КПСС в резолюциях ... Т. 5. С. 98–103.

однако уменьшилось количество исключённых из партии. Так, если в 1932 г. из общего количества провинившихся исключили 50 %, то в 1933 г. – 32 %⁴⁷¹. Была провозглашена и стратегическая цель мероприятия: «В чистке мы будем выпячивать – как каждый коммунист выполняет авангардную роль партии»⁴⁷².

Период между 1934 г. и 1936 г. характеризуется дальнейшими изменениями в партийном строительстве. Так, во время проведения третьей «генеральной» чистки приём в партию не проводился. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 13 мая 1935 г. проводилась проверка партийных документов у членов и кандидатов партии, которую планировалось закончить к 1 февраля 1936 г., а очередной (четвёртый) их обмен провести с 1 февраля по 1 мая 1936 г. Во все партийные организации рассылались инструктивные документы, которые разъясняли порядок обмена партийных билетов образца 1926 г.⁴⁷³ Данные мероприятия позволяли вести персональный учёт и отслеживать движение членов и кандидатов ВКП(б) на основе учётной карточки члена или кандидата партии, которая имела единый с партийным билетом или кандидатской карточкой номер⁴⁷⁴. Проверка и обмен партийных документов дали возможность не только навести определённый порядок в учёте кадров, но и освободиться от так называемых «чуждых элементов». Окончание всех мероприятий по укреплению партийных рядов позволило возобновить приём в партию, который в соответствии со специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1936 г. можно было начинать с 1 ноября 1936 г.

Все указанные изменения не могли не затронуть работу Коми областной парторганизации по укреплению её кадрового состава. Например, пленум Коми обкома на одном из своих заседаний (8 сентября 1935 г.) рассмотрел вопрос «Итоги проверки партийных документов и задачи областной партийной

⁴⁷¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 201. Л. 54.

⁴⁷² Там же. Л. 54.

⁴⁷³ См.: Инструкция о порядке и технике обмена партийных билетов и других партийных документов. М., 1936.

⁴⁷⁴ См.: Инструкция об учёте членов и кандидатов ВКП(б): утв. ЦК ВКП(б) 21.06.1936. М., 1936.

организации», а на очередном заседании (29 марта – 1 апреля 1936 г.) – вопрос «О готовности областной партийной организации к обмену партийных документов». Внимание всех парторганизаций области было сосредоточено на завершении подготовительной работы и «образцовом» проведении данной кампании. Всего же за период с 1934 г. по 1936 г. и три месяца 1937 г. количество исключённых из облпарторганизации составило 36 % от её общего состава⁴⁷⁵.

Чистки, проверки и обмены партийных документов влекли за собой необоснованные исключения из партии, в том числе руководителей областного, городского, районных комитетов партии, рядовых коммунистов. Например, на III внеочередном пленуме Коми обкома (1–2 ноября 1937 г.) обсуждался вопрос «О работе по разоблачению и выкорчёвыванию врагов народа», где было заявлено, что решение февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) и указания И. В. Сталина о перестройке партийно-политической работы выполняются неудовлетворительно⁴⁷⁶. В результате «за вредную антипартийную установку данную... 1936 года о якобы законченной работе по разоблачению врагов» был освобождён от обязанностей секретаря Коми обкома А. А. Семичев⁴⁷⁷. Позднее данные ошибки были признаны, а некоторые дела пересмотрены партколлекцией и обкомом, что позволяло соответствующее постановление пленума ЦК ВКП(б)⁴⁷⁸. Например, на XV Коми облпартконференции (1938 г.) отмечалось, что в регионе допускались грубейшие политические ошибки, которые заключались в том, что «иногда били честных людей, [а] не тех, того кого следовало». Больше всего таких коммунистов выявили в Сыктывкарской городской, Удорской и Ижемской районных парторганизациях. Отмечалось, что «подобные же издевательства имели место и

⁴⁷⁵ Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1964. С. 163.

⁴⁷⁶ См.: Покаяние: мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 623–669.

⁴⁷⁷ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 315. Л. 67.

⁴⁷⁸ Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков : постановление пленума ЦК ВКП(б) от 11, 14, 18, 20.01.1938 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 303–312.

по линии колхозников, учительства и комсомола...»⁴⁷⁹. Однако, несмотря на проявленную в докладе самокритику, в Коми областной партийной организации продолжались разоблачения «врагов партии, врагов народа». По разным компрометирующим материалам были отстранены от работы секретари шести райкомов и 12 работников аппарата обкома⁴⁸⁰. После пленума Коми обкома (1–2 ноября 1937 г.) борьба за очищение лишь усилилась. Массовые репрессии отразились на судьбе партийных руководителей. Так, было сфабриковано дело о контрреволюционной деятельности возглавлявшего Коми обком ВКП(б) в 1932–1937 гг. А. А. Семичева, бывшего второго секретаря обкома Ф. И. Булышева и др. Они были арестованы, исключены из партии как «враги народа», приговорены к расстрелу. Виды нарушений и категории исключённых из рядов ВКП(б) соответствовали заявленным высшими органами директивам (табл. 9).

Таблица 9 – Число исключённых из партии от общего состава Коми областной партийной организации (1 июля 1937 г. – 1 мая 1938 г.)*

№	Виды нарушений	Чел.
1	Троцкисты, буржуазные националисты и правые	77
2	Имеющие связь с социально-чуждыми и враждебными элементами	61
3	За вредительство	45
4	Разложившиеся морально в бытовом отношении	44
5	За связь с врагами	28
6	За утерю партбилетов	10
7	Скрывшие при вступлении своё социальное происхождение	7

⁴⁷⁹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 314. Л. 20–21.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 38.

Таблица 9

8	Выходцы из чуждой и враждебной среды	4
9	Белогвардейцы	4
10	Жулики	3
11	Прочие	42
	Всего	325

*Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 315. Л. 68.

Из общего числа исключённых 235 чел. были членами партии и 90 чел. – кандидатами в члены. Как «врагов партии, врагов народа» исключили 6 членов обкома, 6 членов Президиума облисполкома, 11 председателей городского и районных исполкомов⁴⁸¹. «Враги партии, враги народа» также были обнаружены на предприятиях и в учреждениях республики, в различных отраслях производства и сельского хозяйства. Вместе с тем, анализируя данные за указанный период, следует отметить, что среди видов нарушений по-прежнему оставались морально-этические нарушения – вредителей и морально разложившихся в быту насчитывалось около 28 % от общего числа исключённых из Коми облпарторганизации. Различные злоупотребления властью и превышения должностных полномочий были типичны, поскольку увязывались с осуществлением хозяйственной деятельности. Коми регион не являлся исключением. Хищения, растраты, присвоение имущества и другие экономические преступления приравнивались к «вредительству», «диверсиям» и др. Репрессивные меры были направлены и на таких управленцев, кто преследовал свои корыстные интересы. Например, в начале 1930-х гг. из

⁴⁸¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 315. Л. 69.

680 исключённых из рядов соседней Кировской областной парторганизации 109 чел. (16 %) подверглись чистке, как «карьеристы-шкурники»⁴⁸².

В 1939 г. в системе партийного строительства произошли очередные изменения. На XVIII съезде ВКП(б) (1939 г.) были внесены изменения в Устав, а метод массовых чисток признан неэффективным. Однако работа по разоблачению и исключению «врагов партии, врагов народа», а также по другим категориям нарушений, на этом не закончилась. Если в период чистки 1929 г. «за вражеские действия правых, троцкистов, буржуазных националистов было исключено не большое количество, а исключены были главным образом за связь с чуждыми элементами, за пьянство, бытовое разложение и т.д.»⁴⁸³, то к 1939 г. результаты были следующими: исключено из партии: врагов народа – 11 чел.; за связь с врагами народа – 3 чел.; за потерю большевистской бдительности – 7 чел.; за обман партии и двурушничество – 2 чел.; за нарушение государственной и партийной дисциплины – 6 чел.; за бытовое разложение – 11 чел. и по другим причинам – 37 чел. Кроме того, за клевету исключили 4 чел., т. е. тех, кто по словам А. А. Жданова на XVIII съезде ВКП(б), нуждался в разоблачении⁴⁸⁴. В соответствии с резолюцией XVI облпартконференции по докладу обкома Коми областная парторганизация должна была продолжить очищать свои ряды от «троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических предателей, от неустойчивых и сомнительных элементов»⁴⁸⁵.

Таким образом, продолжавшиеся на протяжении всего исследуемого периода чистки партийных рядов прямым образом отражались на осуществлении кадровой политики в Коми автономии. Процесс формирования руководящего состава подобными инструментами нормативно закреплялся указаниями из Центра и подкреплялся соответствующими решениями региональных партийно-

⁴⁸² Бакулин В. И. Кадровые чистки 1933–1938 годов в Кировской области // Отечественная история. 2006. № 1. С. 149.

⁴⁸³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 333. Л. 113.

⁴⁸⁴ Там же. Д. 357. Л. 45.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 263.

государственных органов, в том числе Коми областными партконференциями. Виды нарушений, категории привлекаемых, причины, по которым проводились чистки, соответствовали заявленным требованиям, как и организация и проведение данных кампаний. На конференциях, проходивших в 1920-е г., делегаты одобряли проведение мероприятий по учёту и контролю кадров, поддерживали решения о чистках, приводили доводы и высказывали замечания, но в прениях выступали не более двух или трёх человек. Например, к числу недостатков относилось отсутствие плановости и системности в осуществлении кампании. Участники партфорумов считали, что в этот процесс необходимо вовлекать широкие партийные слои, проводить открытые разборы дел, приглашать в качестве заседателей членов партии «от станка и от сохи»⁴⁸⁶. Кроме того, они призывали «окончательно изжить существующий ещё у отдельных членов взгляд на контрольную комиссию как на карательный орган»⁴⁸⁷. Предлагалось также организовывать курсы по подготовке соответствующих работников, «раз остро стоит вопрос о чистке»⁴⁸⁸, привлекать к процессу бедняцко-батрацкие слои населения, чтобы избежать влияния кулаков на «правильность работы по чистке партии»⁴⁸⁹. Однако на конференциях 1930-х гг. никаких публичных обсуждений докладов, включающих сведения о чистках, и открытой реакции со стороны присутствующих не выявлено.

⁴⁸⁶ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 92–92об.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 93об.

⁴⁸⁸ Там же. Д. 109. Л. 159.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 165.

* * *

Анализ системы управления Коми автономией, проведённый во второй главе диссертации, показал, что важнейшее место в ней занимала областная партийная организация. В соответствии с уставами РКП(б)–ВКП(б) высшим органом являлась областная партийная конференция. Партийные форумы были той площадкой, на которой обсуждались планы стратегического развития региона не только в сфере политического управления, но и в области социально-экономических отношений. Поскольку партия взяла на себя многие функции государственного управления, то именно здесь принятым решениям придавалась официальность и обязательность к исполнению. С одобрения партийных органов запускались и механизмы кадровой политики. Если рассматривать статус делегатов областных партконференций с точки зрения определения понятия «элита», например данного Г. К. Ашиным: это «не просто те, кто обладает богатством, аристократическим происхождением или потенциалом власти, а являются действующими субъектами, оказывающими прямое или косвенное влияние на принятие важнейших решений»⁴⁹⁰, то, безусловно, среди участников находились представители всех групп региональной элиты, т. к. одним из признаков элитарности являлось членство в РКП(б)–ВКП(б). Однако партийный актив не обладал столь высокими социальными характеристиками, что было обусловлено спецификой региона. Поскольку рекрутирование проходило из местного крестьянского населения, то партийные устремления отрегулировать свой социальный состав за счёт активного вовлечения рабочих не приводили к кардинальным изменениям. Установки высших органов в этом направлении объективно не могли быть выполнены. Лишь высший руководящий состав Коми облпарторганизации соответствовал предъявляемым требованиям. В целом такая ситуация соотносилась с положением в других национальных регионах.

⁴⁹⁰ История отечественной элитологической мысли : энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. Ростов-н/Д; Астрахань, 2016. С. 490.

Одним из инструментов укрепления партийных рядов являлись чистки, которые проводились на протяжении всего исследуемого периода. Процесс очищения затронул и кадровый состав Коми областной партийной организации. Кампании проходили в строгом соответствии с принятыми директивами и политическими установками Центра. Значительные трансформации партийного аппарата, организованные высшей властью на территории Европейского Севера в начале 1930-х гг., позволили отстранить и областной руководящий состав от принятия стратегических решений для развития Коми региона.

ГЛАВА 3.

СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В КОМИ АВТОНОМИИ

§ 3.1. Формирование кадрового состава государственных органов и их аппаратов

В 1920–1930-е гг. в Советской России система государственного управления была структурирована и представляла централизованную форму управления, которая соотносилась с административно-территориальным делением. Нижний уровень представляли работники сельсоветов и волисполкомов, средний – районных советов и исполкомов, высший – областных структур, включая облисполкомы. В рамках такого «топографического подхода» государственные органы власти характеризовались определёнными механизмами рекрутирования служащих, их социальными характеристиками и др.⁴⁹¹ Номинально власть в стране принадлежала Советам, но их роль была скорее декларативной, чем действенной. Уже в начале 1920-х гг. партийные органы взяли на себя непосредственное исполнение функций государственной власти, а вопросы советского строительства решались на партийном уровне. Вместе с тем население вовлекалось в общественно-политическую жизнь своего региона через Советы.

На нижней ступени государственного управления находились сельсоветы, деятельность которых закреплялась различными нормативными актами⁴⁹². Для осуществления текущей работы формировался исполком, состоящий из председателя, его заместителя, секретаря и членов исполкома. На сельсоветы и их исполкомы возлагалось исполнение множества функций: административной,

⁴⁹¹ Мазур Л. Н. Сельская бюрократия в Советской России : штрихи к портрету // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 69.

⁴⁹² См., напр.: О сельских Советах : положение ВЦИК от 15.02.1920 // Известия. 1920. № 34; О сельских Советах : положение ВЦИК от 26.01.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 92; Положение об уездных, волостных и сельских Советах от 16.10.1924 // СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 827.

налоговой, статистической и др. Они отвечали за хозяйственное и культурное развитие территории, формировали бюджет. Однако их деятельность во многом зависела от районных властных структур. В числе главнейших проблем оставались сложные взаимоотношения с партийным аппаратом. На эффективность управленческой деятельности местных органов власти влияли и другие факторы. Так, основную часть работников составляли выходцы из крестьянской среды, чей образовательный уровень был достаточно низким, а это влияло на профессиональное исполнение должностных обязанностей. Кроме того, данный вид деятельности был непопулярен, поскольку отвлекал от «повседневных хозяйственных забот»⁴⁹³. На работе исполкомов сказывались и реформы административно-территориального деления. Увеличение численности населения административной единицы влекло за собой увеличение управленческого штата, что шло вразрез с директивами о сокращении государственного аппарата. Одним из способов выхода из сложившейся ситуации являлось увеличение штата технических работников. Волисполкомы и сельсоветы регулировали административную, хозяйственную, общественную работу. С 1925 г. они имели свои бюджеты. С середины 1920-х гг. при всех Советах были организованы секции: сельского хозяйства, культурно-просветительные, торгово-кооперативные, финансово-налоговые. Местные органы власти осуществляли сбор налогов, регистрировали акты гражданского состояния, выполняли некоторые нотариальные действия и др. Партия стремилась укрепить Советы выходцами из рабочей среды, бедняцко-батрацкими слоями населения и др., т. е. повлиять на их социальный состав. С этой целью проводились перевыборы депутатского корпуса в 1922 г., 1923 г., 1925 г., 1927 г., 1929 г., 1931 г., 1934 г., а также в 1939 г. после принятия Конституции СССР 1936 г.

⁴⁹³ Тропов И. А. Волостные исполкомы в первой половине 1920-х гг. : состав и повседневная управленческая деятельность // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни гражданского общества (XVIII–XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 14–16 марта 2013 г.). СПб., 2013. С. 139.

Второй уровень системы государственного управления составляли депутаты райсоветов во главе с председателем исполкома. В подчинении высшего должностного лица находились его заместители и руководители отделов. Аппарат райисполкома составляли такие отделы, как организационно-распорядительный, информационно-статистический, агитации и пропаганды и др. Кроме того, данному органу власти были подотчётны отделы внутренних дел, финансов, здравоохранения, соцобеспечения, народного образования и др. Отдельную категорию должностных лиц составляли уполномоченные райисполкомов, ответственные за связь с низовыми структурами. Высший уровень в иерархии советской системы управления был представлен областным исполнительным комитетом со схожим в структурном отношении аппаратом.

Как отмечалось ранее, ключевая роль в вопросах государственного устройства и формирования органов управления принадлежала партийным организациям всех уровней. Решением VIII съезда РКП(б) (1919 г.) официально было закреплено образование партийных фракций в советских органах власти, а в соответствии с Уставом РКП(б) партийные комитеты могли назначать «наиболее стойких и преданных» на управленческие должности. Кроме того, провозглашалось «безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой»⁴⁹⁴. Таким образом, взаимоотношения партийных и советских органов отражались на функционировании всей политической системы. На протяжении исследуемого периода проблемным оставался вопрос разграничения полномочий: с одной стороны, Советы являлись самостоятельным государственным органом, с другой – зависели от партийного руководства. Вопросы советского строительства рассматривались различными партийными структурами на всех уровнях. Например, на Коми областных партийных конференциях активно обсуждалось следующее: так называемая рационализация (т. е. реорганизация) государственного аппарата, проведение чисток, контроль за выполнением директив партии и правительства, подбор и

⁴⁹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 77.

расстановка руководящих кадров и др. Принятые партийные решения приходилось выполнять. Наиболее наглядно вмешательство парткомов в повседневную жизнь проявлялось на низовом уровне – в сельсоветах, что зачастую приводило к выяснению «кто главнее». Но если в начале 1920-х гг. такую ситуацию ещё можно было оправдать объективными причинами, то в дальнейшем «партийная позиция везде и во всём становится директивой»⁴⁹⁵.

Несмотря на имевшийся со стороны партийных органов контроль за деятельностью представительных органов, в 1920-е гг. осуществлять полное и всестороннее влияние на них не удавалось по ряду причин: сельские партийные организации были малочисленны и организационно слабы, советские кадры, так же, как и партийные, не имели необходимого управленческого опыта, их профессиональный уровень был низок и др. Существенные изменения в системе партийного руководства Советами и их исполкомами произошли после выборов 1934 г. Итогом избирательной кампании стало увеличение партийной прослойки в органах власти. В этом же году партийные фракции были преобразованы в партийные группы, а в парткомах стали создаваться советские отделы. Кроме того, секретари горкомов и райкомов партии должны были принимать участие в заседаниях исполкомов. Выборы депутатов местных Советов, проходившие 24 декабря 1939 г. по всей стране, продемонстрировали «решающую роль» коммунистической партии. Вся избирательная кампания находилась под руководством ВКП(б): сроки проведения, выдвижение кандидатов, агитационные мероприятия и др. В дальнейшем процесс сращивания партийных и советских аппаратов на всех уровнях привёл к тому, что первый секретарь парткома становился членом бюро исполкома, а руководитель органа власти – членом бюро комитета партии. Вместе с тем расширяя своё влияние на деятельность

⁴⁹⁵ Напалков А. Д. Место и роль КПСС в советской политической системе (1918–1991 гг.) (на материалах Коми областной коммунистической организации). Сыктывкар, 2011. С. 7.

исполкомов, партия «ревниво оберегала свои властные полномочия, полностью отстранив Советы от решения вопросов, имеющих политическое значение»⁴⁹⁶.

Официально формирование аппарата органов власти Коми автономии началось в июле 1921 г., когда Президиум ВЦИК утвердил состав облревкома. Однако впервые проблемы, связанные с организацией властных структур, были поставлены на I Всезырянском съезде коммунистов (1921 г.). Делегаты приняли решение, что государственный аппарат будет соответствовать нормам Конституции РСФСР и состоять из Советов депутатов, ЦИК и Совнаркома. Для управления делами участники съезда утвердили 11 наркоматов: внутренних дел с управлением почт и телеграфа и статбюро; юстиции; просвещения; здравоохранения; социального обеспечения; труда; продовольствия; финансов; земледелия; совета народного хозяйства с отделом путей сообщений; рабоче-крестьянской инспекции⁴⁹⁷. Высшим органом управления, как и в годы Гражданской войны, назначался Облревком, но его деятельность была временной. На местах создавались райревкомы со своим аппаратом управления: отдел внутреннего управления, транспортный, земельный и др.

Коми облревком 25 июля 1921 г. принял Положение о районных съездах Советов и их исполкомах, сроки созывов которых и порядок работы были зафиксированы в резолюции по докладу о советском строительстве на II Коми областной партийной конференции (1922 г.)⁴⁹⁸. Проходивший после его работы I съезд Советов определил руководящим органом региона Коми областной исполнительный комитет, который обладал всей полнотой власти между съездами Советов. Первым председателем Коми облисполкома был Д. И. Селиванов.

Коми облисполком руководил деятельностью всех расположенных на территории региона советских учреждений. Наиболее важные экономические,

⁴⁹⁶ Гаврилов С. О. Территориальные комитеты ВКП(б) и Советы депутатов трудящихся в 1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. Ч. II. С. 48.

⁴⁹⁷ Образование Коми автономной области : сб. документов Сыктывкар, 1971. С. 74.

⁴⁹⁸ Постановления Коми областных партийных конференций. (1–5). Вып. 1. Усть-Сысольск, 1929. С. 9–10.

социально-культурные вопросы развития автономии обсуждались на пленумах облисполкома, на которых в том числе избирались Президиум облисполкома, председатель, заместители, утверждались заведующие отделами и др. Текущая управленческая деятельность осуществлялась Президиумом. В его состав в обязательном порядке входил секретарь Коми обкома партии. Под пристальным партийным контролем находились вопросы формирования советского аппарата, кадровые вопросы. Так, состав членов облисполкома лоббировался коммунистической фракцией. На бюро обкома решались вопросы о замене его руководителей, заслушивались отчёты об исполнении указаний и распоряжений вышестоящих партийно-советских структур и др. По важнейшим политическим и социально-экономическим вопросам принимались совместные решения.

Состав Коми облисполкома выбирался на региональных съездах Советов. В 1920-е гг. это происходило ежегодно. Однако делегаты VI областного съезда (1927 г.) ходатайствовали перед ВЦИК об увеличении сроков созыва государственного органа до двух лет, мотивируя это тем, что частая сменяемость кадрового состава влияла на эффективность его деятельности. По мнению участников съезда, члены Коми облисполкома не успевали глубоко вникнуть в проблемы автономии за столь короткий срок своей работы⁴⁹⁹. В дальнейшем срок был увеличен до трёх лет.

Помимо выборных членов Коми облисполкома, функционировал его рабочий аппарат, численность которого менялась в зависимости от проходящих в разные годы кампаний по оптимизации штатной численности советских органов. Отдельными сферами жизни региона руководили отделы и управления, напрямую подчинявшиеся облисполкому. Кроме того, постоянными участниками Коми областных партийных конференций были начальники областного финансового отдела, областного отдела народного образования, областного отдела ГПУ–ОГПУ–НКВД, областного отдела РКИ, областного земельного управления и др.

⁴⁹⁹ Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 533.

Несмотря на большие организационные затруднения, советская система управления в Коми автономной области в целом сформировалась в первой половине 1920-х гг. С учётом существовавшего в этот период районирования в неё входили: Усть-Сысольский городской Совет, сельские, волостные и уездные съезды Советов, а также их исполкомы, Ненецкий райисполком и три тундровых Совета, областной съезд Советов и облисполком. Сельсоветы создавались в тех сёлах, которые находились на достаточном расстоянии от волости. Таким образом, в восьми волостях имелось два сельсовета, а в 24 волостях – по одному⁵⁰⁰. Коми облисполком возлагал на них «большие обязанности по хозяйственной работе и внедрению советской законности в деревне»⁵⁰¹.

После образования Северного края Коми облисполком отошёл от непосредственного подчинения ВЦИК и Совнаркому РСФСР. С 1929 г. его деятельность стала контролироваться Севкрайисполкомом. Функции органа власти и предметы его ведения закреплялись в «Положении о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах». И если в 1920-е гг. программы стратегического развития Коми автономии принимались съездами Советов и не подлежали каким-либо кардинальным изменениям, то в 1930-е гг. краевые органы власти могли скорректировать планы областного руководства.

Активное районирование северных территорий в 1928–1929 гг. позволило не только создать и контролировать новые партийно-государственные органы, но и заменить большую часть региональной элиты. Перестройка прямым образом отразилась на всей системе государственного управления. В период с 1 июня по 1 августа 1929 г. областной аппарат управления претерпевал организационные изменения, которые были связаны с вхождением Коми автономной области в состав Северного края. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 г.

⁵⁰⁰ История Коми с древнейших времён до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 332.

⁵⁰¹ Циркулярное письмо Коми облисполкома уисполкомам, волисполкомам, сельсоветам о введении в действие новых положений о местных Советах от 10.02.1925 // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 52–53.

определяло порядок взаимоотношений краевого и областного исполкомов между собой и с центральными органами власти⁵⁰². В соответствии с правовыми актами Коми автономия получала некоторую независимость от краевых органов в решении организационно-административных вопросов, а также народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, юстиции, земельного управления, местного хозяйства и бюджета, архивного дела. Однако в финансово-налоговых, трудовых вопросах, статистической отчётности и по работе органов РКИ и ОГПУ Коми облисполком должен был руководствоваться не только директивами Центра, но и крайкома. В процессе районирования Коми автономной области в 1929 г. вместо 95 волисполкомов, 40 сельсоветов и 4 уисполкомов были избраны 119 сельсоветов и 9 райисполкомов. На VIII областном съезде Советов (1929 г.) подводились итоги районирования. Было указано, что в новых границах области находятся 134 сельсовета, Усть-Сысольский горсовет и Нювчимский поссовет⁵⁰³. Некоторым изменениям подверглась структура Президиумов сельсоветов, расширились их полномочия, в основном связанные с гражданскими правоотношениями⁵⁰⁴. Новая реорганизационная кампания по ликвидации округов в 1930 г. повлекла за собой и ликвидацию партийно-государственных структур. Просуществовавшие около одного года аппараты вновь были упразднены, что позволило заменить и некоторые управленческие кадры.

Ранее отмечалось, что проблемы функционирования органов государственной власти Коми автономии и их аппаратов, формирования кадрового состава всегда рассматривались на высшем партийном уровне региона. Несмотря на то, что вопросы советского строительства стояли отдельным пунктом повесток дня только на I (1921 г.), II (1922 г.), III (1922 г.) и VIII (1926 г.)

⁵⁰² О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29.10.1928 // СУ РСФСР. 1928. № 137. Ст. 889.

⁵⁰³ История Коми с древнейших времён до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 333.

⁵⁰⁴ О правах сельских Советов в области в связи с завершением внутриобластного районирования : протокол заседания Президиума Коми облисполкома от 23.08.1929 № 5 // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 71–73.

партийных форумах, они всегда заслушивались в рамках отчётных докладов ОКК–РКИ. В 1920–1930-е гг. значительную роль в советском строительстве сыграл и сам орган партийно-государственного контроля. Первые попытки создания подобных органов были предприняты после Октябрьской революции 1917 г., и к началу 1920-х гг. в стране функционировал государственный, ведомственный и общественный контроль в форме рабочей инспекции. Во избежание дублирования функций было принято решение о создании единого органа – Наркомата РКИ⁵⁰⁵. К его основным задачам относились не только контроль за исполнением директив партии и правительства, борьба с волокитой и бюрократизмом, но и поиски рациональных и эффективных форм управления. Как подчёркивал В. И. Ленин, в задачи инспекции входило «не только и даже не столько «ловить» и «изобличать»... сколько уметь поправить»⁵⁰⁶. Однако уже со второй половины 1920-х гг. в деятельности этого органа «преобладала контрольно-карательная функция над ревизионно-инспекторской»⁵⁰⁷.

Партийный контроль осуществлялся контрольными комиссиями разных уровней, решение об образовании которых было принято на IX съезде РКП(б) в 1920 г.⁵⁰⁸ Состав и требования к членам КК определил X съезд РКП(б), а цели и задачи были закреплены в Положении о контрольных комиссиях, утверждённом на XI съезде РКП(б)⁵⁰⁹. В 1923 г. XII съезд РКП(б) одобрил решение февральского Пленума ЦК РКП(б) о создании объединённого органа партийного и государственного контроля, в том числе на местах⁵¹⁰. В 1924–1925 гг. была осуществлена его очередная реорганизация, а в дальнейшем появление в структуре таких элементов, как секции РКИ при сельсоветах, отряды «лёгкой кавалерии», группы содействия РКИ и др. Представительства КК–РКИ на местах

⁵⁰⁵ О рабоче-крестьянской инспекции : положение, утв. Декретом ВЦИК от 07.02.1920 // СУ РСФСР. 1920. № 32. Ст. 122.

⁵⁰⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 44. С. 127.

⁵⁰⁷ Юдин К. А. Организационно-правовые и идеологические основы деятельности комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934–1936 гг. // Вест. архивиста. 2013. № 1. С. 194.

⁵⁰⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 194.

⁵⁰⁹ Там же. С. 353–356.

⁵¹⁰ Там же. С. 408.

поддерживали связь с различными общественными организациями, средствами массовой информации и др. К формам участия общественности в осуществлении партийно-государственного контроля относились производственные совещания на промышленных предприятиях и экономические комиссии в учреждениях, временные контрольные комиссии, рабочие бригады и др.⁵¹¹ Но уже с этого времени сам контролирующий орган становится полностью подчинённым партийным комитетам, согласовывая всю свою деятельность.

Под руководством КК–РКИ прежде всего проводилась работа по совершенствованию структуры госаппарата и деятельности его работников. Если в первой половине 1920-х гг. орган контроля в основном изучал работу Советов, то в дальнейшем принимал участие в разработке структуры местных органов власти и его штатной численности. Кроме того, внимание заслуживали проблемы организации делопроизводства, учёта и отчётности, документирования управленческой деятельности. При непосредственном участии КК–РКИ осуществлялись чистки госаппарата, а также контролировался процесс выдвиженчества, тем самым решалась задача улучшения личного состава партии. Формирование самого органа контроля соответствовал общегосударственным тенденциям. При подборе кадров также применялся принцип выдвиженчества, что влияло на статус сотрудников КК–РКИ. Они принадлежали к своего рода привилегированной группе партактива. Официально в такой форме орган партийно-государственного контроля функционировал до 1934 г., пока решением XVII съезда ВКП(б) не были образованы Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Комиссия советского контроля при Совнаркоме СССР⁵¹².

В Коми автономии областная РКИ вошла в состав органов управления решением I Всезырянского съезда коммунистов (1921 г.). В дальнейшем, в соответствии с партийными директивами, было проведено её объединение с ОКК.

⁵¹¹ См., напр.: Чугунов А. И. Контроль в социалистическом государстве (1920 – начало 1930-х годов) // Вопросы истории. 1985. № 10. С. 95–107.

⁵¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 158–159.

На IV Коми облпартконференции (1923 г.) были поставлены задачи перед новым органом, утверждены его основные положения, установлены требования к составу комиссии и её членам, определён порядок отчётности перед вышестоящими организациями (например, Коми ОКК–РКИ отчитывалась перед областными партконференциями) и др. В целях продуктивной работы ОКК в уездах предлагалось организовать институт уполномоченных, инструктированием которых должны были заниматься члены ОКК. Все вместе несли ответственность за отдельные организации⁵¹³. Особо подчёркивалось, что члены КК не могут быть членами парткомов и занимать ответственные административные посты⁵¹⁴. В целях приближения соваппарата «к широким массам рабочих и крестьян» признавалось целесообразным создание ячеек содействия РКИ.

Как и другие партийно-государственные структуры Коми автономии, ОКК–РКИ испытывала огромный дефицит в кадрах. Вынося резолюции по отчётам данного органа, делегаты партийных форумов подчёркивали важность проблемы. Так, отсутствие должной связи и территориальная разбросанность подведомственных структур вынуждали просить ЦКК о привлечении к работе во всех уездах области платных уполномоченных ОКК–РКИ. Кроме того, значительный объём материалов, полученных при обследованиях, требовал усиления инспекторского аппарата квалифицированными кадрами, способными к аналитической работе⁵¹⁵. Вместе с тем ОКК–РКИ в числе других государственных органов вынуждена была подчиняться указаниям о сокращении административно-управленческих расходов. Например, в докладе «Работа ОКК–РКИ и перспективы рационализации госаппарата» на VIII Коми облпартконференции (1928 г.) сообщалось об уменьшении аппарата ОРКИ на 20 %⁵¹⁶. В то же время делегаты X Коми областной партийной конференции (1929 г.) потребовали в кратчайший

⁵¹³ Постановления Коми областных партийных конференций. (1–5). Вып. 1. Усть-Сысольск, 1929. С. 42–43.

⁵¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 2. С. 225.

⁵¹⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 93.

⁵¹⁶ Там же. Д. 72. Л. 55.

срок укомплектовать ОРКИ лучшими партийными силами, выделив не менее половины работников из числа членов ОКК⁵¹⁷.

Вхождение Коми автономии в состав Северного края повлекло за собой пристальный контроль за деятельностью областного органа со стороны краевой КК–РКИ. Так, выступая на XII облпартконференции (1932 г.), представитель КрайКК указал на недостатки в работе подведомственного учреждения. В своём докладе он призвал «умело сочетать мелочи и крупные вопросы», всем работникам «доказать на примерах конкретную полезность своей работы», а также добиваться исправления «искажённых директив партии и правительства»⁵¹⁸. На наш взгляд, подобные заявления скорее были связаны с возможностью продемонстрировать власть, нежели оказать реальную помощь.

В 1927–1928 гг. органами ОКК–РКИ была обследована вся система управленческого аппарата области, начиная от сельсоветов и заканчивая отделами Коми облисполкома. Процесс сопровождали сокращения штатной численности государственных учреждений. Установка XV съезда ВКП(б) об уменьшении административно-управленческих расходов на 20 % была перевыполнена – областной аппарат управления был сокращён на 27,9 %⁵¹⁹. Однако, как отмечалось на IX Коми облпартконференции (1929 г.), коренная реорганизация сельсоветов, волостных и уездных исполкомов была возможна лишь с проведением внутриобластного районирования⁵²⁰. Вхождение Коми автономной области в состав Северного края повлекло за собой реорганизацию областного управленческого аппарата. С 1 июня по 1 августа 1929 г. все штаты приводились в соответствие с окружной системой управления. Созванный в августе этого же года X партийный форум дал установку изучить опыт реорганизации и «проработать вопрос практического осуществления коренной реорганизации

⁵¹⁷ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 40.

⁵¹⁸ Там же. Д. 149. Л. 57.

⁵¹⁹ Там же. Д. 109. Л. 98.

⁵²⁰ Там же. Л. 106.

областного аппарата с 01.10.1930»⁵²¹. Дальнейшее укрепление системы райисполкомов и сельсоветов должно было произойти за счёт «жёсткого сокращения областного аппарата, минимум на 50 %»⁵²², в связи с чем устанавливалась новая структура соваппаратов на всех уровнях управления⁵²³. Однако, как признавала сама региональная элита, мероприятия по оптимизации штатной численности, массовые обследования и чистки всего областного аппарата сопровождала проблема выдвижения кадров и их профессиональная подготовка. Не имея возможности заменить «вычищенных», руководство часто было вынуждено оставлять на рабочих местах некоторую часть специалистов – «квалифицированных работников аппарата». Многочисленные обследования деятельности госаппарата, получивших название в партийно-государственной среде как его «рационализация», повлекли полномасштабную чистку областного аппарата управления, которая проходила с конца 1928 г. по начало 1931 г.

Процесс разукрупнения территорий середины 1930-х гг. повлиял на смену статуса Коми автономии. Функции высших органов государственной власти и предметов их ведения закреплялись в Конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г. Однако в связи с принятием Конституции СССР 1936 г. и Конституции Коми АССР 1937 г. изменилась структура органов государственной власти. В течение 1937–1938 гг. автономная область преобразовывалась в Коми АССР, а областные органы реформировались в республиканские. В этот же период государственная власть была поделена на две ветви: законодательную и исполнительную. Если в первой половине 1930-х гг. областной съезд Советов и Коми облисполком были высшими органами государственного управления, то с 1937 г. ими стали съезд Советов Коми АССР, Верховный Совет Коми АССР и Президиум Верховного

⁵²¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 38.

⁵²² О реорганизации областного аппарата : резолюция Пленума Коми облисполкома от 15.08.1930 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 202–203.

⁵²³ О структуре, штатах и ставках областного, районного, сельского соваппарата и горсовета в Коми автономной области в связи с реорганизацией областного аппарата и усилением РИКов и сельсоветов : протокол заседания Президиума Коми облисполкома от 01.09.1930 № 33 // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 79–80.

Совета Коми АССР. Таким образом, с принятием Конституции Коми АССР начался новый этап национально-государственного строительства.

Согласно ст. 22 Конституции СССР 1936 г. Коми автономная область была преобразована в Коми АССР. Представленная на всенародное обсуждение, Конституция Коми АССР была принята XI чрезвычайным съездом Советов 24 июня 1937 г. Политическую основу республики составляли Советы депутатов трудящихся. Верховный Совет Коми АССР как высший орган государственной власти избирал Президиум Верховного Совета Коми АССР и утверждал правительство – Совет Народных Комиссаров. После состоявшихся летом 1938 г. выборов на первой сессии Верховного Совета Коми АССР (26–29 июля 1938 г.) был избран Президиум Верховного Совета Коми АССР с постоянно действующими комиссиями (мандатной, бюджетной, законодательной), образовано правительство, утверждены наркоматы и управления.

В соответствии с Конституцией Коми АССР Верховный Совет Коми АССР выполнял законодательные функции, а высшим исполнительным и распорядительным органом являлся Совет Народных Комиссаров, подотчётный Президиуму Верховного Совета Коми АССР. Верховный Совет Коми АССР являлся постоянным органом власти. Депутаты избирались на четыре года. Работой сессий руководил председатель и два его заместителя. Свои полномочия высший орган государственной власти осуществлял на сессиях, которые созывались не менее двух раз в год. В период между сессиями постоянно работающим органом являлся Президиум Верховного Совета Коми АССР. К ведению Верховного Совета Коми АССР относились: установление Конституции Коми АССР и контроль за её соблюдением; установление административно-территориального деления; законодательство Коми АССР; утверждение народнохозяйственного плана и бюджета; управление промышленными, сельскохозяйственными, торговыми предприятиями и организациями республиканского значения, руководство местной промышленностью, контроль за управлением предприятий, подчинённых органам СССР и РСФСР,

государственных и местных налогов, сборов и неналоговых доходов; организация судебных органов; руководство и контроль за порядком пользования землёй, недрами, лесами и водами; руководство отраслями местного хозяйства и социально-культурными организациями и учреждениями. Совет Народных Комиссаров совместно с наркоматами и подведомственными ему организациями и учреждениями отвечали за решение задач хозяйственного и культурного строительства, руководили работой местных Советов. В состав СНК входили председатель, его заместитель и члены: наркомы земледелия, финансов, торговли, внутренних дел, юстиции, здравоохранения, просвещения, местной промышленности, социального обеспечения, начальники дорожного управления и управления по делам искусств, уполномоченного Наркомата заготовок СССР⁵²⁴.

Также, как и в партийной среде, к участию в работе Советов привлекались наиболее активные женщины. Безусловно, в первую очередь они входили в состав низовых органов власти. Если в 1923 г. в составе сельсоветов их насчитывалось 1,06 %, то в 1935 г. – 25 %; в составе райисполкомов 3,3 % и 23,7 % соответственно. В 1934 г. впервые на работу председателями сельсоветов были выдвинуты 12 женщин⁵²⁵.

Таким образом, организация советских органов власти в Коми автономии зависела не только от административно-территориального устройства региона, но и от направлений совершенствования системы государственного аппарата, официально закреплённых в партийных директивах. К основным инструментам формирования управленческих кадров можно отнести чистки, оптимизацию штатной численности аппаратов всех уровней и административно-управленческих расходов. Однако реорганизацию (или так называемую рационализацию) сопровождала серьёзная проблема отсутствия кадрового резерва. Кроме того, в системе государственного управления процесс формирования кадрового состава

⁵²⁴ Стенографический отчёт I-ой сессии Верховного Совета первого созыва. Сыктывкар, 1938. С. 97, 115–116.

⁵²⁵ О советском строительстве : доклад Коми облисполкома об итогах социалистического строительства за 1921–1936 гг. // НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 885. Л. 7.

на различных уровнях находился под пристальным контролем партийных структур. К середине 1920-х гг. он усилился и сводился к надзору за исполнением партийных директив, а органам партийно-советского контроля стала присуща репрессивная функция. Сталинские представления о политическом управлении как аппаратном управлении привели к тому, что роль коммунистической партии, как «ордена меченосцев», привела к формированию административно-командной системы управления. Страной управляли «фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства»⁵²⁶.

§ 3.2. Социальные характеристики руководящих кадров органов государственной власти

Призыв к активному советскому строительству повлёк за собой постановку очередной партийной задачи – сформировать качественный кадровый состав органов государственной власти. Подбор и расстановка кадров на важнейшие участки государственного управления в исторических условиях 1920–1930-х гг. складывались в так называемую номенклатуру кадров. Назначение на должности проходило в строгом соответствии с принципами расстановки руководящих работников и только по рекомендации партийных органов⁵²⁷. «Назначенчество» позволило сформировать номенклатуру из состава руководителей партийных и государственных органов управления, что нормативно закреплялось различными партийными документами⁵²⁸. Система учёта и распределения руководящих кадров распространялась и на выборные должности Советов, профсоюзов, кооперативных организаций и др. Это являлось основанием для «постепенного

⁵²⁶ Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 366.

⁵²⁷ См., напр.: Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.

⁵²⁸ См., напр.: О назначениях : постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 12.06.1923; О порядке подбора и назначения работников : положение Оргбюро ЦК РКП(б) от 16.11.1925; и др.

овладения большевиками всеми важнейшими для государства должностями в управлении, недопущение подбора руководителей самими ведомствами»⁵²⁹.

Однако назначение на должность не всегда соотносилось с уровнем компетенций и деловыми качествами претендентов. Данные переписи государственного аппарата позволяют охарактеризовать руководящий состав страны по ряду социально значимых параметров по состоянию на 1 октября 1929 г. Перепись охватила 825086 чел. различного уровня управления (примерно четверть от всего состава). К «общему» управлению были отнесены аппараты центральных и местных органов (исполкомы советов); к «ведомственному» – функциональные подразделения наркоматов, областные, окружные, районные исполкомы советов, хозяйственные ведомства; к «высшему» – главы центральных и местных органов управления⁵³⁰.

Среди высшего управленческого состава рабочих было 30,5 % в общем управлении и 21,6 % в ведомственном в целом по стране, а также 19,7 % – в областном, 20,5 % – в районном, 51 % – в окружном, 53,3 % – в управлении промышленными предприятиями. Служащих в общем управлении насчитывалось 18 % по стране. На низовом уровне, в самых многочисленных органах управления – районных исполкомах – 58,8 % относилось к крестьянам, а доля служащих составляла 13,8 %. Среди высшего управленческого персонала служащих было 74,6 % и 57,3 % среди областного. Количество рабочих в общем управлении доходило до 22,8 %, в ведомственном – 16 %, в областном – 9,9 %, в районном – 22,4 %, в окружном – 30,6 %. Образовательный уровень руководящих кадров соотносился с их социальным положением. Среди высшего персонала общего управления количество тех, кто имел диплом высшего учебного заведения, составляло 3,7 %, областного – 26,5 %, районного – 1,4 %, окружного – 6,9 %. На ведомственном уровне управления высшее образование имели 47,5 %

⁵²⁹ Пашин В. П., Воеводкина Е. В. От местничества к номенклатуре: история российского чиновничества // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. 2011. № 4. С. 177.

⁵³⁰ Гимпельсон Е. Г. Руководящие советские кадры: 1917–1920-е годы // Отечественная история. 2004. № 6. С. 65.

руководителей, большинство из них были служащими – 74,4 %. Среди высшего управленческого персонала общего уровня управления большинство имели начальное образование – 78,2 %, что соответствовало их социальному положению – около 80 % из них были рабочими и крестьянами. Подавляющее большинство руководителей местных органов управления имели начальное образование: в райисполкомах – 82,2 %, в окрисполкомах – 71,6 %⁵³¹.

Данные переписи, приведённые в масштабах страны, соотносятся с социальными характеристиками руководящего состава Коми автономной области–Коми АССР. Так, в состав высшего управленческого звена 1920–1930-х гг., входили те, кого можно отнести к советской (административной) элите региона: руководитель государственного органа управления – областного исполнительного комитета, его заместители, начальники отделов облисполкома, областных управлений и др.

В отличие от секретарей обкома партии, все председатели Коми областного исполнительного комитета были коми по национальности, уроженцами региона (прил. 10). Исключение составлял Ф. Г. Тараканов, возглавлявший высший исполнительный орган в 1930–1933 гг. Являясь одним из основателей государственности коми-пермяков, он сыграл заметную роль и в истории Коми автономной области–Коми АССР. Так, по предложению Коми обкома в 1929–1930 гг. он руководил областным земельным управлением, а впоследствии, с 1933 г. по 1937 г., стал заместителем начальника Северного краевого земельного управления⁵³². В его анкете участника XI Коми областной партконференции (1930 г.) в графе «национальность» было указано «пермяк», а уже на следующей конференции – «коми». Вероятно, занимаемая им должность председателя Коми облисполкома не позволила указать реальную национальную принадлежность.

⁵³¹ Гимпельсон Е. Г. Руководящие советские кадры: 1917–1920-е годы // Отечественная история. 2004. № 6. С. 65–66.

⁵³² Республика Коми : энциклопедия. Т. 3. Сыктывкар, 2000. С. 134.

Более половины председателей облисполкома по социальному положению были служащими, в то время как секретарей обкома – менее трети. Анализ архивных документов показал, что указанное в них социальное положение руководителей Коми автономии подвергалось изменениям. Например, первый председатель Коми облисполкома Д. И. Селиванов, являясь участником II и III Коми областных партийных конференций, проходивших в 1922 г., в графе «социальное положение» указал рабочий. Но будучи делегатом VI (1924 г.) и VII (1926 г.) партийных форумов и являясь в этот период секретарём Коми обкома партии, – служащий. В анкете делегата VI Коми областной партийной конференции (1924 г.) Е. М. Мишарина указано, что он крестьянин, а на VII (1926 г.) и VIII (1927 г.) – служащий. Сами же делегаты областных партконференций подчёркивали, что «пока основного костяка рабочего ядра не будет... особенно в руководящем составе – неизбежны шатания»⁵³³. Подобные трансформации несколько не соотносятся с выявленными изменениями социального положения представителей региональной элиты, но подтверждают наличие существовавшей в 1920–1930-е гг. тенденции «качественных» улучшений социального состава РКП(б)–ВКП(б), в т. ч. механическим путём.

Большинство председателей облисполкома имели среднее образование (44 %) и около трети – начальное. Как видно из архивных документов, за исследуемый период Е. М. Мишарин и Ф. Г. Тараканов смогли повысить свой образовательный уровень с начального до среднего. Так же, как и секретари обкома партии, председатели облисполкома, возглавлявшие его во второй половине 1930-х гг., двое имели высшее образование, что в известной степени было связано с проведением индустриализации, требовавшей назначения на руководящие посты не просто грамотных людей, а обладающих необходимыми профессиональными знаниями.

Социальный портрет заместителя председателя Коми облисполкома в целом не отличается от портрета руководителя государственного органа власти. Это был

⁵³³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 128. Л. 34.

тот, кто являлся коми по национальности, относился к категории служащих и имел среднее образование. В данной группе представителей региональной административной элиты также прослеживается тенденция изменения социального положения у одного и того же человека. Например, возглавлявший в 1921–1922 гг. обком партии Я. Ф. Потапов был выходцем из крестьянской среды, о чём указано в его анкете делегата II Коми областных партконференции. В середине 1930-х гг. он занимал должность заместителя председателя облисполкома, что повлекло смену социального положения: в регистрационных списках участников партийных форумов напротив его фамилии написано «рабочий». Судя по анкетным данным, заместитель председателя Коми облисполкома В. П. Юркин в период проведения II Коми областных партконференции (1922 г.) также был крестьянином, но, возглавив в конце 1920-х гг. исполнительный комитет, изменил свой социальный статус на служащего.

Сравнивая социальные характеристики руководителей высшего органа областного и краевого управления, нельзя не отметить, что, как и в случае с руководящим партийным составом, председатели (заместители) крайисполкома имели высшее или среднее образование и назначались из числа русских специалистов. Так, постоянным участником Коми областных партконференций был заместитель председателя Северного крайисполкома М. А. Цетлин, который уделял особое внимание развитию промышленности и сельскохозяйственному производству в Северном крае. Так же, как и большинство представителей кадровой элиты, он был признан «врагом народа» и расстрелян.

На партийных форумах низовой уровень органов государственной власти представляли, как правило, руководители волисполкомов, сельсоветов, райисполкомов, горсовета, а с 1938 г. – Печорского окружного исполкома. Анализ анкетных данных 81 чел. показал, что подавляющее большинство председателей исполкомов (87,7 %) были представителями коренной национальности. Однородный национальный состав был характерен для многих региональных

органов исполнительной власти, потому что соответствовал политическим установкам государства по «коренизации» советских аппаратов. При этом, изменения административно-территориального деления Коми автономной области в 1929 г. и, как следствие, увеличение количества исполкомов не повлияло на данный показатель (табл. 10).

Таблица 10 – Руководящий состав местных исполнительных комитетов по признаку «национальность»*

Период проведения, годы	Коми		Русские	
	чел.	%	чел.	%
1922–1929	21	87,5	3	12,5
1930–1940	50	87,7	7	12,3

* Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 59, 72, 113, 114, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360.

Вместе с тем прослеживаются изменения в характеристике их социального положения. Если до административной реформы 1929 г. это были крестьяне (66,7 %), то в дальнейшем более половины делегатов Коми облпартконференций относились к числу служащих (50,9 %). Представительство рабочего класса удерживалось в пределах от 25,9 % в 1920-е гг. до 10,5 % в период с 1929 г. по 1940 гг. (табл. 11). Как отмечалось выше, увеличение числа служащих во многом было связано с появлением новой категории «советской интеллигенции», появившейся в результате занятия бывшими представителями крестьянства руководящих должностей в аппаратах управления.

Таблица 11 – Руководящий состав местных исполнительных комитетов
по признаку «социальное положение»*

Период проведения, годы	Крестьяне		Рабочие		Служащие	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1922–1929	18	66,7	7	25,9	2	7,4
1930–1940	22	38,6	6	10,5	29	50,9

* Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 59, 72, 113, 114, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360.

В 1920-е гг. большинство председателей исполкомов имели начальное образование (90,4 %), что соответствует сложившейся ситуацией по стране в целом. Так, на апрель 1921 г. свыше 95 % руководителей исполкомов низового уровня обладали первоначальными знаниями⁵³⁴, в 1936 г. около 97 % председателей и секретарей сельсоветов РСФСР⁵³⁵. В 1930-е гг. в Коми регионе увеличилось количество тех, кто получил среднее образование, чему способствовали, например, открытие нескольких образовательных учреждений среднего звена или получение профессионального образования в учебных заведениях за пределами области. Однако доля тех, кто имел начальное образование, всё ещё оставалась значительной (табл. 12). По другим регионам прослеживается та же тенденция. Например, свыше 70 % председателей

⁵³⁴ Тропов И. А. Волостные исполкомы в первой половине 1920-х гг. : состав и повседневная управленческая деятельность // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни гражданского общества (XVIII–XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 14–16 марта 2013 г.). СПб., 2013. С. 140.

⁵³⁵ Винниченко, О. Ю. Становление советской бюрократии в условиях форсированной модернизации (на материалах Урала) / О. Ю. Винниченко // Юридическая наука и практика : проблемы теории и истории : сб. науч. статей. Курган, 2002. С. 74.

исполкомов местных органов власти Уральской области были малограмотными⁵³⁶.

Таблица 12 – Руководящий состав местных исполнительных комитетов по признаку «образование»*

Период проведения, годы	Начальное		Среднее		Высшее	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1922–1929	19	90,4	1	4,8	1	4,8
1930–1940	42	73,7	12	21,1	3	5,2

* Сост. по: НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 59, 72, 113, 114, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360.

Вместе с тем необходимость повышения образовательного уровня управленческих кадров вызывала озабоченность со стороны регионального руководства. Например, в 1940 г. Совнаркомом Коми АССР было вынесено постановление об организации обучения наркомов, их заместителей, начальников управлений при СНК Коми АССР, председателей райисполкомов⁵³⁷.

Среди председателей местных исполкомов были и женщины, чей социальный портрет в целом не отличается от обобщённой характеристики низового руководящего состава, в том числе партийных органов. Были обработаны анкетные данные Н. П. Анисимовой, М. И. Йоль, П. И. Уляшёвой, в разное время занимавших эту должность. Все они являлись представительницами

⁵³⁶ Винниченко, О. Ю. Становление советской бюрократии в условиях форсированной модернизации (на материалах Урала) / О. Ю. Винниченко // Юридическая наука и практика : проблемы теории и истории : сб. науч. статей. Курган, 2002. С. 73.

⁵³⁷ Органы исполнительной власти Республики Коми. Т. II. Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). Сыктывкар, 2007. С. 123.

коренной национальности, имели статус служащих, однако их образовательный уровень был разным – от начального до высшего.

В исследуемый период чаще других в работе партийных форумов принимали участие заведующие (их заместители) областным отделом народного образования, областным бюджетно-финансовым отделом и областным земельным управлением. Среди структурных подразделений Коми облисполкома особенно значимыми были финансовый отдел и земельное управление, т. к. от их работы зависели результаты развития всего региона. Будучи участниками областных партийных конференций, представители данной элитарной группы также становились причастными к принятию стратегических решений. Анализ архивных документов показал, что заведующие областными отделами в основном были представителями коми населения, служащими по своему социальному положению и имели начальное или среднее образование.

Так, в 1920–1930-е гг. областной отдел народного образования и областной финансовый отдел возглавляли представители коренной национальности, служащие по своему социальному положению. Исключение составлял лишь заведующий финотделом Н. И. Парамонов – участник IV Коми областной партийной конференции (1923 г.), русский по национальности и крестьянин по своему социальному положению. Что касается заведующих областным земельным управлением, то со второй половины 1930-х гг. этим учреждением руководили только те, кто был русским по национальности. Так же, как и коллеги, они имели статус служащих. Лишь на XVII Коми областной партийной конференции (1940 г.) среди делегатов присутствовал И. В. Ширшов – крестьянин по своему социальному положению.

Образовательный уровень руководителей областных отделов был различным. За весь исследуемый период только заведующие областным отделом народного образования имели образование не ниже среднего, а Н. А. Михеев – делегат XV Коми областной партийной конференции (1938 г.) – высшее. Две

трети руководителей финансового отдела и земельного управления имели лишь начальное образование.

Среди делегатов партийных форумов, проходивших с 1923 г. по 1934 г., были руководители ОКК–РКИ. Анализ социального портрета проводился по 12 представителям данного органа управления. Все они были представителями коренной национальности. Исключение составлял ответственный секретарь ОКК И. Я. Гединский, русский по национальности, присутствовавший на VI Коми областной партийной конференции (1924 г.).

Анализ анкет и регистрационных списков показал, что среди руководителей ОКК–РКИ служащих и крестьян было фактически равное количество. Исправления в документах прослеживаются и в этой группе. Так же, как и у других представителей политической элиты, выявлены изменения социального положения у одного и того же человека. Например, Н. С. Колегов принимал участие в работе двух конференций, проходившей в 1929 г., однако в первом случае в анкете делегата указано «крестьянин», а во втором – «служащий».

Среди руководителей ОКК–РКИ не выявлено ни одного, кто имел бы высшее образование. Половина представителей данного органа управления имела начальное или среднее образование.

К одной из групп административной элиты Коми автономной области–Коми АССР 1920–1930-х гг. следует отнести представителей ОГПУ–НКВД, прокуратуры, областного суда, военкомата и других сотрудников правоохранительных органов. Собранная из архивных документов информация позволяет дать социальную характеристику и сформировать их социальный портрет. Анализу подверглись персональные данные 95 чел., в разное время участвовавших в работе партийных форумов. Обобщённый социальный портрет различных представителей данной элитарной группы выглядит следующим образом: русский по национальности, служащий или рабочий по своему социальному положению, получивший начальное образование. Наиболее полные сведения имеются о работниках ОГПУ–НКВД и областной прокуратуры.

Представители этих правоохранительных органов на протяжении всего исследуемого периода были участниками партийных форумов. Выявлены данные и о сотрудниках лагерей системы ГУЛАГ, делегированных на Коми областные партийные конференции в 1939–1940 гг.

Социальный состав аппарата ОГПУ–НКВД жёстко контролировался партийными структурами. В исследуемый период этот государственный орган так же, как и другие, подвергался обследованиям, реорганизациям, чисткам, а при рекрутировании профессиональных кадров тоже использовался принцип выдвиженчества. Среди управленцев высшего и среднего звена доля рабочих и служащих была высокой, большинство имели среднее или высшее образование⁵³⁸. Чекисты Коми автономии обладали схожим социальным портретом, отличался лишь их образовательный уровень.

В 1920-е гг. на облпартконференциях присутствовали начальники областного отдела ОГПУ. Анализ анкет пяти руководителей показал, что все они были русскими. Исключение составлял Я. Я. Витол – латыш по национальности, делегат IX (1929 г.) и XI (1930 г.) Коми областных партийных конференций. Трое из пяти имели статус служащего, остальные – рабочего. Возглавлявший в первой половине 1920-х гг. областной отдел ОГПУ Л. Ф. Липовский, принимавший участие в работе облпартконференций, как и некоторые другие представители этого государственного органа, изменил своё социальное положение «крестьянин» на «служащий». Все руководившие областным отделом ОГПУ в указанный период имели начальное образование.

В 1930-е гг. в связи с изменениями административно-территориального деления Коми автономной области–Коми АССР численный состав руководителей ОГПУ–НКВД увеличился. С 1937 г. по 1940 г. на Коми областные партийные конференции от комитетов партии были делегированы не только начальники

⁵³⁸ См., напр.: Капчинский О. И. Социальный и партийный состав центрального аппарата ОГПУ в 1920-е годы // Российская история. 2007. № 1. С. 93–101.

Управления НКВД и их заместители, но и начальники районных отделений УНКВД. Анализу подверглись персональные данные 20 чел.

В целом социальный портрет представителей этой группы политической элиты не отличается от портрета возглавлявших данный государственный орган в 1920-е гг. Вместе с тем образовательный уровень руководителей Управления НКВД был выше: они имели среднее образование. Трое из четверых были русскими и один – Д. Г. Ковалёв – белорус по национальности. Служащих и рабочих среди них выявлено равное количество.

Социальный портрет начальников районных отделений УНКВД не отличается от обобщённого социального портрета руководящего состава ОГПУ–НКВД. Однако 43 % были представителями коренной национальности. Четвёртая часть руководства являлась выходцами из крестьянской среды. Пятеро коренных жителей, занимавших эту должность, находились в статусе служащего, один – рабочего. В основном это были представители районов, где преобладало коми население (Ижемский, Корткеросский, Сысольский и др.). Три начальника районных отделений УНКВД, имевшие статус служащего, были русскими.

Со второй половины 1930-х гг. в Коми регионе существенно расширилась лагерная система, что повлекло за собой увеличение представительства сотрудников системы ГУЛАГ на Коми областных партийных конференциях. В 1939–1940 гг. в составе делегатского корпуса были начальники лагерей и начальники политотделов лагерей. Социальный портрет данной группы политической элиты также не отличается от других руководителей правоохранительных органов: русский по национальности, служащий или рабочий по социальному положению, имеющий начальное образование.

Начальники политотделов Севжелдорлага и Ижемлага – делегаты XVII Коми областной партконференции (1940 г.) – были коми по национальности (11 %). Начальники политотделов Локчимлага, Устьвымлага, Ижемлага и начальник Ухтинского лагеря НКВД являлись крестьянами по социальному положению; последний был единственным, кто имел высшее образование.

Анализ персональных данных десяти руководителей прокуратуры–участников партийных форумов – показал, что русских среди них было абсолютное большинство. Исключение составлял представитель коренной национальности А. И. Михайлов, прокурор Коми автономной области, делегат X Коми областной партийной конференции (1929 г.). В середине 1920-х г. он возглавлял агитпропотдел Коми обкома партии. Однако заместители прокурора были коми. Из них по социальному положению рабочих и служащих выявлено равное количество (по 4 чел. из 10 чел.), два прокурора были крестьянами. Прокуроры Д. П. Репин и А. П. Неделяев имели высшее образование, треть их коллег – среднее, остальные – начальное.

Среди других представителей элиты правоохранительных органов были члены областного суда, начальники, их заместители и помощники политсекретариата областного военкомата. Анализ анкет и регистрационных списков участников Коми областных партийных конференций, состоявшихся в течение всего исследуемого периода, позволяет дать социальную характеристику 8 чел. Две трети из них принадлежали к коми национальности. По социальному положению крестьян и служащих было равное количество. Так же, как и у других делегатов Коми областных партийных конференций, проходивших в середине 1920-х гг., наблюдается тенденция изменения социального положения у одного и того же делегата. Например, у члена областного суда Е. В. Одинцовой в анкете участника VII Коми областной партийной конференции (1926 г.) указано «крестьянка», а в анкете VIII (1927 г.) – «служащая».

В целом социальные характеристики представителей данной группы политической элиты были неизменны. Это относится и к их образовательному уровню: большинство имели начальное образование, лишь один сотрудник областного военкомата Р. М. Терентьев смог повысить свой образовательный уровень и профессиональный статус. Являясь помощником начальника политсекретариата областного военкомата, в анкете делегата V Коми областной партийной конференции (1924 г.) в графе «образование» написано начальное, но

уже через полгода, участвуя на VI облпартконференции в ином статусе – статусе начальник политсекретариата, в данной графе указано среднее образование.

Что касается социального состава представительных органов государственной власти и управления, то в целом он мало отличался от состава партийных органов: большинство депутатов местного уровня были крестьянами. По итогам выборов в Советы к данной социальной группе относилось: в сельсоветах в 1923 г. – 89,4 %, в 1924 г. – 96,8 %, в 1926 г. – 97,0 %, в 1927 г. – 92,2 %, в 1928/1929 гг. – 94,4 %, в 1929 г. – 93,5 %, в 1930/1931 гг. – 92,8 %; в волисполкомах в 1927 г. – 89,9 %, в 1928/1929 гг. – 91,5 % к общему числу⁵³⁹. В уисполкомах и облисполкоме крестьян-депутатов было значительно меньше: выборы в 1928/1929 гг. показали, что на уездном уровне их число составляло 60,9 %, на областном – 37,8 %⁵⁴⁰.

Характеризуя состав служащих волисполкомов и сельсоветов, следует отметить, что подавляющее большинство, так же как и в партийных органах, имело лишь начальное образование. Отсутствие профессионального опыта, неумение планировать свою деятельность часто приводили к волоките, неисполнению директив вышестоящих органов и др. При этом задача проведения обследований низовых Советов при очередных выборах существенным образом не влияла на положение дел. Руководители региона признавали неудовлетворительную постановку работы с кадрами и принимали соответствующие распорядительные акты. В качестве мер улучшения ситуации предлагалось, например, организовать секцию по советскому строительству при областной совпартшколе⁵⁴¹, открыть шестимесячные курсы по подготовке работников для сельсоветов и одномесячные курсы по переподготовке, создать

⁵³⁹ Из отчётных материалов Коми облисполкома Северному крайисполкому о советском, хозяйственном и культурном строительстве к 10-летию Коми автономной области – об организационном укреплении и деятельности Советов // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 95.

⁵⁴⁰ История Коми с древнейших времён до XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 332.

⁵⁴¹ Резолюция совещания по докладу о задачах организационно-массовой работы Советов (авг. 1928 г.) // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 155.

кабинеты и уголки советского строительства, направить активистов горсовета, райисполкомов и сельсоветов на заочные курсы советского строительства при ВЦИК⁵⁴². Кроме того, Коми облисполком обязывал проводить систематические совещания с председателями и секретарями сельсоветов, организовывать их обучение по составлению учётно-отчётной документации, а также вводить заочное обучение управленцев и формирование кадрового резерва для выдвижения. Так, в 1933 г. из 20 чел. в Ленинградский институт советского строительства было направлено лишь 2 чел., в 1934 г. – ни одного, а в 1935 г. из 25 чел. выехали на обучение 6 чел.⁵⁴³ В 1936 г. закончили институт 4 чел.⁵⁴⁴ Орготдел облисполкома должен был систематически проверять учебные планы и количественно-качественный состав слушателей советского отделения областной совпартшколы. Указывая на преимущества заочного обучения, с весны 1936 г. во всех районах организовывались пункты обучения⁵⁴⁵. Проблема подготовки кадров для советских, судебных, хозяйственных, кооперативных организаций и учреждений особенно остро стояла во второй половине 1930-х гг. в связи с преобразованием Коми автономной области в Коми АССР и последовавшими изменениями всей системы управления.

Сформированный на основе Конституции Коми АССР 1937 г. состав представительных органов власти низового уровня отличался от предыдущего состава. В местных Советах значительно возросла доля служащих, особенно на районном и городском уровнях. Безусловно в государственных органах управления должны были работать люди с соответствующим уровнем профессионального образования. С этой точки зрения, наиболее подготовленные

⁵⁴² О перестройке работы Советов : постановление пленума Коми облисполкома от 12.01.1932 // Там же. С. 247.

⁵⁴³ О подготовке и переподготовке советских кадров : постановление Президиума Коми облисполкома от 13.11.1935 // НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 467. Л. 50–50об.

⁵⁴⁴ НА РК. Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 128. Л. 19.

⁵⁴⁵ Подготовка кадров (о заочном обучении) : постановление Президиума Коми облисполкома от 28.03.1936 // НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 476а. Л. 149–151.

депутаты выделялись в среде служащих – специалистов здравоохранения, образования и др. (табл. 13).

Таблица 13 – Депутатский состав местных Советов Коми АССР,
избранных 24 декабря 1939 г.*

Советы	Социальное положение, %			Образование, %		
	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Высшее	Среднее	Начальное
Районные	6,4	27,5	66,1	4,1	26,4	69,5
Городской	17,8	6,2	76,0	13,9	27,8	58,3
Сельские	5,3	65,6	29,1	1,3	8,2	90,5
Поселко- вые	16,2	10,8	73,0	8,1	51,4	40,5
Всего (включая Печорский окружной Совет)	6,0	58,0	36,0	2,2	11,9	85,9

*Сост. по: НА РК. Ф. 642. Оп. 3. Д. 13. Л. 4–5.

Заявленный курс на коллективизацию и индустриализацию способствовал вовлечению в партию руководителей различных предприятий, кооперативных организаций, колхозов, МТС и др. И если в составе делегатского корпуса Коми областных партконференций, проходивших в 1920-е гг., были в основном представители государственных общественных объединений, таких как профсоюзы, союз кооперативов, союз сельскохозяйственных и лесных рабочих и др., то в 1930-е гг. увеличивается число «хозяйственников». Исследование

анкетных данных некоторых представителей этого слоя управленцев также позволило выявить определённые тенденции.

Так, из 10 председателей колхозов абсолютное большинство были коренной национальности (70 %), крестьянами по социальному положению (90 %) и имели начальное образование (90 %). То же можно отметить и в отношении четверых участников партфрумов–директоров леспромхозов, трое из которых – коми, с начальным образованием. Однако их социальный статус был выше, чем у сельскохозяйственников – двое служащих и один рабочий. Социальный портрет директоров МТС существенно не отличается от их коллег. Руководители этих предприятий в основном назначались из местных коми жителей (80 %). Несмотря на то, что все директора имели начальное образование, большая часть из них принадлежала к категории служащих (60 %).

Между с тем несколько отличаются социальные характеристики руководителей крупнейших хозяйствующих на территории Коми региона субъектов, что является вполне закономерным. Были проанализированы анкетные данные 14 чел., в разные годы управлявших трестами «Комилес», «Комиавтогужтрест», «Комимаслопром», «Комипушнина», а также лесозаводами и лесосплавными конторами, кирпичным, консервным, чугунолитейным заводами и др. На данные руководящие должности были назначены менее трети (29 %) представителей коренной национальности. Большинство руководящих кадров принадлежало к числу рабочих (29 %) и служащих (57 %). Их образовательный уровень также не был высоким: с начальным образованием насчитывалось 64 %, со средним – 29 %, с высшим – 7 %.

Назначенчество, как неотъемлемая составляющая номенклатурной системы, способствовало постоянным кадровым перестановкам и не только в партийно-государственной среде. Показательным является пример Н. М. Карманова, уроженца Коми региона. Несмотря на своё начальное образование, он в течение 1927–1937 гг. управлял крупнейшими лесозаготовительными предприятиями Коми области и всего Северного края: трестами «Комилес», «Севлес»,

«Двинолес». Являлся членом Коми облисполкома, Коми обкома и Северного крайкома ВКП(б). Однако ни партийные, ни профессиональные достижения не уберегли его от необоснованных обвинений во вредительстве и расстрела⁵⁴⁶.

Таким образом, формирование управленческих кадров органов власти в Коми автономии проходило в соответствии с принципами, декларированными в партийных документах. Административная элита региона рекрутировалась в основном из представителей коренной национальности. Несмотря на это, руководящие кадры органов управления обладали более высокими социальными характеристиками, чем партийная элита. Так, в отличие от секретарей Коми обкома, большая часть председателей Коми облисполкома имела среднее образование. Значительная часть руководящего состава всех уровней управления по социальному положению принадлежала к служащим, однако депутатский корпус местных представительных органов власти формировался из крестьянского коми населения.

Обобщённый социальный портрет представителей элитарных групп правоохранительных органов имеет отличительную особенность – кадровые назначения происходили в основном из русских специалистов.

Что касается анализа социальных характеристик представителей хозяйствующих субъектов (хозяйственной элиты), то на должности председателей колхозов, директоров леспромхозов и МТС также в основном назначались коми, в то время как на должности руководителей трестов, заводов, лесосплавконтор–русские, большинство из которых являлись рабочими и служащими. Это подтверждает функционирование номенклатурной системы, которая охватывала все уровни и слои управления, в т. ч. в Коми автономии.

Одним из важнейших факторов, влиявших на формирование личности руководителя, являлось образование. В исследуемый период вопросам образования уделялось серьёзное внимание как со стороны высшего руководства Коми автономии, так и со стороны участников партийных форумов. На уровне

⁵⁴⁶ См., напр.: Репрессии в Архангельске : сб. документов и материалов. Архангельск, 1999.

региона предпринимались попытки повышения компетенции советских кадров, в том числе получение ими и партийно-политического образования. И если в 1920-е гг. основная часть управленцев имела начальное образование, то к концу 1930-х гг. некоторым из них удалось повысить свой образовательный уровень. В целом ситуация по подготовке и переподготовке профессиональных кадров была схожей с ситуацией в партийной среде.

§ 3.3. Проверки и чистки как методы реорганизации государственного аппарата

В начале 1920-х гг. партийные комитеты активно включились в государственное строительство, выдвигая на все посты «наиболее стойких и преданных членов». В соответствии с решениями XI съезда РКП(б) парторганизации должны были подбирать руководящих работников, чтобы обеспечивать «устойчивое руководство советскими учреждениями»⁵⁴⁷. Наиболее ярко проблемы разграничения функций парткомов и органов государственной власти высвечивались в системе подбора и расстановки управленческих кадров. Данная VIII съездом РКП(б) установка не смешивать функции партийных органов с функциями советских шла вразрез с требованием обеспечить устойчивое руководство советскими учреждениями и подбором руководящих кадров. Чтобы не быть уличёнными в давлении на советские структуры, партийные органы старались подчёркивать свою нейтральность к этому процессу. Например, в резолюции IV Коми областной партконференции (1923 г.) прямо указывалось, что «обком отказывался от повседневной опеки по линии: советской, профессиональной и кооперативной работы, давая лишь идейное направление

⁵⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 344.

через фракции, заслушивая их отчёты и принимая участие в разработке дальнейшего плана работ»⁵⁴⁸.

В системе работы с кадрами во второй половине 1920-х и в 1930-е гг. ключевое место занимали вопросы подбора и расстановки работников государственных органов, а также выдвиженчество как способ регулирования госаппарата. На высшем партийном уровне нормативно это закреплялось решениями съездов и конференций РКП(б)–ВКП(б). Так, в период с 1922 г. по 1932 г. вопросы формирования управленческих кадров обсуждались на восьми Коми облпартконференциях. К выполнению партийных директив активно привлекались органы КК–РКИ. В частности, им поручалось обследование государственного аппарата и участие в регулировании вопроса о выдвиженчестве. Кроме того, они имели право выносить постановления о запрете исполнять обязанности служащим организаций и учреждений, чья деятельность «вредит интересам рабочего класса»⁵⁴⁹.

Несмотря на то, что в вопросе улучшения госаппарата в качестве первоочередной задачи определялась «правильная и всесторонне поставленная система учёта и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций»⁵⁵⁰, признавалось, что работа по подбору работников в государственные органы в основном сводилась к «очищению государственного аппарата от негодных элементов»⁵⁵¹. Механизм избавления от «негодных» распространился на всю сферу государственного управления. Кроме того, полномасштабная чистка государственного аппарата в 1929–1932 гг. совпала по времени с очередной

⁵⁴⁸ Постановления Коми областных партийных конференций. (1–5). Вып. 1. Усть-Сысольск, 1929. С. 24.

⁵⁴⁹ О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций : постановление ЦИК и СНК СССР от 01.06.1929 // СЗ СССР. 1929. № 35. Ст. 313.

⁵⁵⁰ Резолюция XII съезда РКП(б) по организационному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 454.

⁵⁵¹ Резолюция XIV съезда ВКП(б) по отчёту ЦКК и РКИ // Там же. Т. 3. С. 254.

«генеральной» чисткой партии, что послужило «прелюдией и своеобразной репетицией» массовых репрессий, захлестнувших страну в конце 1930-х гг.⁵⁵²

Чистки сопровождались не только сокращением штатной численности и реорганизацией государственного аппарата, но и регламентировались официальными документами. Например, инструкцией по проведению чистки определялись её цели, задачи, а также порядок, сроки проведения, категории «вычищаемых» и др.⁵⁵³ Так, выделялись три группы лиц, к которым применялись соответствующие меры взыскания. К первой категории относились те, кто по результатам оценки их деятельности оказались «абсолютно вредны и исправление которых невозможно». Они отстранялись от работы без права трудоустройства. Вторую категорию составляли те, кого «вредно оставить на данной работе, в данном учреждении или местности, но которые могут быть использованы в другом учреждении, в другой местности». В третью категорию попадали лица, не соответствующие своему назначению и не способные быть руководителями, но которые при этом «могут остаться в данном учреждении на работе или которые могут поступить в другое учреждение, но не на ответственную работу»⁵⁵⁴. Для проведения процедуры «очищения» формировались специальные комиссии РКИ, а в соответствии с решениями XVI конференции ВКП(б) (1929 г.) к этой работе привлекались профсоюзы. Весь процесс должен был не только освещаться в прессе, но и проходить под пристальным общественным контролем «широких масс рабочих, крестьян и служащих»⁵⁵⁵. Несмотря на желание руководства страны провести чистку соваппарата «главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения»⁵⁵⁶, в результате наиболее незащищёнными и пострадавшими оказались «представители средних

⁵⁵² Киселёва Е.Л. Чистка государственного аппарата 1929–1932 годов // Российская история. 2009. № 1. С. 97.

⁵⁵³ Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата. М., 1929.

⁵⁵⁴ Шкловский Г. Чистка госаппарата и выдвижение. М., 1930. С. 12–13.

⁵⁵⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 473.

⁵⁵⁶ Там же. С. 473.

слоёв интеллигенции, а также крестьяне и выходцы из крестьян как носители мелкобуржуазной, так называемой «собственнической» психологии»⁵⁵⁷.

На организационном этапе становления Коми государственности областная парторганизация также активно взялась за формирование органов управления. Безусловно, данный процесс обсуждался и на высшем партийном уровне – региональных партийных конференциях. В начале 1920-х гг. при формировании органов управления в первую очередь необходимо было создать хозяйственный аппарат области, затем административный и культурно-просветительский. При отсутствии необходимых людей и материалов интенсивные темпы работы по организации соваппарата были невозможны. Пытаясь решить проблему нехватки кадров, облревком командировал на учёбу в вузы страны несколько человек. Признавалось, что областные аппараты отличались от центральных, но они были «с той автономией, тенденция которой была понятна коми народу», а имеющийся бюджет «строго определял состав каждого аппарата»⁵⁵⁸. Из «сконструированных» наибольшее значение отводилось Комиссариату труда, первоочередной задачей которого был учёт и распределение рабочей силы по всей области. Вместе с тем в деятельности органов управления наблюдался некий параллелизм. В связи с проведением новой экономической политики в целях согласования работ делегаты II облпартконференции (1922 г.) предложили пересмотреть структуру аппаратов и создать «новых гибких и вполне применимых в Области»⁵⁵⁹.

Следует отметить, что в прениях участники партфорумов высказывали свои предложения о решении проблемы, связанной с реорганизацией соваппарата. Так, по мнению одного из делегатов, бессистемная деятельность облревкома по укомплектованию кадрами привела к тому, что «в одном учреждении группировались лучшие работники, а другое страдало отсутствием таковых»⁵⁶⁰, в

⁵⁵⁷ Смирнова Т. М. Чистка соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. // Вест. РУДН. Сер. История России. 2009. № 3. С. 117.

⁵⁵⁸ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 10об–11.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 18.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 12об.

связи с чем предлагалось перевести аппараты на «хозяйственное положение» и сократить штат. Людей же, работавших в учреждениях «под рубрикой «незаменимые» и попавших под чистку, возвратить в область, если не встретится ущерба со снятием таковых с работы»⁵⁶¹. Предлагалось создать специальную комиссию по сокращению административных работников, но с учётом местных условий, и выработать план создания соваппаратов и сокращения штатов⁵⁶².

В дальнейшем процесс формирования и улучшения руководящего состава соваппарата, как «практическая задача дня», также требовал принятия соответствующих мер. На облпартконференциях также заслушивались отчёты ОКК–РКИ по вопросам эффективной работы органов управления. Но в некоторых случаях решения дублировали партийные директивы, вынесенные высшими органами. Например, в резолюции по отчётному докладу ОКК–РКИ на VII Коми облпартконференции (1926 г.), в целях «углубления работы» и руководствуясь решениями XIV съезда ВКП(б), указывалось, что региональные контролирующие органы при подборе работников в госаппарат главным образом занимались его очищением от антисоветских элементов. ОКК–РКИ поручалось при проведении обследования больше вовлекать в эту работу рабочих и крестьян, а также усилить борьбу с бюрократизмом и рационализаторскую работу⁵⁶³.

Со второй половины 1920-х гг. в Коми регионе начались полномасштабные мероприятия по реорганизации государственных органов управления. Прежде всего они заключались в массовой проверке личного состава. Особое значение придавалось выдвижению на руководящие посты лиц из числа рабочих. Несмотря на то, что эти вопросы вызывали большую озабоченность со стороны областной парторганизации, признавалось, что в области отсутствовали кадры, способные заменить «вычищенных». Так же сложно выполнимой для Коми оставалась

⁵⁶¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 18об.

⁵⁶² Там же. Л. 19.

⁵⁶³ Там же. Д. 59. Л. 92.

директива о привлечении к активному участию в этом процессе рабочих, количество которых в регионе было недостаточным.

По директиве объединённого Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г. реорганизация госаппарата увязывалась с сокращением административно-управленческих расходов на 20 %. Результаты этих мероприятий были доложены на VIII Коми облпартконференции (1927 г.). Были упразднены органы социального обеспечения, функции которых передавались финансовым органам; частично была изменена структура облисполкома, облздрава, финорганов, административных отделов, торготдела и уисполкомов, а областная плановая комиссия реорганизована в планово-консультационную часть при облисполкоме. Произошло сокращение штатной численности административного аппарата: административный отдел – на 42,8 %, уездные административные отделы – на 37,5 %, облздравотдел – на 14,3 %, прокуратура – на 14,6 %, ОРКИ – на 20 %, отдел труда – на 35 %, торготдел – на 30,4 %, уездные земельные управления – на 24,4 %, финорганы – на 44,6 %⁵⁶⁴. Как заявил сам докладчик, такое сокращение «вполне отвечает взятому курсу партией», однако дальнейшее сокращение госаппарата приведёт к необходимости по-новому районировать область⁵⁶⁵.

Руководство Коми автономной области неуклонно исполняло директивные указания ЦК и ЦКК ВКП(б) по проведению чистки и улучшению деятельности госаппарата. Его засорённость «социально чуждыми элементами» потребовала проведения в 1928 г. досрочной чистки. Было проверено 1012 служащих в 52 учреждениях. В результате вычищенными оказались 162 чел. Данная чистка проходила без привлечения населения и без проверки работы соваппарата, так называемым «кабинетным путём»⁵⁶⁶.

⁵⁶⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 72. Л. 55.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 55.

⁵⁶⁶ Из отчётных материалов Коми облисполкома Северному крайисполкому о советском, хозяйственном и культурном строительстве к 10-летию Коми автономной области – об организованном укреплении и деятельности Советов // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 88.

На проходившей 4 февраля 1929 г. Всесоюзной конференции административно-советских служащих был сделан доклад о предстоящей кампании по проверке и чистке управленческих кадров. В нём указывалось, что привлечение рабочих к управлению государством в дальнейшем повлечёт перестройку всего государственного аппарата. Решение новой политической задачи было одобрено на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. К этому времени в некоторых регионах страны началась чистка состава служащих. В результате проведённых в 34 губерниях и округах отдельных чисток аппаратов было проверено свыше 100 тыс. чел., из них по различным признакам вычищено 18.041 чел., в том числе: за бюрократизм – 485 чел., за растраты и взятки – 689 чел., как социально чуждый элемент – 7.181 чел.⁵⁶⁷

В конце 1928 – начале 1929 гг. по всей Коми области проходила чистка советского аппарата от «враждебных и морально разложившихся элементов». Кроме того, велась постоянная борьба с бюрократизмом и волокитой. Следуя указаниям высших партийных органов, во всех организациях обсуждалось обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» о развёртывании критики и самокритики «не взирая на лица». Этим событиям предшествовали заседания областных партийных органов. Например, на III пленуме Коми обкома и пленуме ОКК ВКП(б), проходившем в июне 1928 г., были поставлены задачи «фактического проведения в жизнь директив партии». Отмечалось, что со стороны партийных органов выдвижение осуществлялось медленно, имели место случаи, когда происходило перемещение с одного места на другое, что противоречило постановлениям центральных органов. Указывалось, что предстоящие выборы Советов поспособствуют «освежению аппарата». Пленум призвал подбирать на советскую и другую работу лучшие

⁵⁶⁷ Лебедь Д. Укрепление аппарата пролетарской диктатуры. Проверка и чистка состава советских служащих. М.; Л., 1929. С. 12–13.

кадры из бедняцко-средняцкой среды, пролетариата и полупролетариата⁵⁶⁸. Несмотря на принятые меры по сокращению административно-управленческих расходов и «значительные достижения» (сокращение структурных подразделений учреждений на 27 %; сокращение штатной численности с 1301 чел. до 949 чел.), Пленум ОКК ВКП(б) сделал вывод, что директива партии и правительства оставалась невыполненной. Данное заявление основывалось на результатах обследования ОРКИ семи учреждений, где сокращение произошло на 6,84 %⁵⁶⁹.

В целях закрепления достигнутых результатов пленум вынес соответствующее постановление. В частности, предлагалось изменить всю систему управленческого аппарата: упростить его структуру и функции, сократить отчётность, упразднить отделы в уисполкомах, уменьшить количество ведомственных заседаний и комиссий. Данные мероприятия позволили бы удешевить госаппарат, ликвидировать параллелизм в работе. Предлагалось увязать весь процесс с новым районированием области. Кроме того, в качестве механизма «оздоровления» управленческого аппарата предлагалось проводить «более решительную чистку аппарата от бюрократических и социально чуждых элементов, заменяя их выдвиженцами из рабочих и крестьян», что повлияло бы в том числе на улучшение качественного состава служащих⁵⁷⁰.

Итоги массовой проверки соваппарата обсуждались на Бюро обкома ВКП(б) в феврале 1929 г. и были вынесены для их закрепления на IX Коми облпартконференцию в марте 1929 г. На партийном форуме в специальном разделе доклада обкома «Чистка советского аппарата» прозвучали принципы, в соответствии с которыми осуществлялась проверка: социальное положение, преданность советской власти, активная общественная работа, элементы бюрократизма и разложения, соответствие занимаемой должности.

⁵⁶⁸ Резолюции третьего пленума Коми обкома и пленума ОКК ВКП(б) (1–9 июня 1928 г.). Усть-Сысольск, 1928. С. 16–17.

⁵⁶⁹ Там же. С. 28–29.

⁵⁷⁰ Там же.

Подчёркивалось, что «все эти принципы вместе взятые дают достаточно верный критерий для очищения наших аппаратов»⁵⁷¹.

Массовой проверке и чистке соваппарата в декабре 1927 – феврале 1928 гг. предшествовала столичная проверка в г. Усть-Сысольске. Её поручалось провести руководителям учреждений без вынесения соответствующего постановления коллегии ОКК–РКИ. Увольнению подлежали 50 чел. В результате уволены были только 25 чел., которые «обратно рассосались по нашим учреждениям», что послужило основанием поставить вопрос о чистке «уже более резче»⁵⁷². В дальнейшем проверка и чистка соваппарата проводилась в г. Усть-Сысольске, Сысольском, Усть-Вымском и Ижмо-Печорском уездах. Всего было обследовано 27 учреждений, 845 чел., из них: рабочих – 39 чел., крестьян – 540 чел., служащих – 123 чел. и социально чуждых элементов – 143 чел. (или 16,9 %) ⁵⁷³. Помимо «кампанейской чистки», в указанный период ОРКИ проводила плановые работы по вычищению служащих из различных учреждений и организаций. В результате было предложено уволить 169 чел., из них: как бюрократический, разложившийся элемент – 38 чел., как социально чуждый элемент – 131 чел.⁵⁷⁴ При организации и проведении чистки проверяющими были выявлены следующие «ошибки»: партийные ячейки и профсоюзы в большинстве своём остались безучастными к этому мероприятию, отсутствовали «ясные и твёрдые» указания по отдельным ведомствам, прокуратура давала «сбивчивые, запутывающие нас директивы», а от Наркомтруда не было вообще никаких указаний⁵⁷⁵.

Однако признавалось, что после увольнения специалистов их нечем было заменить: «Чистке должна была предшествовать работа по подготовке кадров и выдвижению, иначе чистка будет в холостую, в пустую... Нужно сделать решительный перелом в этом деле, взяться серьёзно за действительную

⁵⁷¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 48.

⁵⁷² Там же. Л. 90.

⁵⁷³ Там же. Л. 91.

⁵⁷⁴ Там же. Л. 92.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 91.

подготовку и действительное выдвижение рабочих, батраков и бедняков в деле управления»⁵⁷⁶. Таким образом, при имеющемся дефиците кадров в целом по области партийные структуры испытывали значительные затруднения при исполнении директив вышестоящих органов. Но директива о сокращении административно-управленческих расходов на 20 % была выполнена: если в 1926–1927 гг. штатная численность местных бюджетных учреждений достигала 902 чел., областных государственных бюджетных учреждений – 388 чел., то в 1927–1928 гг. произошло их сокращение на местном уровне до 652 чел. (или на 27,8 %), на областном – до 279 чел. (или на 28,1 %) ⁵⁷⁷. В качестве задач по улучшению госаппарата ставились: чёткое разграничение функций, как отдельных исполнителей, так и структурных подразделений и учреждений в целом; достижение плановости в работе; упрощение бухгалтерского и оперативного учёта; упорядочение делопроизводства и др.⁵⁷⁸

Обследование всей системы управленческого аппарата Коми области в 1927–1928 гг. позволило сделать ряд выводов и в отношении его нижнего уровня – сельсоветов, волисполкомов и уисполкомов. На IX Коми облпартконференции (1929 г.) указывалось, что коренная реорганизация этих «звеньев управленческого аппарата» возможна только с проведением внутриобластного районирования, поскольку до настоящего времени они не отвечали основным принципам административно-хозяйственного устройства⁵⁷⁹. На наш взгляд, эти заявления были основаны на неизбежности вхождения Коми автономной области в состав Северного края и невозможности отстаивания своих территориальных интересов. Поскольку в этом процессе важная роль отводилась органам контроля, то на X Коми облпартконференции (1929 г.) было принято решение об организации секций РКИ во всех райисполкомах и крупных сельсоветах⁵⁸⁰ и укомплектовании

⁵⁷⁶ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109. Л. 91.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 98.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 100.

⁵⁷⁹ Там же. Л. 106.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 38.

оперативного персонала «лучшими партийными силами, выделив не менее половины работников из числа членов ОКК»⁵⁸¹.

На основе директив высших партийно-государственных органов, в частности решения XVI Всесоюзной партийной конференции (1929 г.)⁵⁸² и постановления ЦИК и СНК СССР⁵⁸³, была продолжена проверка и чистка управленческого аппарата местного уровня. В Коми автономии предполагалось завершить этот процесс в 1930 г.⁵⁸⁴ В целом работа по проверке и чистке областного госаппарата привела к тому, что с 1929 г. по 1 мая 1931 г. были вычищены 641 чел.: за бюрократизм и волокиту – 295 чел. (46,0 %); за искривление классовой линии – 201 чел. (31,0 %); в целях орабочения аппарата – 87 чел. (13,5 %); за вредительство и саботаж – 58 чел. (9,5 %)⁵⁸⁵. За весь период чистки было снято с занимаемых должностей 782 чел. (14 % от всего числа служащих)⁵⁸⁶. Она затронула не только соваппарат, но и различные государственные хозяйствующие учреждения в целях проверки исполнения плановых показателей в области лесозаготовок и проведения коллективизации. В целом по стране кампания превратилась в полномасштабное политическое мероприятие. Результаты по Коми соотносились с другими регионами. Например, за 1929–1930 гг. в Челябинском округе было вычищено 19 % от всего числа служащих, в т. ч. за бюрократизм – 9,5 %, извращение классовой линии – 9,5 %, растрату – 19 %, пьянство – 19 %. В Пермском округе в числе вычищенных

⁵⁸¹ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 40.

⁵⁸² Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом : резолюция XVI Всесоюзной конференции ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 4. С. 222–238.

⁵⁸³ О чистке аппарата государственных органов кооперативных и общественных организаций : постановление ЦИК и СНК СССР от 01.06.1929 // СЗ СССР. 1929. № 35. Ст. 313.

⁵⁸⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 38.

⁵⁸⁵ Из отчётных материалов Коми облисполкома Северному крайисполкому о советском, хозяйственном и культурном строительстве к 10-летию Коми автономной области – об организованном укреплении и деятельности Советов // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 89.

⁵⁸⁶ Об итогах чистки госаппарата и выдвижении на руководящую работу рабочих, колхозников и бедноты : постановление Президиума Коми облисполкома от 15.08.1931 // НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 338. Л. 4–5.

оказалось 20,9 % от всего числа вычищенных, в т. ч. за извращение линии партии – 31,6 %, пьянство – 30,9 %⁵⁸⁷. Дальнейшая реорганизация областного управленческого аппарата должна была пройти «по принципу опытно-показательных округов», а работа Коми облисполкома перестроена «в сторону усиления директивно-планового руководства и передаче оперативных функций райисполкому, горсовету и сельсоветам»⁵⁸⁸. Кроме того, ставилась задача сократить аппарат минимум на 50 %, и как минимум 90 % освобождённых в результате реорганизации направить в районы и сельсоветы⁵⁸⁹.

В соответствии с резолюцией X партийного форума (1929 г.) по отчётному докладу ОКК–РКИ вся ответственность за состояние совapparата возлагалась на партийные ячейки и руководителей учреждений. Для усиления «руководящей роли» коммунистов парткомам и ОКК–РКИ предлагалось периодически созывать специальные совещания по вопросам улучшения госаппарата⁵⁹⁰. В целом облпартконференция постановила «проработать вопрос практического осуществления коренной реорганизации областного аппарата» с 1 октября 1930 г., изучив при этом опыт реорганизации окружных аппаратов управления. Кроме того, за счёт ликвидации ряда отделов облисполкома предлагалось укрепить районные и сельские аппараты⁵⁹¹. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, партийное руководство области посчитало, что прямое указание XVI Всесоюзной партконференции по борьбе с бюрократическими извращениями госаппарата «не нашло должного отражения в работе Коми организации по проведению чистки аппарата»⁵⁹². Таким образом, полномасштабные чистки были продолжены.

⁵⁸⁷ Камалова Г. Т. Методы дисциплинарного воздействия в кадровой политике ВКП(б) // Вест. ЮУрГУ. Сер. Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 23.

⁵⁸⁸ Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 202.

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 114. Л. 39.

⁵⁹¹ Там же. Л. 38.

⁵⁹² Резолюция Пленума ОКК по докладу о предварительных итогах чистки советского аппарата // Резолюции II объединённого пленума Коми обкома и ОКК ВКП(б) (7–10 октября 1929 г.). Сыктывкар, 1929. С. 41.

Но взаимосвязанные между собой процессы чистки – выдвижения не находили «конкретного руководства». Само выдвижение проходило «без подготовки, как попало, чтоб только выдвинуть». К этому времени было выдвинуто 57 чел., в то время как в результате борьбы с засорённостью аппарата «разогнано»: за бюрократизм и волокиту – 70 чел.; за нарушение классовой линии – 79 чел.; за саботаж и вредительство – 28 чел.; за взятки – 42 чел.; за пьянство и аморальное поведение – 96 чел.; за воровство – 17 чел.; по другим причинам – 55 чел.⁵⁹³ В результате проверок и чисток госаппарата резко обострялась проблема выдвижения кадров. Так, в 1929 г. лишь пятеро было направлено на краевую работу, в 1930 г. в областной и районный аппараты – более 100 чел. По итогам проведённых в 1930 г. курсов повышения квалификации количество выдвиженцев на руководящую работу составило 211 чел., в том числе 20 чел. – на областную⁵⁹⁴.

В начале 1930-х гг. реорганизация управленческого аппарата Коми области была связана в том числе и с борьбой с «национал-шовинизмом». Перед ОКК–РКИ ставились определённые цели: «самокритикой выявить идеологию национал-шовинизма и перевооружить организации с идеологической точки зрения; заново составить систему работы организаций, которая была основана на национал-шовинизме; исправить нарушения линии партии в работе колхозов и других организаций...»⁵⁹⁵. Но, как признавался делегатам XI партийного форума (1930 г.) руководитель ОКК–РКИ Ф. Н. Ильчуков, эти цели были «плохо достигнуты», хотя ранее борьба с национал-шовинизмом велась «более успешно». Кроме того, многие понимали её как кампанию с целью замены отдельных руководителей, а проводить надо было «в самом деле от всего сердца» и «не подражать центру»⁵⁹⁶.

⁵⁹³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 128. Л. 48.

⁵⁹⁴ Из отчётных материалов Коми облисполкома Северному крайисполкому о советском, хозяйственном и культурном строительстве к 10-летию Коми автономной области – об организованном укреплении и деятельности Советов // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. Сыктывкар, 1988. С. 89.

⁵⁹⁵ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 128. Л. 48.

⁵⁹⁶ Там же.

Таким образом, Коми облпартконференция постановила улучшить «качество» дальнейшей чистки. Подобная задача ставилась и на II Северной краевой конференцией ВКП(б), состоявшейся буквально через неделю после завершения работы областного партийного форума⁵⁹⁷.

На рубеже 1920–1930-х гг. работа с кадрами регулярно контролировалась краевым партийным руководством. Так, отмечая крупные недостатки в деятельности Коми областной парторганизации по руководству соваппаратом, Президиум Северной КрайКК вынес постановление, в котором указывалось на «совершенно неудовлетворительную» работу по выдвижению в аппарат рабочих и батраков, а также на невыполнение директивы об уменьшении административно-управленческих расходов. Более того, произошло увеличение расходов до 30 % в сравнении с 1929 г. В целях активизации работы по реорганизации госаппарата было предложено создать пять секций ОРКИ в районах и сельсоветах, а также ввести штат уполномоченных ОКК–РКИ в основных районах области за счёт местного бюджета⁵⁹⁸.

Однако замешанная на процессах нового районирования и перманентных реорганизациях партийного и советского аппарата кадровая политика Центра, нормативно усиленная решениями XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), привела к ещё большему увеличению числа управленческих кадров Северного края за счёт кадров окружкомов, райкомов, горкомов, а также государственных учреждений и организаций. На заседании 1 сентября 1930 г. Президиум Коми облисполкома утвердил структуру, штат и ставки для областного, районного и сельского аппаратов и горсовета на 1930/1931 гг. в связи с реорганизацией областного аппарата и усилением райисполкомов и сельсоветов. Было дано поручение «проработать вопрос» об укомплектовании работниками областных инспекций и направлении работников реорганизуемых отделов для укрепления районного и

⁵⁹⁷ За большевизацию Коми парторганизации (сб. постановлений Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI Облпартконференции). Сыктывкар, 1930. С. 54.

⁵⁹⁸ Там же. С. 3, 8–9.

сельского аппаратов. Вместе с тем отмечалось, что директива вышестоящих органов о сокращении административно-управленческих расходов в связи с реорганизацией не была выполнена. Несмотря на сокращение по областному аппарату штатных единиц на 48,7 % и фонда заработной платы на 39,2 %, содержание управленческого аппарата увеличилось на 21,7 %⁵⁹⁹. Президиум облисполкома совместно с ОРКИ продолжил работу по перестройке соаппарата и выдвиженчеству. Несмотря на то, что проверка – чистка в целом прошла при недостаточном участии трудящихся, XII Коми облпартконференция (1932 г.) подтвердила, что чистка советского и хозяйственно-кооперативного аппарата «от всех неугодных, классово чуждых, вредительских и разложившихся элементов... нанесла серьезнейший удар по бюрократизму и повысила роль советско-хозяйственного аппарата в деле борьбы за генеральную линию партии»⁶⁰⁰.

Дальнейшие мероприятия по реорганизации госаппарата основывались на решениях XVII съезда ВКП(б) (февраль 1934 г.) и были связаны с очередными изменениями в системе районирования (ликвидация округов), разукрупнением наркоматов, главных управлений, трестов и как следствие – проведением чистки и сокращением штатной численности. Кроме того, предлагалось ликвидировать функциональную систему советско-хозяйственных аппаратов и перестроить их по производственно-территориальному признаку⁶⁰¹. При этом во второй половине 1930-х гг. проблема выдвижения кадров не стала менее актуальной, а областное руководство продолжало отчитываться за исполнение соответствующих партийных директив. Острой оставалась проблема текучести кадров и «огульных перемещений». Предполагалось, что её можно исправить за счёт «более смелого выдвижения выросших кадров»⁶⁰² и подбором резервистов из числа «стахановцев

⁵⁹⁹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 300. Л. 195.

⁶⁰⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 149. Л. 7об.

⁶⁰¹ Резолюция XVII съезда ВКП(б) по организационному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 157.

⁶⁰² НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 295. Л. 159.

производства и лучших членов советов и исполкомов»⁶⁰³. Таким образом, в 1938 г. число выдвиженцев на партийную, советскую и хозяйственную работу достигло 100 чел.⁶⁰⁴ В 1939 г. их число значительно увеличилось и составило 1210 чел., из которых 260 чел. – республиканского уровня⁶⁰⁵. На руководящую работу в советские и хозяйственные организации было выдвинуто 337 чел., из них 17 чел. стали руководителями наркоматов или их заместителями⁶⁰⁶. Как большое достижение отмечалось выдвижение национальных кадров – 1017 чел. (или 83,1 %) ⁶⁰⁷. Но несмотря на столь значительное увеличение числа выдвиженцев, областное руководство отметило недостатки в работе с управленческими кадрами: недостаточное вовлечение в работу женщин (18 % из числа выдвиженцев), почти полное отсутствие кадрового резерва, частая сменяемость руководящего состава, отсутствие научного подхода в подборе кадров, неумение учитывать способности и желания выдвиженцев и др.⁶⁰⁸

Таким образом, одним из механизмов реорганизации государственного аппарата являлись обследование и проверка его личного состава, после чего проходила чистка от неугодных, социально чуждых элементов, бюрократов и др. Это требовало его дальнейшего укрепления кадрами, поэтому параллельно шёл процесс выдвижения, контролируемый профсоюзами и парторганизациями. Однако в ряде регионов страны сложилась ситуация, когда после чистки неким было заменить «вычищенных», в результате их приходилось оставлять на работе. Коми не составляла исключение. Руководство Коми автономии также отмечало, что при осуществлении реорганизации государственных организаций «особых

⁶⁰³ О подборе резерва работников для выдвижения при советах и исполкомах Коми АССР : постановление Президиума исполкома Коми АССР от 11.09.1937 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 471.

⁶⁰⁴ НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 314. Л. 41.

⁶⁰⁵ Там же. Д. 359. Л. 47.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Там же.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 48.

указаний центра, кроме общих директив, – не было»⁶⁰⁹. Политическая обстановка второй половины 1930-х гг. лишь усугубила ситуацию по формированию всей системы региональных управленческих аппаратов. Жесточайшим репрессиям подвергся руководящий состав Коми областного исполнительного комитета и других государственных органов и учреждений⁶¹⁰.

* * *

Проанализировав результаты преобразований в советской системе управленческих кадров в третьей главе диссертационного исследования, можно отметить, что в 1920–1930-х гг. перестройка государственного аппарата базировалась на изменениях административно-территориального устройства страны, и это было характерным не только для Коми автономии. Кадровой реорганизации были подвержены все уровни управления, что влияло на формирование политической элиты. Кроме того, ставилась задача упрощения и удешевления государственных аппаратов.

Процессы выдвижения и назначения на руководящие должности националов приводили к изменениям некоторых социальных характеристик. Так, в отличие от партработников высшего звена подавляющее большинство председателей облисполкома были коренной национальности и относились к категории служащих. Лучшими социальными характеристиками, с точки зрения предъявляемых официальных требований, обладали и представители руководящего состава правоохранительных органов.

Проблемы реорганизации госаппарата увязывались не только с «правильной» расстановкой кадров, но и их чисткой. Организационные мероприятия, сроки кампаний, категории «вычищаемых» соответствовали

⁶⁰⁹ Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2006. Т. 1. С. 202.

⁶¹⁰ О председателе Коми областного исполнительного комитета Коюшеве И. Г. : постановление Президиума Коми облисполкома от 26.04.1935 // НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 424. Л. 102; Организационные вопросы по Президиуму исполкома : постановление Президиума исполкома Коми АССР от 03.11.1937 // Там же. Ф. 734. Оп. 1. Д. 53. Л. 117.

партийным директивам и в целом намеченным в стране тенденциям. Значительно осложняло работу государственного аппарата отсутствие кадрового резерва, что вынуждало оставлять некоторую часть специалистов на своих местах. Репрессиям подвергся высший управленческий состав Коми автономии.

В 1920-е гг. учётно-распределительная работа позволяла формировать номенклатурные списки, а затем распределять ответственных работников. В этот период её можно рассматривать как инструмент кадровой политики. В дальнейшем она становится самостоятельным политическим институтом, тесным образом переплетаясь с партийными и государственными структурами. Однако использование номенклатурных механизмов при рекрутировании управленческих кадров не были предметом обсуждения Коми областных партийных конференций. На партфорумах 1920–1930-х гг. рассматривались лишь вопросы учёта и расстановки кадров, обсуждались проблемы их выдвижения, в т. ч. коренного населения, штатной численности госаппарата и др. Поскольку в состав номенклатуры входили представители различных партийных и государственных органов, то, будучи участниками облпартконференций, они принимали непосредственное участие в выработке и принятии стратегических решений в целях экономического развития региона, отстаивания национальных территориальных интересов и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение политической истории Советского государства и его отдельных регионов невозможно без проведения комплексного анализа партийно-государственного строительства, которое включает в себя широкий спектр вопросов. Одним из важнейших является состав и формирование управленческих кадров. Исследование данной проблемы как актуальнейшая историографическая задача может способствовать эффективной реализации кадровой политики в современных условиях. С точки зрения администрирования, например, такой исторический способ формирования кадрового состава, как выдвиженчество, достаточно активно применяется в настоящее время при создании резерва государственных и муниципальных служащих. Проблематика находится не только в центре внимания государства, но и политических партий, крупных предприятий. Являясь одним из источников формирования состава управленческих кадров и одной из персонал-технологий, этот процесс регламентирован федеральным законодательством. Он является альтернативой выдвижению и замещению вакантных должностей, особенно в сфере государственного и муниципального управления. Примерами аккумуляции кадровых ресурсов могут послужить такие проекты, как резерв управленческих кадров, находящийся под патронажем Президента Российской Федерации, создание Федерального портала управленческих кадров, проекта партии «Единая Россия» «Кадровый резерв – команда будущего» и др. Такими же важными остаются методы и формы подготовки кадрового состава, критерии отбора, выявление интеллектуальных способностей кандидатов. Резерв управленческих кадров является потенциалом инновационного развития государства, осуществления стратегических целей и задач, достижения социальной эффективности функционирования всей системы управления.

Важнейшим условием осуществления государственного строительства национальных территорий в 1920–1930-х гг. являлась кадровая политика.

В диссертационном исследовании она комплексно прослеживается через призму государственного управления в Коми автономной области–Коми АССР, то есть в период формирования региональных государственно-политических институтов. Ранние научные исследования посвящались в основном обобщению материала о проходивших в регионе социально-политических и социально-экономических процессах. На современном этапе изучение Коми государственности связано с постановкой большого числа новых задач. Проведённый историографический анализ показал, что на протяжении последних десятилетий проблемы формирования кадрового состава партийных и государственных структур специально не исследовались. Исключение составляет, пожалуй, единственная работа – доклад, сделанный на заседании Учёного совета Коми научного центра Уральского отделения РАН. Его авторы предприняли попытку проанализировать кадровую политику Коми областной парторганизации, численность партийных рядов и социальный состав, но не ставили задачу изучить принципы, способы, механизмы формирования управленческих кадров и региональной элиты. Выявление комплекса документов, как неопубликованных (анкеты и списки делегатов Коми областных партийных конференций, отчёты обкома партии, ревизионной комиссии, контрольной комиссии и др.), так и опубликованных (прежде всего инструктивно-директивного характера), позволяет утверждать, что тема не является достаточно изученной и актуальна для Коми региона.

Проведённый анализ исторических условий формирования и развития советской системы управленческих кадров показал, что она была тесным образом связана с административно-территориальным устройством страны, процессами автономизации, реализацией такого направления национальной политики, как «коренизация». С начала 1920-х и до середины 1930-х гг. региональное руководство активно отстаивало интересы Коми как экономически независимой территории, что позволяло ей настаивать и на выборе формы автономии – республики. Но борьба за суверенность повлекла за собой необоснованные обвинения некоторых руководителей партийно-государственных органов в

«национал-шовинизме». Районирование территорий Европейского Севера на рубеже 1920–1930-х гг. являлось не только одним из способов ротации кадров, но и ликвидации региональных элит. Несмотря на то, что состав населения Коми автономной области–Коми АССР в целом был однородным, достаточно сложно проходило вовлечение национальных кадров в работу партийно-государственных аппаратов. В первую очередь это было связано с рядом объективных причин, например, таких, как отсутствие материально-технической базы и опыта перевода на национальный язык официальных документов, а также с низким образовательным и профессиональным потенциалом коренного населения. Тем не менее, была обеспечена возможность местному населению, например, через выборы в Советы, принимать участие в разработке стратегии развития региона, войти в элитарный слой общества.

Неотъемлемым направлением кадровой политики РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е гг. являлась работа по выдвижению, подбору и расстановке кадров. Для регионов зачастую это был единственный способ формирования кадрового резерва. Однако процесс комплектования партийно-государственных структур, основанный на принципе выдвиженчества, сложно реализовывался в условиях Коми региона. С одной стороны, он был сопряжён со стремлением улучшить социальный состав (в первую очередь за счёт вовлечения в партию рабочих) – руководящие кадры должны были обладать соответствующими социальными характеристиками. Но увеличение их числа в составе органов управления являлось сверхзадачей для автономии, где доминировала сельскохозяйственная отрасль, и которую, несмотря на предпринимаемые попытки, так и не удалось разрешить полностью. Безусловно, определённая социальная политика проводилась и в отношении крестьян и служащих. С другой стороны, формирование состава управленческих кадров, особенно государственных органов, сопровождали постоянные реорганизации и штатные преобразования. Остро стояли проблемы нехватки собственных специалистов с достаточным для осуществления руководства уровнем образования, их текучести, перемещения с

места на место, репрессий и др. Исследование показало, что в Коми автономии были созданы некоторые условия для осуществления профессиональной подготовки и переподготовки руководящих кадров, например, в совпартшколах различного уровня, которые были созданы в начале 1920-х гг. и функционировали более или менее активно на протяжении всего изучаемого периода, а также посредством инструктирования, организации и проведения различных курсов, совещаний, конференций и др.

Одним из инструментов регулирования кадрового состава являлись чистки, которые осуществлялись в соответствии с директивными указаниями высших партийных органов РКП(б)–ВКП(б). Как правило, им предшествовали многочисленные проверки, обследования личного состава и другие мероприятия. Диссертационное исследование показало, что вопросы организации и проведения данных кампаний в Коми регионе систематически обсуждались на областных партийных конференциях в рамках докладов обкома и (или) областной контрольной комиссии. Но по вопросу о партийных чистках и чистках государственного аппарата в прениях высказывалось незначительное число делегатов, при этом их мнение в целом было положительным. Виды правонарушений и категории вычищаемых, как в партийном, так и в советском аппарате, в основном совпадали с такими формулировками, как «чуждый элемент», «обюрократившиеся» и др. Также вычищали за волокиту, взяточничество, карьеризм, аморальное поведение и др. Вместе с тем областная парторганизация в период проведения чисток избавлялась от «враждебных элементов», «врагов партии, врагов народа», «троцкистов», «буржуазных националистов» и др., т. е. по политическим мотивам.

Легитимность установкам центральной власти придавали не только официальные партийно-государственные нормативные акты, но и решения высших региональных структур. В частности, была проанализирована деятельность высшего органа партийного управления – Коми областной партийной конференции. Выявлено, что установленная уставами РКП(б)–ВКП(б)

периодичность проведения конференций в целом соблюдалась, но зависела от проведения Всероссийских (Всесоюзных) съездов и конференций с позиции постановки первоочередных задач для региональных партийных организаций, либо от необходимости выработки решений по важнейшим для Коми автономной области–Коми АССР проблемам. Представительство делегатов от местных партийных организаций зависело от существующей системы административно-территориального деления в конкретный период и выдерживалось в рамках установленных квот, определяемых бюро Коми обкома партии. Правом совещательного голоса в основном наделялись представители высших партийных и государственных органов власти. Несмотря на явное преобладание на конференциях делегатов коми по национальности, рабочим языком партийных форумов был русский язык, поскольку он являлся государственным. Тематика повесток дня конференций в первой половине 1920-х гг. была более разнообразной, чем в последующий период. В дальнейшем произошло сокращение спектра обсуждаемых вопросов за счёт увеличения доли вопросов партийного и советского строительства, а со второй половины 1930-х гг. вопросы партийного строительства, экономического развития региона и другие не включались в повестки дня как самостоятельные, а являлись составными частями отчётных докладов обкома и ревизионной комиссии. На протяжении всего исследуемого периода прослеживается тенденция преобладания в повестках дня вопросов экономического характера, но доля вопросов партийного строительства сохранялась высокой. Из проведённого исследования следует, что роль делегатов Коми областных партийных конференций была малоэффективной, поскольку резолюции готовились заранее, часто дублировали решения Всероссийских съездов и конференций (иногда содержали прямые цитаты).

Кроме того, как показало исследование, проблемы формирования управленческих кадров и их состав в большей степени обсуждали именно делегаты Коми областных партийных конференций, нежели их коллеги – участники областных съездов Советов. Игнорировать вопрос было невозможно,

поскольку от высшего партийного органа региона требовалось принятие соответствующих решений. Но если на конференциях, проходивших в первой половине 1920-х гг., во многом это была констатация факта, не требующая никаких комментариев, то в дальнейшем при обсуждении докладов делегаты старались предлагать различные способы решения проблем.

Анализ системы организации и проведения Коми областных партийных конференций позволил ввести в оборот ранее не использованные архивные материалы (например, анкеты и регистрационные списки делегатов конференций) в целях изучения социального состава участников Коми областных партийных конференций – представителей различных групп региональной элиты. На основе изучения анкет делегатов (со II по IX конференции) и различного рода таблиц и регистрационных списков, в которых оформлялись сведения о делегатском корпусе, был составлен обобщённый социальный портрет представителей элиты по следующим признакам: пол, социальное положение, национальность, образовательный уровень. Анализ состава по признакам «возраст» и «партийный стаж» не проводился из-за отсутствия в архивных документах полной информации, а также чётко установленных возрастных групп и периодов, по которым можно выявить закономерности.

Также диссертационное исследование позволило сформулировать ряд направлений для дальнейшего изучения. В качестве самостоятельной задачи может быть поставлен вопрос о комплексном изучении деятельности высшего органа партийного управления – Коми областной партийной организации. Интерес представляет процесс выработки тематики повесток дня и подготовки проектов решений с точки зрения влияния на него директивных указаний как региональных, так и высших партийных органов; изучение механизмов взаимодействия уездных (районных) партийных организаций с областным партийным комитетом по вопросам участия в работе Коми областных партийных конференций. Отдельной темой для исследования может стать изучение структуры делегатского корпуса (по группам – коммунисты, комсомольцы,

беспартийные, женщины и др.; по сравнительному анализу социального портрета представителей этих групп с точки зрения зависимости от половозрастного, образовательного уровня, социального положения и происхождения, национальности, партийного стажа и др.). Как самостоятельные исследования могут быть заявлены темы формирования номенклатуры в Коми регионе; организация и проведение чисток партийных и государственных структур; процессы подбора, отбора и выдвижения кадров, в т. ч. вовлечение в управленческую деятельность представителей коренной национальности. Внимания заслуживает комплексное изучение проблем формирования отдельных групп региональной элиты. В качестве одной из задач могут быть поставлены проблемы, связанные с системой подготовки и переподготовки коммунистов в специальных образовательных учреждениях: состав обучающихся, преподавательский состав, тематика учебных планов, лекционных занятий и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Агитпропотдел – агитационно-пропагандистский отдел

АО – автономная область

АССР – автономная советская социалистическая республика

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи

Волисполком – волостной исполнительный комитет

ВЦИК – Всесоюзный Центральный исполнительный комитет

г., гг. – год, годы

г. – город

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

Горком – городской комитет

Горсовет – городской совет

Госаппарат – государственный аппарат

Госплан – государственная плановая комиссия

Губком – губернский комитет

Д. – дело

др. – другие

Женотдел – отдел по работе с женщинами

Зав. – заведующий

Исполком – исполнительный комитет

КК – Контрольная комиссия

КК – РКИ – Контрольная комиссия – Рабоче-крестьянская инспекция

Коми АССР – Коми Автономная Советская Социалистическая Республика

КПК – Комиссия партийного контроля

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КрайКК – Краевая контрольная комиссия

Крайком – краевой комитет

Леспромхоз – лесопромышленное хозяйство

Леспродторг – организация, торгующая лесной продукцией

Локчимлаг – Локчимский исправительно-трудовой лагерь
МТС – машинно-тракторная станция
НА РК – Национальный архив Республики Коми
Наркомюст – Народный комиссариат юстиции
Наркомхоз – Народный комиссариат коммунального хозяйства
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
об. – оборот
Обком – областной комитет
Облисполком – областной исполнительный комитет
Облпартконференция – областная партийная конференция
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление
ОК ВКП(б) – областной комитет Всесоюзной коммунистической партии
(большевиков)
ОКК – Областная контрольная комиссия
ОКК–РКИ – Областная контрольная комиссия – Рабоче-крестьянская инспекция
Окрисполком – окружной исполнительный комитет
Окружком – окружной комитет
Оп. – опись
Оргбюро – Организационное бюро
Орготдел – организационный отдел
ОРПО – отдел руководящих партийных органов
Партактив – партийный актив
Партаппарат – партийный аппарат
Партбилет – партийный билет
Партком – партийный комитет
Партконференция – партийная конференция
Парторган – партийный орган
Парторганизация – партийная организация
Партячейка – партийная ячейка
Политбюро – Политическое бюро
Политотдел – политический отдел

Профсоюз – профессиональный союз
Райисполком – районный исполнительный комитет
Райком – районный комитет
Райсовет – районный совет
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РК – районный комитет
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ – Российский коммунистический союз молодёжи
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Севжелдорлаг – Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь
Севкрайком – Северный краевой комитет
Сельсовет – сельский совет
См. – смотри
СНК – Совет народных комиссаров
Совпартшкола – советско-партийная школа
Совторготдел – отдел советской торговли
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
тыс. – тысяч
Уисполком – уездный исполнительный комитет
Уком – уездный комитет
Устьвымлаг – Усть-Вымский исправительно-трудовой лагерь
Ухтпечлаг – Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь
Учраспред – Учётно-распределительный отдел
Ф. – фонд
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
чел. – человек

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. 1318. – Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительствах при Наркомнаце РСФСР. 1917–1924. – Оп. 1. – Д. 640.

2. Ф. 6984. – Комиссия Всероссийского центрального исполнительного комитета по районированию РСФСР. 1921–1926. – Оп. 1. – Д. 77, Д. 888.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

3. Ф. 17. – Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС). – Оп. 3. – Д. 772.

Государственное учреждение Республики Коми

«Национальный архив Республики Коми» (ГУ «НАРК»)

4. Ф. П-1. – Коми республиканский комитет компартии РСФСР. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 4, Д. 11, Д. 15, Д. 16, Д. 18, Д. 30, Д. 32, Д. 39, Д. 42, Д. 44, Д. 45, Д. 59, Д. 62, Д. 72, Д. 78, Д. 109, Д. 113, Д. 114, Д. 116, Д. 128, Д. 130, Д. 149, Д. 151, Д. 155, Д. 201, Д. 202, Д. 208, Д. 295, Д. 295«а», Д. 298, Д. 314, Д. 315, Д. 316, Д. 317, Д. 333, Д. 335, Д. 357, Д. 359, Д. 360.

5. Ф. Р-3. – Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области (облисполком, ОБИК). – Оп. 1. – Д. 1, Д. 26, Д. 78, Д. 92, Д. 94, Д. 271, Д. 300, Д. 718, Д. 741, Д. 778, Д. 885, Д. 1250, Д. 1251.

6. Ф. Р-734. – Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (исполком Коми АССР). – Оп. 1. – Д. 53.

7. Ф. Р-148. – Отдел народного образования при облисполкоме (Коми ОБОНО). – Оп. 1. – Д. 24.

8. Ф. Р-701. – Представительство Коми автономной области при Президиуме ВЦИК. – Оп. 2. – Д. 69.

9. Ф. Р-870. – Представительство Коми АССР при Президиуме Верховного Совета РСФСР. – Оп. 1. – Д. 74.

10. Ф.18. – Партийная комиссия при Коми республиканском комитете компартии РСФСР (1922–1991 гг.). – Оп. 9. – Д. 56.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Документы и материалы

11. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – С. 39–41.

12. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Декреты Советской власти. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – С. 321–323.

13. Десять лет социалистического строительства автономной области Коми : с 1921 по 1931 гг. : материалы к отчёту Коми облисполкома. – Сыктывкар, 1931. – 151 с.

14. Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной партийной организации КПСС. 1917–1981. – Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1982. – 352 с.

15. Журнал заседания 3-го съезда Советов Коми автономной области (14–21 дек. 1923 г.). – Усть-Сысольск, 1924. – 142 с.

16. За большевизацию Коми парторганизации : (Сборник постановлений Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI-й Обпартконференции). – Сыктывкар : Комигосиздат, 1930. – 94 с.

17. Из отчётных материалов Коми облисполкома Северному крайисполкому о советском, хозяйственном и культурном строительстве к 10-летию Коми автономной области – об организационном укреплении и деятельности Советов // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. 1917–1985. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1988. – С. 83–96.

18. Из протокола заседания Усть-Сысольского уездного комитета РКП(б) о ходатайстве перед ЦК РКП(б) по созыву Всезырянского партийного съезда и организации центрального партийного органа для политической работы среди

коми // Образование Коми автономной области : сб. документов. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1971. – С. 57.

19. Из протокола совместного расширенного пленарного заседания обкома и обревкома о советском строительстве в Коми области от 10.11.1921 // Образование Коми автономной области : сб. документов. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1971. – С. 147.

20. Инструкция к составлению статистической отчётности о составе партийных организаций. – М. : ОРПО, 1936. – 14 с.

21. Инструкция НК РКИ СССР по проверке и чистке советского аппарата. – М., 1929.

22. Инструкция о порядке и технике обмена партийных билетов и других партийных документов. – М., 1936. – 14 с.

23. Инструкция о порядке учёта и выдачи партийных билетов и кандидатских карточек образца 1936 года : утв. ЦК ВКП(б) 23.11.1939. – М., 1939. – 15 с.

24. Инструкция об учёте членов и кандидатов ВКП(б) : утв. ЦК ВКП(б) 21.06.1936. – М., 1936. – 64 с.

25. Инструкция об учёте членов и кандидатов ВКП(б) : утв. ЦК ВКП(б) 23.11.1939. – М., 1939. – 40 с.

26. Инструкция областным, районным и низовым комиссиям по чистке // Справочник партийного работника. Вып. 8. – М. : Партиздат, 1934. – С. 295–298.

27. Инструкция по определению социального положения членов ВКП(б) и кандидатов в члены от 15.12.1926 // Об определении социального состава организаций в партстатистике: [сб. документов]. – М., 1927. – С. 4–7.

28. Инструкции по организации и проведению генеральной чистки и проверки рядов ВКП(б) : [сб. документов]. – М., 1929. – 32 с.

29. История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР). 1926–1941 гг. / под ред. Н. П. Кудрявцева и др. – Архангельск : Северо-Западное книж. изд-во, 1970. – 670 с.

30. История Коми края в документах и материалах : хрестоматия. Ч. 2. Советский период / под ред. А. Н. Турубанова. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1985. – 448 с.
31. Итоги плановой работы (Отчёт о деятельности обплана за 1924–1925 годы). – Усть-Сысольск : Изд-е Обплана, 1926. – 115 с.
32. К проверке, пересмотру и очистке партии : [сб. документов]. – М., 1921. – 20 с.
33. Ко всем организациям, ко всем членам партии : обращение ЦК ВКП(б) от 10.08.1925 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – 8-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. 1924–1927. – С. 220–222.
34. Ко всем партийным организациям и членам партии об укреплении рядов РКП(б) : циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 22.05.1918 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 30–32.
35. Ко всем членам партии, ко всем рабочим о развёртывании самокритики : обращение ЦК ВКП(б) от 02.06.1928 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 4. 1927–1931. – С. 94–98.
36. Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.) / под ред. А. А. Сталь и др. – Архангельск : Северо-Западное книж. изд-во, 1964. – 696 с.
37. Конституция (Основной Закон) Коми АССР (с изм. и доп., принятыми I и II сессиями Верховного Совета Коми АССР). – Сыктывкар: Коми госиздат, 1940. – 23 с.

38. Конституция (Основной Закон) РСФСР (утв. Постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11.05.1925) // СУ РСФСР. – 1925. – № 30. – Ст. 218.

39. Конституция (Основной Закон) РСФСР (утв. Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов от 21.01.1937). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1938. – 39 с.

40. Конституция (Основной Закон) СССР (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.

41. Культурное строительство в Коми АССР. 1918–1937 / гл. ред. А. Ф. Сюткин. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1979. – 256 с.

42. Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960 / науч. ред. Я. Н. Безносиков. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1984. – 296 с.

43. О вербовке рабочих и регулировании роста партии : резолюция пленума ЦК ВКП(б) (16–24 нояб. 1928 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 4. 1927–1931. – С. 142–150.

44. О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29.10.1928 // СУ РСФСР. – 1928. – № 137. – Ст. 889.

45. О возобновлении приёма новых членов в ВКП(б). Ко всем организациям партии : постановление ЦК ВКП(б) от 29.09.1936 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5. 1931–1941. – С. 282–285.

46. О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат : постановление ЦК ВКП(б) от 07.03.1927 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов

ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 4. 1927–1931. – С. 158–159.

47. О зырянизации учреждений области : постановление Президиума облисполкома от 05.12.1923 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). – Сыктывкар, 2006. – С. 37–38.

48. О ликвидации округов : постановление ЦК ВКП(б) от 15.07.1930 // Справочник партийного работника. Вып. 8. – М. : Партиздат, 1934. – С. 723–724.

49. О мерах по переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки : декрет ВЦИК от 14.04.1924 // СУ РСФСР. – 1924. – № 41. – Ст. 371.

50. О партийно-массовой работе // Резолюции 2 объединённого пленума ОК и ОКК ВКП(б) XII созыва (5–9 июля 1932 г.). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1932. – С. 3–18.

51. О плане и смете проведения зырянизации советского аппарата : постановление Президиума облисполкома от 21.08.1924 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). – Сыктывкар, 2006. – С. 52.

52. О предварительных итогах чистки областной партийной организации // Резолюции II объединённого пленума Коми обкома и ОКК ВКП(б) (7–10 октября 1929 г.). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1929. – С. 26–40.

53. О проведении самопроверки в Коми областной парторганизации // Резолюции 2 объединённого пленума ОК и ОКК ВКП(б) XII созыва (5–9 июля 1932 г.). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1932. – С. 57–58.

54. О работе в деревне : резолюция XIII съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. 1924–1927. – С. 75–80.

55. О районировании : резолюция XII съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 443–444.

56. О регулировании роста партии в связи с итогами переписи : постановление ЦК ВКП(б) от 13.10.1927 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. 1924–1927. – С. 500–503.

57. О реорганизации областного аппарата : резолюция Пленума Коми облисполкома от 15.08.1930 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). – Сыктывкар, 2006. – С. 202–203.

58. О сельских Советах : положение ВЦИК от 15.02.1920 // Известия. – 1920. – № 34.

59. О сельских Советах : положение ВЦИК от 26.01.1922 // СУ РСФСР. – 1922. – № 10. – Ст. 92.

60. О создании Комиссии по зырянизации советского аппарата : постановление Бюро Коми обкома РКП(б) от 24.11.1923 // Коми му. – 1924. – № 1–2. – С. 67.

61. О состоянии комизации аппарата : постановление Президиума Коми облисполкома от 06.05.1931 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). – Сыктывкар, 2006. – С. 222–224.

62. О структуре, штатах и ставках областного, районного, сельского соваппарата и горсовета в Коми автономной области в связи с реорганизацией областного аппарата и усилением РИКов и сельсоветов : протокол заседания Президиума Коми облисполкома от 01.09.1930 № 33 // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. 1917–1985. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1988. – С. 79–80.

63. О ходе распределения работников, освобождающихся в связи с ликвидацией округов : постановление ЦК ВКП(б) от 11.08.1930 // Справочник партийного работника. Вып. 8. – М. : Партиздат, 1934. – С. 725.

64. О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций : постановление ЦИК и СНК СССР от 01.06.1929 // СЗ СССР. – 1929. – № 35. – Ст. 313.

65. О чистке партии : постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) от 28.04.1933 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5. 1931–1941. – С. 98–103.

66. О широком вовлечении в партию рабочих и работниц в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции : постановление ЦК ВКП(б) от 04.11.1927 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. 1924–1927. – С. 543.

67. Об автономной области Коми (зырян) : декрет ВЦИК от 21.08.1921 // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). – Сыктывкар, 2006. – С.511.

68. Об административном делении Автономной области Коми : декрет ВЦИК от 02.05.1922 // Образование Коми автономной области : сб. документов / сост. В. Н. Давыдов, В. В. Политов. – Сыктывкар, 1970. – С. 196–197.

69. Об образовании Комиссии по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР : постановление ВЦИК от 15.02.1920 // Жизнь национальностей. – 1920. – № 6.

70. Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения : постановление Президиума ВЦИК от 14.01.1929 // СУ РСФСР. – 1929. – № 10. – Ст. 116.

71. Об образовании Северного края : решение ВЦИК и СНК от 14.01.1929 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1929. – 17 янв.
72. Об определении социального состава организаций в партстатистике : циркуляр ЦК ВКП(б) от 12.08.1925 № 131 // Об определении социального состава организаций в партстатистике : [сб. документов]. – М., 1927. – С. 3–4.
73. Об определении социального состава организаций в партстатистике : [сб. документов]. – М., 1927. – 15 с.
74. Об очередных задачах работы в деревне : резолюция Пленума ЦК РКП(б) от 25–27.10.1925 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. 1924–1927. – С. 136–137.
75. Об очистке партии : письмо ЦК РКП(б) от 27.07.1921 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 272–277.
76. Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков : постановление Пленума ЦК ВКП(б) от 11, 14, 18, 20.01.1938 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5. 1931–1941. – С. 303–312.
77. Образование Коми автономной области : сб. документов / сост. В. Н. Давыдов, В. В. Политов. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1970. – 224 с.
78. Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. I. Коми облисполком в документах и материалах (1922–1938 гг.). – Сыктывкар, 2006. – 576 с.
79. Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Т. II. Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). – Сыктывкар, 2007. – 669 с.

80. «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих : конец 1921 – начало 1923 г. : документы / сост. А. Н. Артизов, З. К. Водопьянова, Е. В. Домрачева и др.; под ред. А. Н. Артизова. – М. : МФД : Материк, 2008. – 848 с. – (Россия XX век. Документы).

81. По вопросу об укреплении партии, в связи с учётом опыта проверки личного состава её : резолюция X Всерос. конф. РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 345–349.

82. Положение о порядке включения в состав краевых (областных) экономических объединений национальных автономных республик и областей // СУ РСФСР. – 1928. – № 79. – Ст. 44.

83. Положение о работе ячеек ВКП(б) : утв. ЦК ВКП(б) 26.05.1927. – М. : Пролетарий, 1927. – 48 с.

84. Положение о сельских Советах от 16.10.1924 // СУ РСФСР. – 1924. – № 82. – Ст. 827.

85. Порядок подведения итогов проверки и чистки личного состава ВКП(б) в 1929 г. – М., 1929. – 14 с.

86. Постановление объединённого заседания Усть-Сысольских уездных комитетов РКП(б) и РКСМ, исполкома Советов и бюро профессиональных союзов о созыве Всезырянского партийного съезда и организации бюро по созыву съезда от 06.07.1920 // Образование Коми автономной области : сб. документов. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1971. – С. 43–44.

87. Постановление объединённого пленума ОК и ОКК ВКП(б) X-го созыва по докладу т. Люстрова «Борьба с национал-шовинизмом и задачи укрепления парторганизации» // Резолюции объединённого пленума Коми ОК и ОКК ВКП(б) (15–17 марта 1930 г.). – Сыктывкар, 1930. – С. 12–20.

88. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15.03.1931 // Справочник партийного работника. Вып. 8. – М. : Партиздат, 1934. – С. 386.

89. Постановление президиума КрайКК ВКП(б) по докладу ОКК ВКП(б) // За большевизацию Коми парторганизации : (Сборник постановлений

Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI-й Обпартконференции). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1930. – С. 1–9.

90. Постановление Севкрайкома ВКП(б) о работе Коми обкома ВКП(б) // За большевизацию Коми парторганизации : (Сборник постановлений Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI-й Обпартконференции). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1930. – С. 10–14.

91. Постановления Коми областных партийных конференций (1–5). Вып. 1. – Усть-Сысольск, 1929. – 55 с.

92. Проблемы районирования Коми автономной области. – Усть-Сысольск : Изд-е облисполкома Коми АО, 1928. – 103 с.

93. Программа РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 37–58.

94. Проект областного районирования Коми автономной области. – Усть-Сысольск : Изд-е Обплана, 1929. – 152 с.

95. Протокол № 3 III-го внеочередного пленума Коми областного комитета ВКП(б) XIV-го созыва от 1–2 ноября 1937 года // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / сост. Г. В. Невский. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1998. – Т. 1. – С. 623–669.

96. Протоколы 2-го Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми (6–11 дек. 1922 г.). – Усть-Сысольск, 1923.

97. Протоколы 4-ого Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной области Коми (журналы съезда). – Усть-Сысольск : Изд-е Облисполкома, 1926. – 250 с.

98. Резолюция XII съезда РКП(б) по организационному вопросу // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 449–455.

99. Резолюция XIV съезда ВКП(б) по отчёту ЦКК и РКИ // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. 1924–1927 – С. 253–260.

100. Резолюция XVII съезда ВКП(б) по организационному вопросу // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5. 1931–1941. – С. 150–159.

101. Резолюции 2 объединённого пленума ОК и ОКК ВКП(б) XII созыва (5–9 июля 1932 г.). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1932. – 58 с.

102. Резолюции II объединённого пленума Коми обкома и ОКК ВКП(б) (7–10 октября 1929 г.). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1929. – 46 с.

103. Резолюции объединённого пленума Коми ОК и ОКК ВКП(б) (15–17 марта 1930 г.). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1930. – 26 с.

104. Резолюции третьего пленума Коми обкома и пленума ОКК ВКП(б) (1–9 июня 1928 г.). – Усть-Сысольск, 1928. – 35 с.

105. Резолюции V областного съезда Советов Коми автономной области (27 января – 4 февраля 1926 г.). – Усть-Сысольск, 1926.

106. Резолюции 8-го областного съезда Советов Коми автономной области (3–7 августа 1929 г.). – Сыктывкар : Изд-е Коми облисполкома, 1929. – 15 с.

107. Резолюция по докладу о работе Севкрайкома ВКП(б) [на XI Коми областной партийной конференции] // За большевизацию Коми парторганизации : (Сборник постановлений Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI-й Обпартконференции). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1930. – С. 56–59.

108. Резолюция по докладу Областной контрольной комиссии ВКП(б) [на XI Коми областной партийной конференции] // За большевизацию Коми парторганизации : (Сборник постановлений Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI-й Обпартконференции). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1930. – С. 72–75.

109. Резолюция по докладу Президиума ОКК ВКП(б), принятая 3-м пленумом ОКК ВКП(б) от 03.06.1928 // Резолюции III пленума Коми обкома и пленума ОКК ВКП(б) (1–9 июня 1928 г.). – Усть-Сысольск, 1928. – С. 26–30.

110. Резолюция по докладу Северной краевой контрольной комиссии ВКП(б) [на XI Коми областной партийной конференции] // За большевизацию Коми парторганизации : (Сборник постановлений Севкрайкома ВКП(б), резолюции II-й Краевой и XI-й Обпартконференции). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1930. – С. 60–62.

111. Репрессии в Архангельске. 1937–1938 : документы и материалы / общ. ред. Р. А. Ханталины. – Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 1999. – 272 с.

112. Руководящие кадры Р.К.П. (большевиков) и их распределение. – М. : Госиздат, [без года]. – 170 с.

113. Стенографический отчет I-ой сессии Верховного Совета первого созыва. – Сыктывкар, 1938.

114. Твои Конституции, республика : сборник текстов Конституции Коми АССР и Республики Коми (1937–2003) / Госсовет Республики Коми; науч. ред. Л. В. Четверикова; под ред. А. А. Игнатова. – Сыктывкар, 2004. – 336 с.

115. Тезисы об использовании новых членов партии : резолюция VIII Всерос. конф. РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 135–137.

116. Устав РКП(б) 1919 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 126–135.

117. Устав РКП(б) 1922 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. 1917–1924. – С. 375–385.

118. Устав ВКП(б) 1925 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 3. 1924–1927. – С. 295–311.

119. Устав ВКП(б) 1934 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 4. 1927–1931. – С. 160–173.

120. Устав ВКП(б) 1939 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5. 1931–1941. – С. 381–397.

121. Циркулярное письмо Коми облисполкома уисполкомам, волисполкомам, сельсоветам о введении в действие новых положений о местных Советах от 10.02.1925 // Деятельность Советов Коми АССР : сб. документов. 1917–1985. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1988. – С. 52–53.

122. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М.: РОССПЭН, 2005. – 783 с.

123. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. – М.: РОССПЭН, 2009. – 1095 с.

1.2.2. Статистические материалы

124. Всероссийская перепись членов Р.К.П. 1922 года. Вып. 3 : Итоги предварительной разработки по 24 губерниям и областям и общая сводка по всей партии. – М., 1922. – 90 с.

125. Всероссийская перепись членов Р.К.П. 1922 года. Вып. 4 : Состав Р.К.П. (б-ов) по итогам предварительной разработки. – М., 1923. – 47 с.

126. Всероссийская перепись членов Р.К.П. 1922 года. Вып. 5 : Национальный состав членов партии. – М., 1924. – 97 с.

127. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 1. Численный состав ВКП(б) на 1 января 1927 г. – М. : Изд-во Статотдела ЦК ВКП(б), 1927. – 91 с.

128. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 2. Социальный состав ВКП(б). Коммунистическая прослойка в промышленных предприятиях. – М. : Изд-во Статотдела ЦК ВКП(б), 1927. – 165 с.

129. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 5. Общее и политическое образование членов ВКП(б) и кандидатов в члены. – М. : Изд-во Статотдела ЦК ВКП(б), 1927. – 156 с.

130. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 7. Народность и родной язык членов ВКП(б) и кандидатов в члены. – М. : Изд-во Статотдела ЦК ВКП(б), 1927. – 155 с.

131. Государственный аппарат СССР 1924–1928 гг. Статистические материалы. – М. : Статиздат, 1929. – 126 с.

132. Народное образование РСФСР (по статистическим данным Наркомпроса на 1 апреля 1923 г.) / под общ. ред. К. А. Коноваловой. – М., 1923. – 128 с.

133. 25 лет Коми АССР. 1921–1945 гг. – Сыктывкар, 1946. – 194 с.

134. Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года : население по возрасту, полу, народности и грамотности Автономной Коми области. – Усть-Сысольск, 1928. – 190 с.

135. Коми АССР – 60 лет : стат. сб. / Статуправление Коми АССР. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1981. – 104 с.

136. Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976 : стат. сб. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1977. – 95 с.

137. Республике Коми – 90 лет : историко-статистический сборник / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Респ. Коми; [редкол. : В. Я. Сквозников и др.]. – Сыктывкар, 2011. – 419 с.

1.2.3. Периодические издания

138. Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Официальный орган руководящих органов Советской власти. – 1932–1938 гг.

139. Известия ЦК РКП(б). Официальный орган РКП(б). – 1922–1924 гг.

140. Известия ЦК ВКП(б). Официальный орган ВКП(б). – 1927–1928 гг.

141. Известия Коми ОК РКП(б). Орган Коми обкома РКП(б). – 1923 г.
142. За новый Север. Орган Коми обкома ВКП(б), Сыктывкарского горкома ВКП(б), Верховного Совета Коми АССР. – 1934–1955 гг.
143. Коми му. Орган Коми обкома РКП(б), Коми облисполкома. – 1924–1929 гг.
144. Красное знамя. Орган Коми обкома КПСС. – 1955–1991 гг.
145. Югид туй. Орган Коми обкома РКП(б), Коми облисполкома. – 1921–1928 гг.

1.2.4. Мемуары и воспоминания

146. Йоль, М. «Я с гордостью смотрю...» : [воспоминания о первых годах Советской власти в Коми крае] / М. Йоль // Красное знамя. – 1967. – 11 нояб.
147. Коюшев, И. Г. От мелких ячеек до сегодняшней организации. Из истории Сыктывкарской городской партийной организации / И. Г. Коюшев // Югид туй. – 1978 . – 15 июня.
148. Коюшев, И. Г. Сквозь годы испытаний / И. Г. Коюшев // Родники пармы. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1993. – С. 150–160.
149. Молодцова, А. А. Они были первыми : [воспоминания к 50-летию Усть-Сысольской партийной организации] / А. А. Молодцова // Красное знамя. – 1968. – 13 июня.
150. Панев, З. В. Крутые виражи / З. В. Панев. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1993. – 319 с.
151. Тараканов, Ф. Г. Без вины над пропастью / Ф. Г. Тараканов // Покаяние : мартиролог. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2004. – Т. 7. Ч. 1. – С. 29–74.

1.2.5. Справочно-энциклопедические издания

152. История отечественной элитологической мысли : энциклопедический словарь / под ред. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделкова. – 2-е изд., доп. – Ростов-н/Д ; Астрахань : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. – 576 с.
153. Коммунистическая партия Советского Союза / сост. Т. А. Луковцева, А. И. Степанов, А. И. Уткин // Большая российская энциклопедия / отв. ред.

С. Л. Кравец. – М. : Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2009. – Т. 14. – С. 669–671.

154. Коммунистическая партия Советского Союза / сост. Л. Н. Алисова // Политическая энциклопедия : в 2-х т. Т. 1 / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – С. 534–537.

155. Коммунистическая партия Советского Союза // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Сов. энциклопедия, 1965. – Т. 7. – С. 650–722.

156. КПСС. Справочник / под ред. Д. И. Антонюка. – 4-е изд., доп. и перераб. – М. : Политиздат, 1978. – 399 с.

157. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС : справочник / [А. А. Кирилина, Т. П. Коржихина, В. А. Кутузов и др.]. – М. : Политиздат, 1990. – 271 с.

158. Республика Коми : энциклопедия : в 3-х т. / КНЦ УрО РАН. – Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1997.– 2000.

159. Советы // Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Сов. энциклопедия, 1965. – Т. 13. – С. 193–206.

160. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. – М. : НОРМА, 2000. – 488 с.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей

161. Агитаторы : опыт и задачи агитаторов избирательных кампании по выборам в районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся Мордовской АССР : [сб. стат.]. – Саранск : Мордгиз, 1939. – 72 с.

162. Административно-командная система управления. Проблемы и факты : межвуз. сб. науч. работ / отв. ред. Т. П. Коржихина. – М. : РГГУ, 1992. – 146 с.

163. Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения марксизма-ленинизма и истории КПСС : материалы науч. конф. (г. Москва, 23–25 мая 1978 г.) / под общ. ред. Д. И. Антонюка. – М., 1979. – 505 с.

164. Алексеев, М. Ф. Большевистские агитаторы : Опыт агитационно-массовой работы в Ленинградской области / М. Ф. Алексеев. – Л. : Лениблиздат, 1938. – 64 с.

165. Алиханов, Г. Против старых методов подбора людей / Г. Алиханов // Партийное строительство. – 1929. – № 2. – С. 27–31.

166. Анфертьев, И. А. Первая генеральная чистка правящей коммунистической партии : причины, итоги, последствия. 1920–1924 гг. / И. А. Анфертьев // Вестник архивиста. – 2015. – № 3. – С. 167–177.

167. Анфертьев, И. А. Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров / И. А. Анфертьев // Новый исторический вестник. – 2015. – № 45. – С. 65–78.

168. Базарова, В. В. Коренизация государственного аппарата в Бурят-Монголии как опыт национальной политики в 1920–1930-х гг. / В. В. Базарова // Власть. – 2008. – № 7. – С. 53–55.

169. Базарова, В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930-е гг. / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; В. В. Базарова. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2006. – 238 с.

170. Базарова, В. В. Языковые эксперименты и практика политических технологий в 1920–1930-х гг. / В. В. Базарова // Власть. – 2009. – № 2. – С. 72–74.

171. Бакулин, В. И. Кадровые чистки 1933–1938 годов в Кировской области / В. И. Бакулин // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 148–153.

172. Баркова, О. Н. Правовая основа создания и развития РСФСР в 20-е годы XX века / О. Н. Баркова, Ю. С. Кукушкин // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8. История. – 2012. – № 2. – С. 80–108.

173. Барткевич, Л. Л. Подготовка партийных кадров / Л. Л. Барткевич. – Рига : Авотс, 1980. – 147 с.

174. Бахтин, М. И. Укрепление партийных организаций в деревне в восстановительный период (1921–1925) / М. И. Бахтин // Вопросы истории. – 1954. – № 11. – С. 86–94.

175. Бетехтина, М. И. Борьба Коми партийной организации за проведение коллективизации сельского хозяйства / М. И. Бетехтина // Учёные записки Коми государственного педагогического института. – Сыктывкар, 1960. – Вып. 9. – С. 56–82.
176. Бетророва, М. А. Коренизация как способ подготовки партийных и советских кадров в Кабардино-Балкарии (1920–1940 гг.) / М. А. Бетророва // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 2. – С. 19–23.
177. Бондаренко, С. Я. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 – начале 1950-х годов / С. Я. Бондаренко, Р. А. Малахов, Ю. А. Перебинос. – Вологда : Книжное наследие, 2009. – 325 с.
178. Бордюгов, Г. Время трудных вопросов. История 20–30-х годов и современная общественная мысль / Г. Бордюгов, В. Козлов // Урок даёт история / под общ. ред. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова. – М. : Политиздат, 1989. – С. 232–267.
179. Борисёнок, Е. Ю. Феномен советской украинизации 1920–1930-е гг. : монография / Е. Ю. Борисёнок. – М. : Европа, 2006. – 250 с.
180. Борисёнок, Е. Ю. Украинизация служащих в УССР в 1920–1930-е годы / Е. Ю. Борисёнок // Славяноведение. – 2015. – № 3. – С. 17–28.
181. Борисов, Ю. С. Эти трудные 20–30-е годы / Ю. С. Борисов // Страницы истории советского общества : факты, проблемы, люди / под общ. ред. А. Т. Кинкулькина. – М. : Политиздат, 1989. – С. 121–157.
182. Боффа, Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. / Дж. Боффа; пер. с итал. И. Б. Левина. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 632 с.
183. Бубличенко, Н. И. Партийная вертикаль власти БАССР в период НЭПа : монография / Н. И. Бубличенко. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – 214 с.
184. Бубнов, А. С. История ВКП(б) / А. С. Бубнов. – М. : ОГИЗ, 1931. – 800 с.
185. Бубнов, А. С. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России / А. С. Бубнов. – М., 1924. – 47 с.

186. Бубнов, А. С. Основные вопросы истории РКП(б) / А. С. Бубнов. – М., 1924. – 104 с.
187. Бубнов, А. С. Социальный и национальный состав ВКП(б) / А. С. Бубнов. – М.; Л., 1928.
188. Бурганова, Ф. А. На страже ленинского единства и чистоты партийных рядов : (Из опыта работы ОКК – РКП Татарии в 1927–1934 гг.) / Ф. А. Бурганова, В. Г. Саркин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 124 с.
189. Бюрократизм и бюрократия : необходимость уточнений / Л. Гудков, Ю. Левада, А. Левинсон и др. // Коммунист. – 1988. – № 12. – С. 73–84.
190. Васильев, Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. / Ю. Васильев. – Краснодар : Кубанькино, 2010. – 164 с.
191. Ветошкин, М. К. Образование Коми автономной области / М. К. Ветошкин. – Л., 1950. – 97 с.
192. Вилкова, В. П. «Атмосфера, создававшаяся в последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года / В. П. Вилкова // Исторический архив. – 2008. – № 2. – С. 130–176.
193. Винниченко, О. Ю. «Кадры решают всё»? Проблемы эволюции советской бюрократии 1930-х годов (на материалах Урала) / О. Ю. Винниченко // Известия вузов. Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 162–175.
194. Винниченко, О. Ю. Общественные правоприменительные и правоохранительные органы Советской России 1930-х годов (на примере Урала) / О. Ю. Винниченко // История государства и права. – 2005. – № 4. – С. 34–35.
195. Винниченко, О. Ю. Становление советской бюрократии в условиях форсированной модернизации (на материалах Урала) / О. Ю. Винниченко // Юридическая наука и практика : проблемы теории и истории : сб. науч. статей. – Курган : Изд-во Курган. ун-та, 2002. – С. 68–78.
196. Виноградов, Н. Н. К истории общепартийных конференций / Н. Н. Виноградов, В. М. Иванов // Вопросы истории. – 1988. – № 5. – С. 3–13.
197. Волобуев, О. В. История по-сталински / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов // Суровая драма народа : учёные и публицисты о природе сталинизма. – М. : Политиздат, 1989. – С. 312–333.

198. Воробей, А. П. Изменения в административно-территориальном делении Евро-Арктического региона России в 1920–1930-е годы: цели и результаты / А. П. Воробей // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 5. – С. 14–22.
199. Воробей, А. П. «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1929–1930 гг.) / А. П. Воробей // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 67–73.
200. Воробей, А. П. Основные тенденции формирования системы номенклатурных кадров в 1920-е годы / А. П. Воробей // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2. – С. 5–11.
201. Восленский, М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – М. : МП «Октябрь» : Сов. Россия, 1991. – 624 с.
202. Всероссийские, всесоюзные : хроника партийных конференций // Политическое образование. – 1988. – № 9. – С. 37–40.
203. Гаврилов, С. О. Территориальные комитеты ВКП(б) и Советы депутатов трудящихся в 1930-е гг. / С. О. Гаврилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 3. Ч. II. – С. 45–48.
204. Гимпельсон, Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы / РАН, Ин-т рос. истории; Е. Г. Гимпельсон. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 437 с.
205. Гимпельсон, Е. Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата : иллюзии и реальность / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 2000. – № 5. – С. 338–346.
206. Гимпельсон, Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством / Е. Г. Гимпельсон // Вопросы истории. – 1981. – № 11. – С. 25–40.
207. Гимпельсон, Е. Г. Руководящие советские кадры : 1917–1920-е годы / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 61–67.
208. Гимпельсон, Е. Г. Советские управленцы : политический и нравственный облик / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С. 44–54.

209. Гимпельсон, Е. Г. Советские управленцы. 1920-е годы : (Руководящие кадры госаппарата СССР) / Е. Г. Гимпельсон. – М., 2001. – 225 с.
210. Гимпельсон, Е. Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930 / РАН, Ин-т рос. истории; Е. Г. Гимпельсон. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2003. – 224 с.
211. Гимпельсон, Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Наука, 1985. – 229 с.
212. Глазырин, И. Г. Регулирование состава КПСС в период строительства социализма / И. Г. Глазырин. – М. : Госполитиздат, 1957. – 100 с.
213. Голиков, Ю. И. Итоги кадровой чистки госаппарата в Сибири в 1924 году / Ю. И. Голиков // Из истории Сибири. – Новосибирск, 1996. – С. 14–18.
214. Головин, С. А. Членство в РКП(б)–ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) / С. А. Головин // Вопросы истории. – 2008. – № 3. – С. 33–43.
215. Головняк, А. Ф. Прием в большевистскую партию и регулирование ее социального состава в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925) / А. Ф. Головняк. – М., 1950. – 20 с.
216. Горлов, П. М. Ленинский призыв / П. М. Горлов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 67 с.
217. Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. П. Коржихиной. – М. : МГИАИ, 1991. – 120 с.
218. Государственный аппарат : Историко-правовые исследования / ред. кол. : А. В. Игнатенко и др. – Свердловск, 1975. – 180 с.
219. Гузаров, В. Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917–1925 гг. / В. Н. Гузаров. – Томск : Томский гос. ун-т, 2007. – 388 с.
220. Гузаров, В. Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии : 1920–1923 гг. / В. Н. Гузаров // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 120–126.

221. Гутиева, М. А. Политика коренизации кадров и особенности её реализации на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. / М. А. Гутиева // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 2–7.

222. Давыдов, В. Н. Образование автономной области Коми / В. Н. Давыдов; Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1981. – 36 с. – (Научные доклады. Вып. 74).

223. Давыдов, В. Первый съезд коми коммунистов / В. Давыдов // Красное знамя. – 1963. – 11 июля.

224. Даудов, А. Х. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР / А. Х. Даудов, Е. П. Мамышева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. – 2011. – № 2. – С. 7–12.

225. Джавланов, О. Т. Номенклатура : эволюция отбора / О. Т. Джавланов, В. А. Михеев. – М. : Луч, 1993. – 138 с.

226. Дмитриков, М. П. Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20–30-е годы / М. П. Дмитриков // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1989. – С. 30–42. – (Труды Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН СССР. Вып. 44).

227. Дмитриков, М. П. Трагедия Дмитрия Батиева / М. П. Дмитриков, И. Л. Жеребцов // Родники пармы. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1993. – С. 78–90.

228. Долженкова, Е. В. Историко-правовые основы отечественного опыта в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы (на материалах Курского края) : монография / Е. В. Долженкова, В. П. Пашин, О. Г. Ларина. – Курск : Изд-во Юго-Западного гос. ун-та, 2016. – 173 с.

229. Дробижев, В. З. Коммунисты в центральных органах управления РСФСР / В. З. Дробижев, Е. И. Пивовар // Вопросы истории КПСС. – 1985. – № 4. – С. 105–107.

230. Жеребцов, И. Л. ГУЛАГ : развитие экономики Коми края или абсолютное зло? / И. Л. Жеребцов // ГУЛАГ на Севере России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Сыктывкар, 2011. – С. 6–7.

231. Жеребцов, И. Л. Коми : от области к республике / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2016. – № 3. – С. 15–20.
232. Жеребцов, И. Л. От уездов – к республике (к вопросу об административно-территориальном делении Коми в первой половине XX в.) / И. Л. Жеребцов // Урал в модернизационной динамике России XX века : сб. науч. статей. – Екатеринбург : ИД «Сократ», 2015. – С. 97–115.
233. Зак, Л. М. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции / Л. М. Зак, М. И. Исаев // Вопросы истории. – 1966. – № 2. – С. 3–20.
234. Зеленов, М. В. Рождение партийной номенклатуры / М. В. Зеленов // Вопросы истории. – 2005. – № 2. – С. 3–24; № 3. – С. 3–16.
235. Златопольский, Д. Л. Национальная государственность союзных республик / Д. Л. Златопольский. – М. : Юрид. лит., 1968. – 567 с.
236. Зомбе, Е. Двадцатипятидесятники / Е. Зомбе // Вопросы истории. – 1947. – № 5. – С. 3–22.
237. Зыкин, В. Путеводная звезда : Из истории Коми парторганизации / В. Зыкин // Заполярье. – 1960. – 28 фев.
238. Зыкин, В. Странички истории / В. Зыкин // Молодёжь Севера. – 1963. – 28 июля.
239. Иванов, В. За перестройку партийно-массовой работы / В. Иванов, Д. Конторин. – Сыктывкар : Госиздат, 1932. – 41 с.
240. Иванцов, И. Г. Место и роль внутрипартийного контроля РКП(б)–ВКП(б) в партийном строительстве на Кубани. 1920–1930 гг. / И. Г. Иванцов. – Краснодар, 2005. – 207 с.
241. Иванцов, И. Г. Некоторые вопросы истории Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920 – нач. 1930 гг. XX в. : монография / И. Г. Иванцов. – Краснодар : Альфа-Принт, 2012. – 172 с.
242. Иванцов, И. Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б)–ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934 гг. : монография / И. Г. Иванцов. – Краснодар, 2008. – 328 с.
243. Иконников, С. Н. Создание и деятельность объединённых органов ЦКК–РКИ в 1923–1934 гг. / С. Н. Иконников. – М. : Наука, 1971. – 480 с.

244. Илишев, Г. Ш. Башкирская парторганизация в середине 1930-х годов / Г. Ш. Илишев // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С. 126–131.
245. Ильиных, И. В. Соционические черты «Пролетарских выдвиненцев» в 1920–1930-х гг. : возможности использования массовых унифицированных документов / И. В. Ильиных // Документ в парадигме междисциплинарного подхода : материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. (г. Томск, 27–28 окт. 2005 г.) / под ред. О. А. Харусь. – Томск : Томск. гос. ун-т, 2006. – С. 314–317.
246. Исаев, М. И. О языках народов СССР / М. И. Исаев. – М. : Наука, 1978. – 224 с.
247. Исаев, М. И. Языковое строительство в СССР : процессы создания письменности народов СССР / М. И. Исаев. – М. : Наука, 1979. – 351 с.
248. Истер, Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / Дж. М. Истер. – М. : РОССПЭН, 2010. – 256 с.
249. Исторический опыт КПСС по формированию идеологических кадров и повышению их роли в социалистическом и коммунистическом строительстве в СССР : межвуз. сб. тр. – Ярославль, 1985. – 108 с.
250. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – М. : Правда, 1938. – 352 с.
251. История Коми с древнейших времён до конца XX века / под общ. ред. А. Ф. Сметанина. – Т. 2. – Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 2004. – 704 с.
252. История Коммунистической партии Советского Союза / под ред. Б. Н. Пономарёва. – М. : Госполитиздат, 1959. – 742 с.
253. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. / ред. П. Н. Поспелов, Е. И. Бугаев, Л. Ф. Ильичев и др. – М., 1964–1980.
254. История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978 : в 2-х т. Т. 1. 1917–1936 гг. / АН СССР, Ин-т ист. СССР; отв. ред. В. П. Шерстобитов. – М. : Мысль, 1979. – 423 с.
255. История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978 : в 2-х т. Т. 2. 1937–1978 гг. / АН СССР, Ин-т ист. СССР; отв. ред. В. П. Шерстобитов. – М. : Мысль, 1979. – 420 с.

256. История Советского государства и права : в 3-х кн. Кн. 2. Советское государство и право в период строительства социализма. (1921–1935 гг.) / АН СССР, Ин-т гос-ва и права; отв. ред. А. П. Косицын. – М. : Наука, 1968. – 622 с.
257. Кадровая политика КПСС : сб. науч. трудов / отв. ред. Л. Е. Киселёв. – Тюмень : ТГУ, 1989. – 76 с.
258. Кадры – решающая сила партийного руководства : сб. статей / АОН при ЦК КПСС; ред. кол. : А. М. Королёв и др. – М. : Мысль, 1984. – 172 с.
259. Кайкова, О. К. Поворот в национальной политике 1935–1937 гг. и судьба национальных меньшинств РСФСР / О. К. Кайкова // Вестник Российского университета дружбы народов Сер. История России. – 2006. – № 3. – С. 116–121.
260. Кайкова, О. К. Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х – середина 1930-х гг.) / О. К. Кайкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2007. – № 3. – С. 104–110.
261. Камалова, Г. Т. Методы дисциплинарного воздействия в кадровой политике ВКП(б) / Г. Т. Камалова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. – 2015. – Т. 15. № 2. – С. 21–25.
262. Капчинский, О. И. Социальный и партийный состав центрального аппарата ОГПУ в 1920-е годы / О. И. Капчинский // Российская история. – 2007. – № 1. – С. 93–101.
263. Каракчиев, В. Н. Развёртывание политических репрессий против руководителей Коми обласполкома в 1930-х гг. / В. Н. Каракчиев // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность : материалы I междунар. науч. конф. (г. Сыктывкар, 25–29 окт. 2011 г.). – Сыктывкар, 2011. – Ч. 2. – С. 58–60.
264. Каратуев, А. Г. Советская бюрократия : система политико-экономического господства и её кризис (1919–1991) / А. Г. Каратуев. – Белгород, 1993. – 371 с.
265. Карягина, Л. В. Информационное пространство учётных партийных документов и возможности его использования : (по материалам РГАНИ) / Л. В. Карягина // Делопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 112–115.

266. Кирюхина, Е. И. Установление Советской власти в Вятской губернии / Е. И. Кирюхин. – Киров, 1955. – 32 с.
267. Киселёва, Е. Л. Чистка государственного аппарата 1929–1932 годов / Е. Л. Киселёва // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 96–110.
268. Киселёва, Е. Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом / Е. Л. Киселёва // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2009. – № 4. – С. 60–73.
269. Кнорин, В. Краткая история ВКП(б) / В. Кнорин. – М. : Партиздат, 1936. – 411 с.
270. Колдушко, А. А. Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей) / А. А. Колдушко // Вестник Пермского научно-исследовательского политехнического университета. Культура. Философия. Право. – 2010. – № 3. – С. 105–111.
271. Колдушко, А. А. Процессы инкорпорации и экскорпорации партийной номенклатуры в 1920–1930-е гг. / А. А. Колдушко // Власть. – 2012. – № 3. – С. 173–176.
272. Колдушко, А. А. Управление составом партийной номенклатуры в 1920-х – первой половине 1930-х годов (на материалах Прикамья) / А. А. Колдушко // Вестник Пермского научно-исследовательского политехнического университета. Культура. Философия. Право. – 2013. – № 8. – С. 17–29.
273. Коми парторганизация – организатор побед // За новый Север. – 1935. – 6 марта.
274. Коньшин, А. Е. Исторические пути и судьбы коми-пермяцкого народа / А. Е. Коньшин // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 93–111.
275. Кораблёв, П. В. Разработка Лениным и Сталиным основных принципов советского многонационального государства / П. В. Кораблёв // Вопросы истории. – 1954. – № 3. – С. 3–18.

276. Коржихина, Т. П. История государственных учреждений СССР / Т. П. Коржихина. – М. : Высшая школа, 1986. – 399 с.
277. Коржихина, Т. П. Советская номенклатура : становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.
278. Коржихина, Т. П. Советское государство и его учреждения : ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. / Т. П. Коржихина. – М. : РГГУ, 1995. – 418 с.
279. Королько, Р. Ф. Ленинский призыв / Р. Ф. Королько // Красное знамя. – 1979. – 3 янв.
280. Королько, Р. Ф. По ленинскому призыву / Р. Ф. Королько // Красное знамя. – 1984. – 1 февр.
281. Костиков, В. В. Блеск и нищета номенклатуры / В. В. Костиков. – М. : Правда, 1989. – 46 с.
282. Костыгова, З. П. Ленинский призыв в партию (1924 год) / З. П. Костыгова. – М. : Госполитиздат, 1949. – 80 с.
283. КПСС и номенклатура в советском обществе : материалы интернет-конференции (дек. 2005 г. – фев. 2006 г.) / под общ. ред. В. П. Мохова. – Пермь, 2007. – 156 с.
284. Красавин, А. С. Формирование системы документации по кадрам в 1917–1930 гг. / А. С. Красавин // Делопроизводство. – 2001. – № 1. – С. 97–101.
285. Кузиванова, О. Ю. В начале пути. (Очерки истории становления и развития Коми автономии) / О. Ю. Кузиванова, А. А. Попов, А. Ф. Сметанин; отв. ред. А. К. Конюхов. – Сыктывкар, 1996. – 200 с.
286. Кузиванова, О. Ю. Взаимодействие партийного и государственного контроля в системе КК–РКИ в Коми АО (20–30-е гг.) / О. Ю. Кузиванова // Коми областная партийная организация : исторический опыт и современность : респ. науч. конф. (г. Сыктывкар, 5–6 июня 1990 г.). – Сыктывкар, 1990. – С. 22.
287. Куклев, П. Начало могучего движения / П. Куклев, В. Зыкин // Красное знамя. – 1958. – 6 июня.
288. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – М. : Политиздат, 1980. – 160 с.

289. Куликов, К. И. Дело «СОФИН» : монография / К. И. Куликов / УИИЯЛ УрО РАН; К. И. Куликов. – Ижевск, 1997. – 338 с.
290. Куликов, К. И. «Дело СОФИН» (Союз освобождения финских народностей) и репрессии интеллигенции восточных финнов в 30-х годах / К. И. Куликов // Развитие советских финно-угорских народов : история и современность : тезисы докл. Всерос. науч. конф. – Сыктывкар, 1991. – С. 10.
291. Куликов, К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. / УИИЯЛ УрО РАН; К. И. Куликов. – Ижевск, 1993. – 280 с.
292. Куликов, К. И. Удмуртская автономия : этапы борьбы, свершений и потерь / К. И. Куликов. – Ижевск : Удмуртия, 1990. – 205 с.
293. Культурное строительство в Коми АССР (материалы для агитаторов). – Сыктывкар, 1939. – 23 с.
294. Лебедь, Д. Укрепление аппарата пролетарской диктатуры. Проверка и чистка состава советских служащих / Д. Лебедь. – М.; Л. : Московский рабочий, 1929. – 64 с.
295. Левада, Ю. А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации / Ю. А. Левада // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 5–15.
296. Левин, М. Бюрократия и сталинизм / М. Левин // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С. 16–28.
297. Ленин, В. И. Партийная организация и партийная литература / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 12. – С. 99–105.
298. Ленин, В. И. К вопросу о задачах Рабкринна / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 44. – С. 127–132.
299. Ленин, В. И. Политический отчет ЦК РКП(б) на XI съезде РКП(б) 27.03.1922 / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 45. – С. 69–116.
300. Ленин, В. И. Письмо С. Г. Шаумяну 06.12.1913 / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 48. – С. 234–235.

301. Лесной, В. М. Социалистическая революция и государственный аппарат / В. М. Лесной. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 301 с.
302. Липилин, Ю. А. Ленинский призыв в Ленинградской партийной организации / Ю. А. Липилин. – Л. : Лениздат, 1984. – 166 с.
303. Лужин, А. В. Низовой советский аппарат : [сельсовет и волисполком] / А. В. Лужин; под ред. Г. С. Михайлова, А. Я. Эстрина. – М. : Изд-во Коммун. акад., 1929. – 279 с.
304. Мазур, Л. Н. Сельская бюрократия в Советской России : штрихи к портрету / Л. Н. Мазур // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 68–72.
305. Мартынов, А. Кадры и аппарат / А. Мартынов // Большевик. – 1924. – № 3–4. – С. 1–6.
306. Матюшкин Н. И. Дружба народов СССР – источник силы Советского государства / Н. И. Матюшкин. – М. : Госполитиздат, 1947. – 174 с.
307. Матюшкин Н. И. СССР – страна великого содружества народов / Н. И. Матюшкин. – М. : Госкультпросветиздат, 1953. – 303 с.
308. Межоль, К. Недочёты и промахи проверок и чисток в прошлом / К. Межоль // Как проводить чистку партии: сб. директивных статей и материалов / под ред. Е. М. Ярославского. – М.; Л., 1929. – С. 123–139.
309. Мельников, В. П. Коммунистическая партия в 20–30-х годах : опыт и противоречия внутрипартийной работы / В. П. Мельников. – М. : АОН, 1991. – 205 с.
310. Минеева, Е. К. Автономии Среднего Поволжья в системе экономического районирования Советской России (20–30-е годы XX века) / Е. К. Минеева // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 1. – С. 113–117.
311. Минеева, Е. К. Деятельность Наркомнаца РСФСР и его отделов в национальных районах Среднего Поволжья по подготовке и коренизации специалистов / Е. К. Минеева // Учёные записки Российского государственного социального университета. – 2007. – № 3. – С. 112–119.
312. Минеева, Е. К. Наркомнац РСФСР: цели, задача, структура / Е. К. Минеева // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 7. – С. 23–33.

313. Минеева, Е. К. Органы управления в условиях формирования автономии народов Среднего Поволжья в 1917–1936 годах / Е. К. Минеева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 1. – С. 27–40.

314. Минеева, Е. К. Особенности культурной политики Чувашской АССР в 1920–1936 годах / Е. К. Минеева // Вестник Екатеринбургского института. – 2014. – № 2. – С. 113–120.

315. Минеева, Е. К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы) / Е. К. Минеева. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 594 с.

316. Минеева, Е. К. Федеративное устройство республики Советов и определение территориальных границ автономных образований в 20–30-е годы XX века (на материалах мари, мордвы, чувашей) / Е. К. Минеева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 3. – С. 30–44.

317. Минин, М. П. К шестой годовщине Коми автономии / М. П. Минин // Коми му. – 1927. – № 4–5. – С. 6.

318. Митрофанов, А. Х. О чистке и проверке рядов ВКП(б) / А. Х. Митрофанов. – М.; Л. : Московский рабочий, 1929. – 158 с.

319. Морозова, Т. И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) : компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 г. – август 1930 г.) / Т. И. Морозова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 45–48.

320. Морозова, Т. И. Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б) : численность и кадровый состав (май 1924 – август 1930 года) / Т. И. Морозова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2013. – № 12. – С. 104–108.

321. Морозова, Т. И. Социальная мобильность национальных кадров РКП(б)–ВКП(б) в 1922–1938 гг. / Т. И. Морозова // Россия – пространство диалога народов : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 28–30 апр. 2016 г.). – Новосибирск : Изд-во Новосибирского НИГУ, 2016. – С. 19.

322. Москаленко, И. М. ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов / И. М. Москаленко. – М. : Политиздат, 1973. – 216 с.

323. Мохов, В. П. Об определении понятия «элита» / В. П. Мохов // Общество и экономика. – 2008. – № . – С. 130–143.

324. Мохов, В. П. Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры. 1921–1991 гг. : на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа / В. П. Мохов. – Пермь, 2008. – 329 с.

325. Мохов, В. П. Элитизм и история : Проблемы изучения советских региональных элит : монография / В. П. Мохов. – Пермь, 2000. – 204 с.

326. Мурашёв, А. А. В ленинскую партию : (Из истории ленинского призыва) / А. А. Мурашёв. – М. : Госполитиздат, 1960. – 55 с.

327. Мэтьюз, М. Становление системы привилегий в советском государстве / М. Мэтьюз // Вопросы истории. – 1992. – № 2–3. – С. 45–46.

328. Мясников, А. А. Партийная чистка 1921 года в провинции (по материалам Калужской и Тульской губерний) / А. А. Мясников // Омский научный вестник. – 2009. – № 6. – С. 37–41.

329. Назаров, О. Г. Организационно-кадровая деятельность секретариата ЦК РКП(б) в период между X и XI съездами РКП(б) / О. Г. Назаров // Сервис в России и за рубежом. – 2012. – № 4. – С. 144–153.

330. Наймушин, М. Е. Образование государственности, деятельность судебных и правоохранительных органов в Коми автономной области (1918–1929) : монография / М. Е. Наймушин, В. Д. Потапов. – Сыктывкар : КРАГСИУ, 2007. – 186 с.

331. Напалков, А. Д. Место и роль КПСС в советской политической системе (1918–1991 гг.) : (на материалах Коми областной коммунистической организации) / А. Д. Напалков, А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 2011. – 56 с. – (Научные доклады на заседаниях Учёного совета).

332. Напалков, А. Д. Представительные органы власти Республики Коми : опыт конкретно-исторического анализа / А. Д. Напалков. – Сыктывкар, 1998. – 176 с.

333. Национальная государственность финно-угорских народов Северо-Западной России (1917–1940 гг.) : сб. статей. – Сыктывкар, 1996. – 135 с.

334. Национальная государственность чувашского народа : история и современность : сб. статей / отв. ред. В. Н. Клементьев. – Чебоксары : Изд-во ЧГИГН, 2011. – 271 с.

335. Национальные отношения в Коми АССР : история и современность / отв. ред. А. Д. Напалков и др. – Сыктывкар : Изд-во Коми науч. центра УрО АН СССР, 1991. – 156 с. – (Труды Ин-та языка, литературы и истории : Акад. наук СССР, Урал. отд., Коми науч. центр; Вып. 52).

336. Невский, В. И. История РКП(б) : краткий очерк / В. И. Невский; АНО «Центр междунар. исслед. «Новый Прометей». – СПб., 2009. – 747 с.

337. Невский, В. И. История РКП(б). Краткий очерк / В. И. Невский. – М. : Прибой, 1926. – 462 с.

338. Невский, В. И. Очерки по истории Российской коммунистической партии / В. И. Невский. – М. : Прибой, 1923. – Ч. 1. – 653 с.

339. Невский, В. И. Очерки по истории Российской коммунистической партии / В. И. Невский. – 2-е изд. – М. : Прибой, 1925. – Т. 1. – 708 с.

340. Некрасов, С. И. Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве (1917–1940 гг.) / С. И. Некрасов // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 3. – С. 106–126.

341. Никонорова, Т. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) / Т. Никонорова // Российская история. – 2015. – № 6. – С. 26–40.

342. Никулин, В. В. Партийно-государственная номенклатура и закон в советской России : двойная ответственность или особые правовые условия (1920-е годы) / В. В. Никулин // ИВ : Исторические исследования. – 2013. – № 3. – С. 1–43.

343. Нисковский, А. А. Индустриализация как метод решения национально-государственного вопроса в Коми крае (1920–1930-е гг.) / А. А. Нисковский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5. Ч. 1. – С. 146–149.

344. Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века : материалы интернет-конференции «Номенклатура в истории советского

общества» (нояб. 2003 г. – март 2004 г.) / под общ. ред. В. П. Мохова. – Пермь : Изд-во Пермского гос. техн. ун-та, 2004. – 392 с.

345. Номенклатура и характеристики должностей служащих госорганов СССР. – М. : Техника управления, 1930. – 160 с.

346. Олех, Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг. : устройство и функционирование / Г. Л. Олех . – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гуманитар. ин-та, 1995. – 144 с.

347. Олех, Г. Л. Поворот, которого не было : Борьба за внутривнутрипартийную демократию. 1919 – 1924 гг. / Г. Л. Олех. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 197 с.

348. Очерки истории Владимирской организации КПСС. – 2-е изд. – Ярославль, 1972. – 551 с.

349. Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. 1. – Ярославль, 1963. – 502 с.

350. Очерки истории Коми областной организации КПСС. – 2-е изд., доп. и перераб. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1987. – 512 с.

351. Очерки истории Коми партийной организации. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1964. – 428 с.

352. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. 2. ноябрь 1917–1945. – Л., 1968. – 680 с.

353. Очерки истории Мордовской организации КПСС. – Саранск, 1967. – 507 с.

354. Очерки истории партийной организации Татарии. 1883–1972. – 2-е изд., доп. и испр. – Казань, 1973. – 711 с.

355. Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 2. 1921 –1971. – 2-е изд. – Ростов-н/Д, 1973. – 761 с.

356. Очерки истории Пермской областной партийной организации. – Пермь, 1971. – 487 с.

357. Очерки истории Саратовской организации КПСС. Ч. 2. 1918–1937. – Саратов, 1965. – 392 с.

358. Очерки истории Чувашской организации КПСС. – Чебоксары, 1974. – 627 с.

359. Павлов, Б. В. Становление контроля партийной номенклатуры над правоохранительной системой в 1921–1925 годах / Б. В. Павлов // Вопросы истории. – 2004. – № 1. – С. 32–50.

360. Павлова, И. В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы / И. В. Павлова // Вопросы истории. – 1998. – № 11–12. – С. 49–66.

361. Павлюченков, С. А. «Орден меченосцев» : партия и власть после революции. 1917 – 1929 гг. / С. А. Павлюченков. – М. : Собрание, 2002. – 463 с.

362. Партийные конференции : их место и роль в деятельности КПСС : межвузовский сборник / Ленинградский гос. ун-т; под ред. Н. И. Приймак. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 169 с.

363. Паско, М. Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) во второй половине 1920-х годов : численность и состав / М. Ю. Паско // Сибирь в XVII–XX веках : Проблемы политической и социальной истории : Бахрушинские чтения : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. – С. 120–131.

364. Пашин, В. П. Истоки и последствия номенклатурно-селекционной работы партии большевиков / В. П. Пашин // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 146–149.

365. Пашин, В. П. Кадровая политика властных структур : история и современность / В. П. Пашин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – № 4. – С. 11–14.

366. Пашин, В. П. Кадры коммунистической номенклатуры : методы подбора и воспитания / В. П. Пашин, Ю. П. Свириденко. – М., 1998. – 244 с.

367. Пашин, В. П. Некоторые теоретические аспекты становления института номенклатуры в СССР : материалы Интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества» (нояб. 2003 – март 2004 гг.) / В. П. Пашин // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века. – Пермь, 2004. – С. 7–12.

368. Пашин, В. П. Основные направления работы с кадрами партии большевиков в 20-е годы (на примере Курской губернии) / В. П. Пашин // Известия КГТУ. – Курск : КГТУ, 1999. – С. 196–205.

369. Пашин, В. П. От местничества к номенклатуре : история российского чиновничества / В. П. Пашин, Е. В. Воеводкина // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 174–179.

370. Перебинос, Ю. А. Региональная номенклатура на Европейском Севере России в 1930-е годы / Ю. А. Перебинос // Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера : взгляд из XX в XXI век. – Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 1999. – С. 150–155.

371. Перебинос, Ю. А. Региональный партийно-советский аппарат в условиях форсированной социалистической модернизации 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) / Ю. А. Перебинос // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы: материалы научно-практ. конф. (г. Вологда, 3 апр. 2014 г.). – Вологда : Изд-во Вологод. ф-ла РАНХиГС, 2014. – С. 103–115.

372. Перебинос, Ю. А. Структура и штаты аппаратов исполнительных комитетов Советов в период форсированной социалистической модернизации (на материалах Европейского Севера России) / Ю. А. Перебинос // История государства и права. – 2015. – № 22. – С. 22–26.

373. Перебинос, Ю. А. Эволюция регионального партийного аппарата в 1930-е гг. (на материалах Европейского Севера) / Ю. А. Перебинос // Институциональные реформы : история и современность : материалы науч. конф. (г. Вологда, 6–7 апр. 2007 г.). – Вологда, 2007. – С. 184–192.

374. Пермская областная организация КПСС : Хроника. – Пермь, 1983. – 271 с.

375. Пермская элита : становление, развитие, современное состояние : материалы интернет-конференции (январь–март 2003 г.) / под общ. ред. В. П. Мохова. – Пермь : Изд-во Пермского гос. техн. ун-та, 2003. – 215 с.

376. Петрушин, Ю. А. Сельские советы в системе командно-административного управления : взаимодействие и конфликт / Ю. А. Петрушин //

Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2012. – № 2. Ч. 1. – С. 169–172.

377. Пешников, В. В. Ленинский призыв в партию и идейно-политическое воспитание коммунистов / В. В. Пешников. – М. : Госполитиздат, 1954. – 152 с.

378. Повилайтис, А. В. Новый этап в развитии взаимоотношений центра и региональной власти на рубеже 20–30-х гг. на примере деятельности Политбюро ЦК ВКП(б) и Севкрайкома ВКП(б) / А. В. Повилайтис // Клио. – 2005. – № 3. – С. 160–161.

379. Попов, А. А. «Зырянизация-комизация» национальной школы в Коми автономии (1930-е годы) / А. А. Попов // Вторые Мяндинские чтения : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма). – Сыктывкар : ООО «Изд-во «Кола, 2011. – Т. 2. – С. 117–125.

380. Попов, А. А. Из истории становления советской коми национальной школы (30-е годы) / А. А. Попов // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1989. – С. 51–61. – (Труды Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН СССР. Вып. 44).

381. Попов, А. А. О борьбе с так называемыми «двумя уклонами в национальном вопросе» в Коми областной парторганизации в 30-е гг. / А. А. Попов // Коми областная партийная организация : исторический опыт и современность : респ. науч. конф. (г. Сыктывкар, 5–6 июня 1990 г.). – Сыктывкар, 1990. – С. 30.

382. Попов, А. А. Так проводилась зырянизация / А. А. Попов // Родники пармы : науч.-популяр. сб. – Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1993. – С. 138–143.

383. Поспелов, П. Н. История ВКП(б) – марксизм-ленинизм в действии : стенограмма публичной лекции / П. Н. Поспелов. – М., 1949. – 32 с.

384. Потапов, Я. Основные мотивы организации РКП(б) в Коми области / Я. Потапов // Югид туй. – 1923. – 14 марта.

385. Пронин, И. И. Руководящие кадры : подбор, расстановка и воспитание / И. И. Пронин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Мысль, 1981. – 224 с.

386. Протасов, Н. И. Большевистские агитаторы на избирательном участке : Опыт агитационно-массовой работы в период избирательной кампании в Верховный Совет СССР в Ленинском районе г. Москвы / Н. И. Протасов. – М. : Московский рабочий, 1938. – 40 с.

387. Путь борьбы и созидания : Хроника Марийской областной партийной организации КПСС. – Йошкар-Ола, 1988. – 241 с.

388. Разумов, Е. А. Проблемы кадровой политики КПСС / Е. А. Разумов. – М. : Политиздат, 1983. – 192 с.

389. Ратникова, А. Р. Деятельность волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг. : исторический опыт и уроки : монография / А. Р. Ратникова. – Чебоксары : Новое время, 2011. – 215 с.

390. Ратникова, А. Р. Кадровая политика Советского государства (на примере Чувашии) / А. Р. Ратникова // Вестник Чувашского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 40–4.

391. Рогачёв, М. Б. Политическая ссылка в Коми АО в 20–30-е годы XX века / М. Б. Рогачёв, М. В. Таскаев // Политические репрессии в России. XX век : материалы регион. науч. конф. – Сыктывкар, 2001. – С. 24–27.

392. Родневич, Б. Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР / Б. Родневич // Революция и национальности. – 1931. – № 12. – С. 12–21.

393. Розенфельд, В. Я. Двадцатипятидесятники / В. Я. Розенфельд. – М. : Сельхозгиз, 1957. – 120 с.

394. Руководящие кадры Р.К.П.(большевиков) и их распределение. – М.; Л., 1925. – 176 с.

395. Рябухин, Е. И. Большевики Удмуртии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (1917–1918 гг.) / Е. И. Рябухин // Учёные записки Глазовского государственного педагогического института. – Ижевск, 1955. – Вып. II.

396. Сажин, А. И. Кадровая политика КПСС : история и современность / А. И. Сажин. – М. : Знание, 1989. – 63 с.

397. Сануков, К. Н. Расправа над так называемым «Штабом марийских буржуазных националистов» / К. Н. Сануков // Государство и право : актуальные

вопросы истории и современность : марийский юридический вестник. – Йошкар-Ола, 2012. – Вып. 9. – С. 22–27.

398. Сануков, К. Н. Финно-угорские народы России : прошлое и настоящее : монография / К. Н. Сануков. – Йошкар-Ола, 2011. – 192 с.

399. Сануков, К. Н. Финно-угры и финно-угроведение : сб. ст. / К. Н. Сануков. – Йошкар-Ола, 2012. – 324 с.

400. Сборник материалов в помощь изучающим историю ВКП(б) : консультации к II главе «Краткого курса истории ВКП(б). – Минск, 1939. – 68 с.

401. Свириденко, Ю. П. Коммунистическая номенклатура : истоки, сущность, содержание / Ю. П. Свириденко, В. П. Пашин. – М., 1995. – 171 с.

402. Селунская, В. М. Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 30-х годов / В. М. Селунская. – М. : Наука, 1979. – 343 с.

403. Селунская, В. М. Социальная структура советского общества. История и современность / В. М. Селунская. – М. : Политиздат, 1987. – 288 с.

404. Слепов, Л. А. Приём в партию и воспитание молодых коммунистов / Л. А. Слепов. – М. : Госполитиздат, 1943. – 19 с.

405. Слепов, Л. А. Подбор кадров, их выдвижение и расстановка / Л. А. Слепов. – М., 1953. – 32 с.

406. Сметанин, А. Ф. К вопросу формирования системы государственного управления Коми автономной области / А. Ф. Сметанин // Национальная государственность финно-угорских народов Северо-Западной России (1917–1940 гг.). – Сыктывкар, 1996. – С. 91–98.

407. Сметанин, А. Ф. Областная парторганизация в системе политической организации общества в 20-е гг. (по материалам Коми АО) / А. Ф. Сметанин // Коми областная партийная организация : исторический опыт и современность : респ. науч. конф. (г. Сыктывкар, 5–6 июня 1990 г.). – Сыктывкар, 1990. – С. 23.

408. Сметанин, А. Ф. Образование Северного края и позиция руководства Коми автономной области / А. Ф. Сметанин // Европейский Север : проблемы территориального управления и развития : сб. науч. ст. – Архангельск, 2010. – С. 21–25.

409. Сметанин, А. Ф. Проблемы развития национальной государственности народа коми в 1920–1930-х годах в исторической литературе / А. Ф. Сметанин // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1989. – С. 14–22. – (Труды Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН СССР. Вып. 44).

410. Смирнова, Т. М. Чистка соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. / Т. М. Смирнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. – 2009. – № 3. – С. 103–120.

411. Смиртюков, М. С. Советский государственный аппарат управления. Вопросы организации и деятельности центральных органов. – М. : Политиздат, 1982. – 287 с.

412. Создатели Коми автономии / И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин, М. В. Таскаев и др.; отв. ред. Е. Н. Рожкин. – Сыктывкар : Кола, 2006. – 128 с. – (Стоявшие у истоков; Вып. 2).

413. Соловьёв, А. А. Общепартийные конференции в жизни и деятельности КПСС / А. А. Соловьёв // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 6. – С. 79–92.

414. Сталин, И. В. Речь при открытии I Всероссийского совещания ответственных работников РКП 15.10.1920 / И. В. Сталин // Сочинения. – М. : Госполитиздат, 1947. – Т. 4. – С. 364–368.

415. Сталин, И. В. Организационный отчёт ЦК РКП(б) на XII съезде РКП(б) 17.04.1923 / И. В. Сталин // Сочинения. – М. : Госполитиздат, 1947. – Т. 5. – С. 197–222.

416. Старцев, Г. А. Пятнадцать лет Коми областной организации ВКП(б) / Г. А. Старцев // За новый Север. – 1933. – 24, 27 авг.

417. Сырцов, С. Ближайшие задачи в области учёта и распределения / С. Сырцов // Известия ЦК РКП(б). – 1923. – № 49. – С. 11–14.

418. Таскаев, М. В. Национальные, партийные и общественные организации Коми края в первой половине XX столетия (довоенный период) / М. В. Таскаев // История, современное состояние, перспективы развития языков и

культур финно-угорских народов : материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 492–495.

419. Таскаев, М. В. Социально-политические процессы в Коми автономной области (1921–1936 гг.) / М. В. Таскаев // Архивы в XXI веке : проблемы и перспективы : тезисы докл. науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2002. – С. 71–76.

420. Таскаев, М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.) / М. В. Таскаев. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 610 с.

421. Таскаев, М. В. Троцкизм и троцкисты в Коми области / М. В. Таскаев // Политические репрессии и сопротивление несвободе : матер. Всерос. науч. конф. – Сыктывкар, 2009. – С. 234–238.

422. Ташлыков, М. А. Коми партийная организация в борьбе за выполнение второй пятилетки / М. А. Ташлыков // Учёные записки Коми государственного педагогического института. – Сыктывкар, 1963. – Вып. 11. – С. 57–86.

423. Твои Конституции, республика : Конституции Коми АССР и Республики Коми (1937–2003) / Госсовет Республики Коми; науч. ред. Л. В. Четверикова; под ред. А. А. Игнатова. – Сыктывкар, 2004. – 336 с.

424. Тропов, И. А. Волостные исполкомы в первой половине 1920-х гг. : состав и повседневная управленческая деятельность / И. А. Тропов // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни гражданского общества (XVIII–XXI вв.) : материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 14–16 марта 2013 г.). – СПб., 2013. – С. 138–142.

425. Троценко, Н. Д. Двадцатипятидесятники в Западной Сибири : реализация социально-мобилизационных функций (1930–1931 гг.) / Н. Д. Троценко // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 39–42.

426. Урок даёт история / под общ. ред. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова. – М. : Политиздат, 1989. – 414 с.

427. Усков, В. А. Контрольные комиссии РКП(б)–ВКП(б) : замысел и опыт партийно-государственного управления в СССР. 1920-е годы : монография / В. А. Усков. – Томск : Бизнес-Наука-Общество, 2011. – 197 с.

428. Фицпатрик, Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 17–31.

429. Фомин, И. А. Подбор, расстановка и воспитание кадров / И. А. Фомин. – М. : Московский рабочий, 1953. – 64 с.

430. Хлевнюк, О. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. / О. Хлевнюк // Российская история. – 2016. – № 5. – С. 36–52.

431. Хлевнюк, О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы / О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН, 1996. – 296 с.

432. Хлынина, Т. П. Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. / Т. П. Хлынина // Вестник Южного научного центра. – 2014. – Т. 10. № 3. – С. 106–111.

433. Хмара, Н. И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е – 1930-е годы) / Н. И. Хмара // Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 126–139.

434. Царикаев, А. Т. Социально-профессиональный портрет партийных руководителей Северной Осетии в 1924–1953 гг. / А. Т. Царикаев, З. Е. Дзотцоева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7. Ч. 2. – С. 201–203.

435. Царикаев, А. Т. Социопрофессиональный облик советских руководителей Владикавказа (Орджоникидзе) в 1924–1933 гг. / А. Т. Царикаев, З. В. Сосранова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11. Ч. 2. – С. 189–191.

436. Цембер, А. А. 1917 год в г. Усть-Сысольске / А. А. Цембер // Известия Коми ОК РКП(б). – 1923. – № 7–8. – С. 49–54.

437. Цембер, А. А. Десять лет тому назад. Февральская революция в Усть-Сысольске / А. А. Цембер // Коми му. – 1927. – № 10–11. – С. 55–58.

438. Цембер, А. А. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы / А. А. Цембер // Коми му. – 1926. – № 9. – С. 28–33; № 12. – С. 22–25; 1927. – № 9. – С. 25–30; 1928. – № 1. – С. 31–36; № 3. – С. 39–43; № 6. – С. 38–41.

439. Цембер, А. А. Первое десятилетие Коми организации ВКП(б) : (16 июня 1918–16 июня 1928) / А. А. Цембер // Коми му. – 1928. – № 7. – С. 31–39.

440. Цыпина, Е. А. Социальный облик членов большевистских организаций на Урале в 20-е годы XX в. Современная историография / Е. А. Цыпина // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. : в 2 т. – Екатеринбург, 2004. – Т. 1. – С. 139–142.

441. Чекушкин, А. Н. Формирование национальных кадров в финно-угорских автономиях в 1920–1930-е гг. (на примере марийского, мордовского и удмуртского народов) / А. Н. Чекушкин // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 1. – С. 20–25.

442. Чему учит история ВКП(б) : консультации к XV теме учебного плана кружков по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)». – М. : Московский рабочий, 1950. – 168 с.

443. Чешков, М. А. «Вечно живая» номенклатура? / М. А. Чешков // Международная экономика и международные отношения. – 1995. – № 6. – С. 32–43.

444. Чистиков, А. Н. Ответственный работник Новгородской губернии второй половины 1920-х гг. / А. Н. Чистиков // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – № 38. – С. 44–47.

445. Чистиков, А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х гг. : монография. – СПб. : Европейский Дом, 2007. – 292 с.

446. Чистяков, О. И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы Советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) / О. И. Чистяков // Известия вузов. Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 164–168.

447. Чистяков, О. И. РСФСР и строительство государственности народов советской страны (1917–1922 гг.) / О. И. Чистяков // Вопросы истории. – 1972. – № 11. – С. 3–17.
448. Чистяков, О. И. Формирование РСФСР как федеративного государства (1917–1922 гг.) / О. И. Чистяков // Вопросы истории. – 1968. – № 8. – С. 3–17.
449. Чувашская областная организация КПСС. Хроника. Кн. 1. 1898–1955. – Чебоксары, 1989. – 383 с.
450. Чугунов, А. И. Контроль в социалистическом государстве (1920 – начало 1930-х годов) / А. И. Чугунов // Вопросы истории. – 1985. – № 10. – С. 95–107.
451. Чугунов, А. И. Органы социалистического контроля РСФСР 1923–1934 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; А. И. Чугунов. – М. : Наука, 1972. – 472 с.
452. Чупров, В. И. Национальный вопрос в Коми крае на первых съездах Советов (1917–1918 годы) / В. И. Чупров // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. – Сыктывкар, 1989. – С. 23–29. – (Труды Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН СССР. Вып. 44).
453. Шабаев, Ю. П. Опыт национального строительства коми-пермяков : историко-социологический анализ / Ю. П. Шабаев, И. Л. Жеребцов, Г. И. Мальцев // Российская история. – 2005. – № 2. – С. 74–86.
454. Шабаев, Ю. П. Эволюция высшего представительного органа власти в Республике Коми 1920 год–начало XXI века / Ю. П. Шабаев, А. Д. Напалков // Российская история. – 2007. – № 5. – С. 107–119.
455. Шабалин, В. В. «Закулисная политика» (К истории внутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг.) / В. В. Шабалин // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. – Пермь, 2003. – С. 147–153.
456. Шабалин, В. В. «Как и полагалось, жизнью региона руководит Круглов...» (конфликты и конвенции в сфере партийно-советской бюрократии 20-х гг.) / В. В. Шабалин // Разрыв и конвенции в отечественной культуре. – Пермь, 2011. – С. 88–104.

457. Шабалин, В. В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы / В. В. Шабалин // Вест. Пермского ун-та. – 2013. – Вып. 2. – С. 159–166.
458. Шафир, М. А. Административно-территориальное устройство Советского государства / М. А. Шафир. – М. : Наука, 1983. – 176 с.
459. Шевляков, А. С. Партийная чистка сельских организаций ВКП(б) в Сибири (1933–1935 гг.) / А. С. Шевляков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 1. – С. 101–105.
460. Ширяев, Е. А. Механизм проведения районирования в 1929 г. / Е. А. Ширяев // Вестник Московского государственного университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2011. – № 2. – С. 113–123.
461. Шишкин, В. И. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России / В. И. Шишкин, Н. Ю. Пивоваров // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. – 2015. – Т. 14. Вып. 8 : История. – С. 118–150.
462. Шкловский, Г. Чистка госаппарата и выдвижение / Г. Шкловский. – М., 1930. – 57 с.
463. Штудер, Б. Сталинские партийные кадры : практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / Б. Штудер, Б. Уинфред; пер. с нем. И. А. Золотарёва. – М. : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина : РОССПЭН, 2011. – 246 с. – (История сталинизма).
464. Шубин, С. И. Архангельские оппортунисты : (Развитие Поморья в 20–30-е гг. XX в.) / С. И. Шубин // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С. 145–151.
465. Шубин, С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы : монография / С. И. Шубин. – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2000. – 460 с.
466. Юдин, И. Н. Социально-классовая природа КПСС и закономерности роста её рядов / И. Н. Юдин // Вопросы истории КПСС. – 1964. – № 4. – С. 97–113.
467. Юдин, К. А. Организационно-правовые и идеологические основы деятельности комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934–1936 гг. / К. А. Юдин // Вестник архивиста. – 2013. – № 1. – С. 191–199.

468. Якоб, В. В. Крестьянство Коми АО в период НЭПа, индустриализации, коллективизации (1920–1930-е гг.) / В. В. Якоб. – Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2012. – 216 с.
469. Яковлев, Н. Ф. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов / Н. Ф. Яковлев // Жизнь национальностей. – 1936. – № 2. – С. 25–38.
470. Якубовская, С. И. Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936 / С. И. Якубовская. – М. : Наука, 1972. – 222 с.
471. Якубовская, С. И. Роль Союза ССР в развитии советских наций и народностей (1922–1928 гг.) / С. И. Якубовская // Вопросы истории. – 1972. – № 9. – С. 3–17.
472. Якубовская, С. И. Строительство Союзного Советского социалистического государства. 1922–1925 гг. / АН СССР, Ин-т истории; С. И. Якубовская. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 400 с.
473. Ялтаев, И. Ф. Проблема коренизации органов власти национальными кадрами в МАО в 1930-е гг. / И. Ф. Ялтаев // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов : материалы III междунар. ист. конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 280–283.
474. Ярославский, Е. М. История ВКП(б) / Е. М. Ярославский. – М.: Партиздат, 1935. – Ч. 1. – 351 с.
475. Ярославский, Е. М. Краткие очерки по истории ВКП(б). Ч.1. От народничества до периода ликвидаторства / Е. М. Ярославский. – М.; Л., 1926. – 204 с.
476. Ярославский, Е. М. Краткие очерки по истории ВКП(б). Ч.2. От периода ликвидаторства до XV съезда ВКП(б) / Е. М. Ярославский. – М.; Л., 1928. – 507 с.
477. Ярославский, Е. М. О чистке и проверке членов и кандидатов ВКП(б) : тезисы доклада / Е. М. Ярославский. – М.; Л., 1929. – 16 с.
478. Яцков, В. А. Кадровая политика КПСС : опыт и проблемы / В. А. Яцков. – М. : Мысль, 1986. – 317 с.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций

479. Барунов, В. Ю. Рабоче-крестьянская интеллигенция и формирование партийно-советских кадров в 1921–1925 гг. : на материалах Иваново-Вознесенский, Костромской и Ярославской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Вадим Юрьевич Барунов. – Кострома, 2011. – 25 с.

480. Бичегкуев, Т. Т. Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Тамерлан Таймуразович Бичегкуев. – Владикавказ, 2008. – 22 с.

481. Богословская, М. В. Советская государственная элита 1920-х гг. : механизм формирования и система назначений : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мария Владимировна Богославская. – М., 2007. – 21 с.

482. Борисова, Ю. А. Областные партийные комитеты как органы политической власти на местах в 1918–1937 гг. : на примере Западного региона РСФСР : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Юлия Анатольевна Борисова. – М., 2008. – 24 с.

483. Бубличенко, Н. И. Формирование партийного аппарата Башкирской АССР периода НЭПа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Нина Ивановна Бубличенко. – Уфа, 2012. – 27 с.

484. Бурганова, Ф. А. Деятельность органов ОКК–РКИ Татарии в период создания фундаментов социалистической экономики (1927–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Фавзия Абдулловна Бурганова. – Казань, 1965. – 20 с.

485. Гатауллин, Р. В. Воплощение ленинских принципов контроля в деятельности ОКК–РКИ Татарии в восстановительный период (1921–1926 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Рой Вафинович Гатауллин. – Казань, 1966. – 17 с.

486. Головинова, Ю. В. Партийная элита Алтайского края в 1938–1955 гг. : социально-историческое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Юлия Владимировна Головинова. – Барнаул, 2013. – 28 с.

487. Давыдов, В. Н. Коми автономная область в период восстановления народного хозяйства СССР (1921–1925) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Василий Николаевич Давыдов. – Сыктывкар, 1955. – 15 с.

488. Долженкова, Е. В. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы : на материалах Курского края : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Екатерина Викторовна Долженкова. – Курск, 2012. – 28 с.

489. Донин, А. Н. Роль местных контрольных комиссий ВКП(б) в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. 1926–1934 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Александр Николаевич Донин. – Саратов, 1987. – 19 с.

490. Иванцов, И. Г. Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б) 1920–1929 гг. : На материалах Кубани : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Игорь Григорьевич Иванцов. – Краснодар, 2005. – 24 с.

491. Кайкова, О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР : исторический опыт Советского государства в решении проблем национальных меньшинств в 1920–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ольга Константиновна Кайкова. – М., 2007. – 20 с.

492. Каримова, Г. Р. Национальная политика РКП(б) в Татарской АССР в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гузель Рушановна Каримова. – Казань, 2013. – 24 с.

493. Колдушко, А. А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Анна Анатольевна Колдушко. – Пермь, 2006. – 18 с.

494. Крылова, А. В. Становление системы партийного управления в Нижегородской губернии : 1917–1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Анна Владимировна Крылова. – Н. Новгород, 2007. – 28 с.

495. Кудрявцев, С. В. Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х годов : На материалах областей Верхнего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сергей Владимирович Кудрявцев. – Ярославль, 2000. – 29 с.

496. Кузиванова, О. Ю. Актуальные проблемы становления и развития коми национальной государственности (1917–1930-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ольга Юрьевна Кузиванова. – Сыктывкар, 1992. – 23 с.

497. Кузнецов, И. В. Социальный облик коммунистов 20-х годов в Центрально-промышленном районе : По материалам всесоюзной партийной переписи 1927 года : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Игорь Владимирович Кузнецов. – М., 2004. – 29 с.

498. Логинов, С. Л. Кадровый состав выборных партийных и советских органов региональной власти второй половины 1920-х годов : На материалах Нижегородской губернии и Вотской автономной области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сергей Леонидович Логинов. – Н. Новгород, 2002. – 18 с.

499. Мурашёв, А. А. Ленинский призыв в партию в 1924 году : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Александр Алексеевич Мурашёв. – М., 1952. – 25 с.

500. Мясников, А. А. Партийная чистка 1921 года : по материалам Калужской и Тульской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Антон Андреевич Мясников. – Брянск, 2011. – 27 с.

501. Назаров, О. Г. Борьба за лидерство в РКП(б) и её влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы : автореф. дис. ... д. ист. наук : 07.00.02 / Олег Геннадьевич Назаров. – М., 2000. – 37 с.

502. Нижник, Н. С. Подготовка на Урале советских и партийных кадров в учебных заведениях РКП(б)–ВКП(б) (1921–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Надежда Степановна Нижник. – Челябинск, 1993. – 25 с.

503. Новосельцева, Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920–1930-е годы : На материалах Смоленской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Татьяна Ивановна Новосельцева. – Брянск, 2004. – 22 с.

504. Пашин, В. П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР : (Становление, развитие, упрочение в 20-х – 1930 гг.) : автореф. дис. ... д. ист. наук : 07.00.02 / Василий Петрович Пашин. – М., 1993. – 43 с.

505. Ратникова, А. Р. Деятельность волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг. : исторический опыт и уроки : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Альбина Радимировна Ратникова. – Чебоксары, 2011. – 22 с.

506. Саранцев, Н. В. Большевистская партийно-политическая элита : Возникновение, становление, трансформация (начало 1900-х – конец 30-х гг.) : автореф. дис. ... д. ист. наук : 07.00.02 / Николай Владимирович Саранцев. – Саратов, 2002. – 40 с.

507. Семчук, И. М. Регулирование роста и социальный состав Московской партийной организации в восстановительный период (1921–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Иван Мефодьевич Семчук. – М., 1976. – 21 с.

508. Сибиряков, И. В. Роль органов партийного контроля в нравственном воспитании коммунистов в 1921–1925 гг. (На материалах Уральской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Игорь Вячеславович Сибиряков. – М., 1990. – 31 с.

509. Сорокин, О. Н. Деятельность объединённых органов партийного и государственного контроля (ОБЛКК–РКИ) на Урале (1923–1934) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Олег Николаевич Сорокин. – Свердловск, 1991. – 19 с.

510. Тараторкин, Н. А. Ленинский призыв и работа Уральской партийной организации по марксистско-ленинскому воспитанию коммунистов (1924–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Николай Александрович Тараторкин. – Свердловск, 1961. – 17 с.

511. Ткачёв, В. И. Формирование механизма партийной власти в советской политической системе : октябрь 1917–1930-е гг. : На материалах Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Вениамин Иванович Ткачёв. – Саратов, 2006. – 39 с.

512. Тяжелникова, В. С. Социальная структура ВКП(б) во второй половине 20-х годов : (Опыт количественного анализа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Виктория Станиславовна Тяжелникова. – М., 1991. – 24 с.

513. Фёдоров, М. С. Партийные принципы подбора, расстановки руководящих кадров и их марксистско-ленинское воспитание : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. С. Фёдоров. – Л., 1954. – 14 с.

514. Фёдорова, И. М. Местный партийно-советский аппарат в первой половине 20-х годов : формирование, социальный облик : По материалам Калужской, Тульской, Смоленской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ирина Михайловна Фёдорова. – Брянск, 2001. – 17 с.

515. Хасанова, З. И. Становление партийной номенклатуры в БАССР : 1917–1937 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Зухра Искандаровна Хасанова. – Уфа, 2009. – 22 с.

516. Ходенков, О. А. Деятельность Коммунистической партии по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях (1926–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Олег Александрович Ходенков. – М., 1988. – 25 с.

517. Чистиков, А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России : 1917–1920-х гг. : автореф. дис. ... д. ист. наук : 07.00.02 / Александр Николаевич Чистиков. – СПб., 2007. – 38 с.

518. Шаньгина, В. В. Деятельность местных Советов Коми автономной области по созданию основ социалистической экономики в годы первой пятилетки : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Виолетта Владимировна Шаньгина. – Петрозаводск, 1975. – 19 с.

519. Шепелев, В. Н. Становление и развитие централизованного учёта членов партии и руководящих партийных кадров. 1917–1927 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.14 / Валерий Николаевич Шепелев. – М., 1988. – 24 с.

520. Шубин, С. И. Региональная политика советского государства в 1920–1930-е гг. и её реализация в Северном крае : автореф. дис. ... д. ист. наук : 07.00.02 / Сергей Иванович Шубин. – Архангельск, 2002. – 42 с.

521. Юдин, А. В. Кадровая работа Нижегородской губернской партийной организации в 1921–1926 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Алексей Владимирович Юдин. – Н. Новгород, 2012. – 25 с.

522. Якоб, В. В. Коми крестьянство в 1920–1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Виктор Валентинович Якоб. – Сыктывкар, 2005. – 29 с.

523. Яцков, В. А. Кадровая политика КПСС : опыт и проблемы : автореф. дис. ... д. ист. наук : 07.00.02 / Вячеслав Александрович Яцков. – М., 1988. – 51 с.

3.1. Электронные ресурсы

524. Земляной, С. Н. Невидимая рука Учраспреда / С. Н. Земляной // Отечественные записки. – 2004. – № 2. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/nevidimaya-ruka-uchraspreda>. – (Дата обращения: 17.02.2016).

525. Зиновьев, Г. Е. Лекции по истории Российской коммунистической партии (большевиков) / Г. Е. Зиновьев . – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/zin1.html> . – (Дата обращения: 27.04.2015).

526. Колдушко, А. А. Особенности формирования партийной номенклатуры в 1920-е гг. в Прикамье / А. А. Колдушко // Гражданская война на востоке России : Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 24–26 нояб. 2008 г.). – Режим доступа: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/a-a-koldushko-osobennosti-formirovaniya-partijnoj-nomenklatury-v-1920-e-gg-v-prikame.html>. – (Дата обращения: 19.05.2016).

527. Конституция (Основной Закон) СССР (утв. II Съездом Советов Союза ССР от 31.01.1924) // ИПП «Гарант». – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/185480/. – (Дата обращения: 14.12.2016).

528. Монти, К. «Обследовать, инструктировать и направлять работу парткомов». Организационная культура партийного аппарата в период нэпа / К. Монти. – Режим доступа: magazines.russ.ru/nz/2012/3/m12.html. – (Дата обращения: 11.08.2015).

529. Мохов, В. П. Местная политическая элита в России : понятие, структура, численность / В. П. Мохов // PolitBook. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mestnaya-politicheskaya-elita-v-rossii-ponyatie-struktura-chislennost>. – (Дата обращения: 15.08.2016).

530. Мохов, В. П. Номенклатура как политический институт в истории советского государства второй половины XX века / В. П. Мохов. – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=121&pod_id=31. – (Дата обращения: 11.04.2017).

531. Мохов, В. П. Советская номенклатура как политический институт / В. П. Мохов // Номенклатура как политический институт в истории советского

общества второй половины XX века. – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=121&pod_id=31. – (Дата обращения: 15.08.2016).

532. Назаров, В. Н. Номенклатура империи : исследования кризиса / В. Н. Назаров. – Режим доступа: <http://opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/?id=725>. – (Дата обращения: 15.08.2016).

533. О ликвидации национальных районов и сельсоветов : постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17.12.1937. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/355737> (Дата обращения: 15.05.2017).

534. Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей : постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13.03.1938 № 324 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23269#0>. – (Дата обращения: 11.05.2016).

535. Чернышова, А. В. Советский государственный аппарат 1920-х гг. : проблемы качественного состава / А. В. Чернышова. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/?id=4182>. – (Дата обращения: 10.03.2017).

536. Юдин, К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг. : идейно-институциональный облик / К. А. Юдин. – Иваново, 2015. – 295 с. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/29057391>. – (Дата обращения: 16.08.2016).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Хронологический указатель Коми областных партийных конференций (январь 1921 г. – март 1940 г.)⁶¹¹

№ конференции	даты проведения
I	8–13 января 1921 г.
II	15–20 января 1922 г.
III	17–21 сентября 1922 г.
IV	10–15 марта 1923 г.
V	26 марта – 2 апреля 1924 г.
VI	3–7 октября 1924 г.
VII	20–26 января 1926 г.
VIII	1–9 октября 1927 г.
IX	8–15 марта 1929 г.
X	2–5 августа 1929 г.
XI	27 мая – 1 июня 1930 г.
XII	3–8 января 1932 г.
XIII	3–8 января 1934 г.
XIV	12–18 мая 1937 г.
XV	10–15 июля 1938 г.
XVI	26 февраля – 2 марта 1939 г.
XVII	10–14 марта 1940 г.

⁶¹¹ Составлено автором.

Хронологический указатель Коми областных съездов Советов
(январь 1922 г. – июнь 1937 г.)⁶¹²

№ съезда	даты проведения
I	22–29 января 1922 г.
II	6–11 декабря 1922 г.
III	14–21 декабря 1923 г.
IV	8–14 октября 1924 г.
V	27 января – 4 февраля 1926 г.
VI	20–27 марта 1927 г.
VII	16–22 марта 1929 г.
VIII	3–7 августа 1929 г.
IX	25 января – 1 февраля 1931 г.
X	25–30 декабря 1934 г.
XI чрезвычайный	1–3 ноября 1936 г.
XI чрезвычайный	20–24 июня 1937 г.

⁶¹² Составлено автором.

Социальные характеристики делегатов-мужчин

Коми областных партийных конференций, %⁶¹³

Признак	Национальность			Социальное положение			Образование		
	Коми	Русские	Прочие	Служащие	Рабочие	Крестьяне	Начальное	Среднее	Высшее
II	-	-	-	7,1	7,1	85,8	75,0	21,4	3,6
III	84,4	15,6	0	3,9	13,0	83,1	71,4	23,4	5,2
IV	76,7	23,3	0	7,0	20,9	72,1	67,4	32,6	0
V	69,8	27,9	2,3	14,0	20,9	65,1	69,8	30,2	0
VI	84,4	15,6	0	8,8	15,6	75,6	75,6	24,4	0
VII	89,7	10,3	0	23,2	8,9	66,1	69,6	26,8	1,8
VIII	84,4	15,6	0	53,1	11,0	35,9	-	-	-
IX ⁶¹⁴	76,4	21,8	1,8	27,3	16,4	54,5	-	-	-
X	71,1	27,7	1,2	27,7	22,9	49,4	73,5	20,5	1,2
XI	60,3	36,5	3,2	41,3	28,6	30,1	-	-	-
XII	63,1	31,6	1,8	31,6	20,2	44,7	54,4	14,9	8,8
XIII	64,7	33,1	1,5	44,1	24,3	30,1	75,7	19,1	3,0
XIV	66,7	30,5	2,8	32,6	20,2	47,2	79,9	11,8	6,9
XV	61,6	34,9	3,5	38,4	17,4	44,2	74,4	15,1	10,5
XVI	57,4	36,1	6,5	43,4	23,0	33,6	60,7	22,9	16,4
XVII	61,2	33,3	5,5	40,0	25,5	34,5	69,1	18,8	11,5

(НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 62, 78, 113, 116, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360)

⁶¹³ Сведения по I Всезырянскому съезду коммунистов отсутствуют.

⁶¹⁴ Только делегаты с решающим голосом.

Социальные характеристики делегатов-женщин

Коми областных партийных конференций, %⁶¹⁵

Признак	Национальность			Социальное положение			Образование		
	Коми	Русские	Прочие	Служащие	Рабочие	Крестьяне	Начальное	Среднее	Высшее
II	-	-	-	0	0	100,0	66,7	33,3	0
III	100,0	0	0	0	0	100,0	0	100,0	0
IV	75,0	25,0	0	25,0	25,0	50,0	25,0	75,0	0
V	100,0	0	0	0	0	100,0	100,0	0	0
VI	100,0	0	0	0	0	100,0	0	100,0	0
VII	100,0	0	0	0	0	100,0	25,0	75,0	0
VIII	87,5	12,5	0	75,0	25,0	0	-	-	-
IX ⁶¹⁶	80,0	20,0	0	40,0	20,0	40,0	-	-	-
X	71,4	28,6	0	42,8	28,6	28,6	28,6	28,6	14,3
XI	62,5	25,0	12,5	50,0	37,5	12,5	62,5	12,5	12,5
XII	75,0	12,5	0	50,0	12,5	37,5	50,0	0	25,0
XIII	45,5	45,5	9,0	54,5	18,2	27,3	72,7	27,3	0
XIV	70,0	30,0	0	35,0	15,0	50,0	60,0	15,0	10,0
XV	73,3	26,7	0	60,0	13,3	26,7	53,3	33,3	13,4
XVI	81,8	18,2	0	63,6	9,1	27,3	45,5	9,0	45,5
XVII	84,0	16,0	0	52,0	8,0	40,0	60,0	16,0	24,0

(НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 15, 16, 32, 44, 45, 62, 78, 113, 116, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360)

⁶¹⁵ Сведения по I Всезырянскому съезду коммунистов отсутствуют.

⁶¹⁶ Только делегаты с решающим голосом.

Приложение 5

Удельный вес делегатов-мужчин Коми областных партийных конференций по соотношению признаков «национальность» – «социальное положение», %⁶¹⁷

Национальность	Коми			Русские			Другие		
	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие
III	77,9	6,5	0	6,5	6,5	2,6	0	0	0
IV	67,5	7,0	2,3	4,6	14,0	4,6	0	0	0
V	58,1	2,3	9,3	7,0	16,3	4,7	0	2,3	0
VI	71,1	4,5	8,8	4,5	11,1	0	0	0	0
VII	66,1	1,8	21,4	0	7,1	1,8	-	-	-
VIII	35,9	4,7	43,8	0	6,2	9,4	0	0	0
IX ⁶¹⁸	54,5	1,8	20,0	0	12,7	7,3	0	1,8	0
X	47,0	7,2	16,9	2,4	14,5	10,8	0	1,2	0
XI	28,6	4,8	26,9	1,6	22,2	12,7	0	1,6	1,6
XII	42,1	1,7	18,4	2,6	16,7	12,3	0	1,7	0,9
XIII	28,7	6,6	27,9	1,5	16,9	15,4	0	0,7	0,7
XIV	40,9	3,5	20,1	6,3	15,3	11,1	0	1,4	1,4
XV	37,2	2,3	22,1	7,0	15,1	12,8	0	0	3,5
XVI	28,7	6,6	22,1	4,9	14,8	16,4	0	1,6	4,9
XVII	26,7	6,0	28,5	7,3	16,4	9,7	0,6	3,0	1,8

(НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16, 32, 44, 45, 62, 78, 113, 116, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360)

⁶¹⁷ Сведения по I Всезырянскому съезду коммунистов, II Коми областной партийной конференции отсутствуют.

⁶¹⁸ Только делегаты с решающим голосом.

Приложение 6

Удельный вес делегатов-женщин Коми областных партийных конференций по соотношению признаков «национальность» – «социальное положение», %⁶¹⁹

Национальность	Коми			Русские			Другие		
	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие
III	100,0	0	0	0	0	0	0	0	0
IV	50,0	25,0	0	0	0	25,0	0	0	0
V	100,0	0	0	0	0	0	0	0	0
VI	100,0	0	0	0	0	0	0	0	0
VII	100,0	0	0	0	0	0	0	0	0
VIII	0	12,5	75,0	0	12,5	0	0	0	0
IX ⁶²⁰	40,0	0	40,0	0	20,0	0	0	0	0
X	14,3	14,3	42,8	14,3	14,3	0	0	0	0
XI	12,5	25,0	25,0	0	12,5	12,5	0	0	12,5
XII	25,0	-	50,0	12,5	-	0	0	-	0
XIII	18,2	9,1	18,2	9,1	9,1	27,2	0	0	9,1
XIV	40,0	0	30,0	10,0	15,0	5,0	0	0	0
XV	20,0	6,7	46,6	6,7	6,7	13,3	0	0	0
XVI	27,3	0	54,5	0	9,1	9,1	0	0	0
XVII	36,0	4,0	44,0	4,0	4,0	8,0	0	0	0

(НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16, 32, 44, 45, 62, 78, 113, 116, 130, 155, 208, 298, 317, 335, 360)

⁶¹⁹ Сведения по I Всезырянскому съезду коммунистов, II Коми областной партийной конференции отсутствуют.

⁶²⁰ Только делегаты с решающим голосом.

Удельный вес делегатов-мужчин Коми областных партийных конференций
по соотношению признаков «национальность» – «образование», %⁶²¹

Националь- ность	Коми			Русские			Другие		
	Начальное	Среднее	Высшее	Начальное	Среднее	Высшее	Начальное	Среднее	Высшее
III	59,7	20,8	2,6	11,7	2,6	2,6	0	0	0
IV	51,2	25,6	0	16,3	6,9	0	0	0	0
V	44,2	23,3	0	23,3	4,6	0	2,3	2,3	0
VI	64,5	22,2	0	11,1	2,2	0	0	0	0
VII	60,7	26,8	1,8	8,9	0	0	-	-	-
X	54,2	15,7	1,2	20,5	4,8	0	0	0	0
XIII	52,2	10,3	2,2	25,0	7,4	0,7	0	1,5	0
XIV	50,7	8,3	4,9	26,4	3,5	2,1	2,1	0,7	0
XV	46,5	7,0	8,1	23,3	9,3	2,3	2,3	1,2	0
XVI	39,3	11,5	6,6	20,5	9,8	5,7	1,6	1,6	3,3
XVII	43,0	10,3	7,3	23,6	6,7	3,0	1,8	1,8	1,8

(НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16, 32, 44, 45, 62, 116, 208, 298, 317, 335, 360)

⁶²¹ Сведения по I Всезырянскому съезду коммунистов, II, VIII, IX, XI, XII Коми областными партийными конференциями отсутствуют.

Удельный вес делегатов-женщин Коми областных партийных конференций
по соотношению признаков «национальность» – «образование», %⁶²²

Националь- ность	Коми			Русские			Другие		
	Начальное	Среднее	Высшее	Начальное	Среднее	Высшее	Начальное	Среднее	Высшее
III	0	100,0	0	0	0	0	0	0	0
IV	25,0	50,0	0	0	25,0	0	0	0	0
V	100,0	0	0	0	0	0	0	0	0
VI	0	100,0	0	0	0	0	0	0	0
VII	25,0	75,0	0	0	0	0	0	0	0
X	14,3	28,6	14,3	14,3	0	0	0	0	0
XIII	37,5	12,5	12,5	25,0	0	0	12,5	0	0
XIV	37,5	12,5	25,0	12,5	0	0	-	-	-
XV	36,5	9,0	0	36,5	9,0	0	0	9,0	0
XVI	35,0	15,0	10,0	25,0	0	0	0	0	0
XVII	26,7	33,3	13,3	26,7	0	0	0	0	0

(НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16, 32, 44, 45, 62, 116, 208, 298, 317, 335, 360)

⁶²² Сведения по I Всезырянскому съезду коммунистов, II, VIII, IX, XI, XII Коми областными партийными конференциями отсутствуют.

Секретари Коми областного комитета РКП(б)–ВКП(б) –
участники Коми областных партийных конференций⁶²³

№ конференции	Дата проведения	Фамилия, имя, отчество (период полномочий)
I	8–13 января 1921 г.	Потапов Яков Фёдорович (январь 1921 г. – январь 1922 г.)
II	15–20 января 1922 г.	Минин Михаил Петрович* (январь – август 1922 г.)
III	17–21 сентября 1922 г.	Чирков Афанасий Михайлович (сентябрь 1922 г. – июль 1924 г.)
IV	10–15 марта 1923 г.	Он же
V	26 марта – 2 апреля 1924 г.	Он же
VI	3–7 октября 1924 г.	Селиванов Дмитрий Ильич* (август 1924 г. – июнь 1927 г.)
VII	20–26 января 1926 г.	Он же
VIII	1–9 октября 1927 г.	Козлов Григорий Андреевич (июнь 1927 г. – март 1929 г.)
IX	8–15 марта 1929 г.	Люстров Николай Алексеевич** (март 1929 г. – март 1930 г.)
X	30 июля – 5 августа 1929 г.	Он же
XI	26 мая – 1 июня 1930 г.	Колегов Николай Степанович (март 1930 г. – август 1932 г.)
XII	3–8 января 1932 г.	Он же
XIII	3–8 января 1934 г.	Семичев Алексей Александрович*

⁶²³ Составлено автором.

		(декабрь 1932 г. – ноябрь 1937 г.)
XIV	12–18 мая 1937 г.	Он же
XV	10–15 июня 1938 г.	Мурашев Павел Иванович* (ноябрь 1937 г. – июнь 1938 г.)
XVI	26 февраля – 2 марта 1939 г.	Рязанов Иван Дмитриевич (июль 1938 г. – март 1940 г.)
XVII	10–14 марта 1940 г.	Тараненко Алексей Георгиевич (март 1940 г. – декабрь 1948 г.)

* Репрессирован

** Исключён из партии

Председатели Коми областного исполнительного комитета –
участники Коми областных партийных конференций⁶²⁴

№ конференции	Дата проведения	Фамилия, имя, отчество (период полномочий)
II	15–20 января 1922 г.	Селиванов Дмитрий Ильич* (июль 1921 г. – сентябрь 1922 г.)
III	17–21 сентября 1922 г.	Он же
IV	10–15 марта 1923 г.	Сорвачёв Василий Иванович (декабрь 1922 г. – июнь 1924 г.)
V	26 марта – 2 апреля 1924 г.	Он же
VI	3–7 октября 1924 г.	Мишарин Ефим Михайлович* (июнь 1924 г. – май 1928 г.)
VII	20–26 января 1926 г.	Он же
VIII	1–9 октября 1927 г.	Он же
IX	8–15 марта 1929 г.	Юркин Василий Петрович* (май 1928 г. – март 1929 г.)
X	30 июля – 5 августа 1929 г.	Коюшев Иван Григорьевич* (март 1929 г. – март 1930 г.)
XI	26 мая – 1 июня 1930 г.	Тараканов Фёдор Гаврилович* (март 1930 г. – июль 1933 г.)
XII	3–8 января 1932 г.	Он же
XIII	3–8 января 1934 г.	Коюшев Иван Григорьевич* (июль 1933 г. – апрель 1935 г.)
XIV	12–18 мая 1937 г.	Липин Александр Петрович*

⁶²⁴ Составлено автором.

		(июнь 1935 г. – сентябрь 1937 г.)
XV	10–15 июня 1938 г.	Кызыуров Иона Алексеевич** (сентябрь 1937 г. – июнь 1938 г.)
XVI	26 февраля – 2 марта 1939 г.	Ветошкин Геннадий Васильевич (июнь 1938 г. – июль 1945 г.)
XVII	10–14 марта 1940 г.	Он же

* Репрессирован

** Исключён из партии